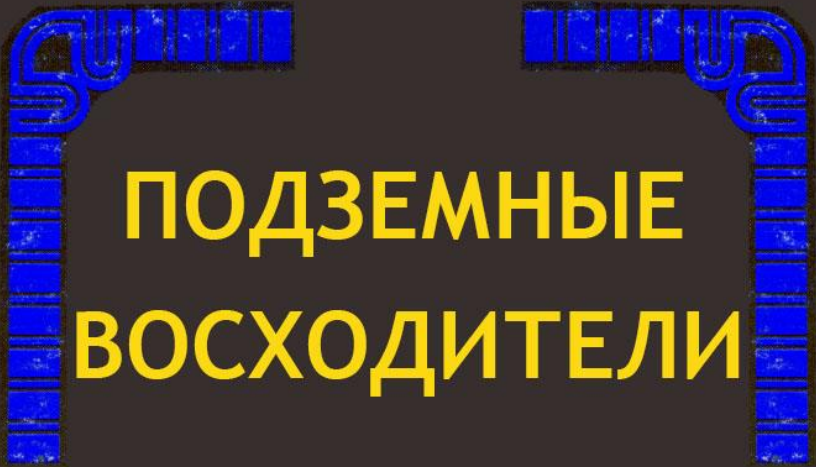

ПОДЗЕМНЫЕ ВОСХОДИТЕЛИ

ПЬЕР ШЁВАЛЬЕ

перевод на русский язык К.Б.СЕРАФИМОВ

12 лет в глубочайшей пропасти Мира

Некоммерческое электронное издательство
“СУМГАН”

Хайфа - 2020--2021

Предисловие переводчика на Русский язык

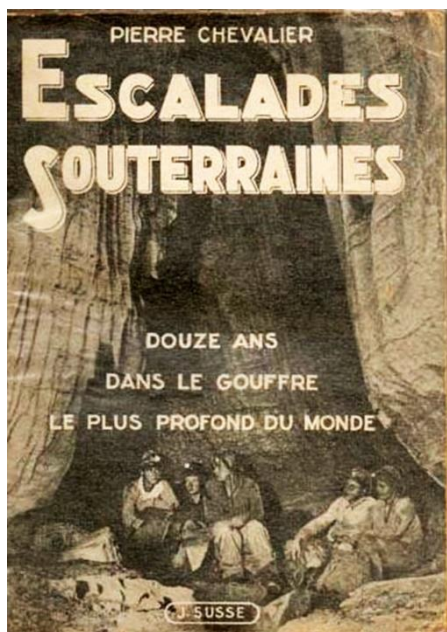
История выдающегося французского спелеолога Пьера Шёвалье интересовала меня очень давно. Прежде всего, его нововведения в технику вертикальной спелеологии. Три из них имеют поистине Мировое значение — это:

- металлические зажимы для подъема по веревкам;
- использование составного штурмового шеста для восхождений в пещерах;
- и, наконец, конструирование и использование нейлоновых веревок вместо пеньковых.

Обо всем этом в русскоязычной литературе нет ничего вразумительного. Но где же взять более достоверную информацию, как не у самого Инноватора?

К счастью, в 1948 году Пьер Шёвалье публикует книгу (издательство *C.D.S. Isère*), написанную им по итогам удивительной 12-летней эпопеи исследований подземной системы Дон-де-Кроль:

"Escalades Souterraines — Douze ans dans le plus grand gouffre du monde" ou "La Dent de Crolles et son réseau souterrain"

«Подземные Восходители — 12 лет в самой большой пропасти мира» или «Дон-де-Кроль и его подземные исследования».

В ней шаг за шагом рассказано, как пещерная система Тру-дю-Гляз в 1947 году стала величайшей по перепаду высот пропастью Мира: 613 метров, при протяженности 16 898 метров.¹

Мне было очень интересно, как французские коллеги смогли совершить такую огромную работу в период Второй мировой войны. И долгие годы я мечтал хотя бы подержать в руках эту книгу, но реальная возможность появилась очень нескоро. Французский оригинал мы не нашли, зато удалось купить второе издание в английском переводе. Оказалось, что «**Подземные Восходители**» были изданы на английском в 1951 году издательством *Faber & Faber, London*. А много позже, в 1975 году, опубликованы в С.Ш.А. (издательство *Zephyrus Press, Inc. • Teaneck*)

Переводчик на английский язык *E. M. Hatt* явно не спелеолог, и ему стоило большого труда передать смысловые и терминологические нюансы в изложении Шёвалье.

Как бы то ни было, переиздание на английском состоялось.

С одной стороны, книга стала доступнее и английский мне более понятен. С другой — переводчик не удосужился сохранить оригинальные французские метрические величины глубин и протяженностей, и пришлось пересчитывать жуткие футы, ярды, дюймы, мили, фунты и галлоны в привычные большинству из нас метры, килограммы, литры и т.п. Поэтому я не уверен, что мои числа в точности совпали с приведенными в оригинале Пьера Шёвалье.

Так что теперь эта страничка Мировой Истории спелео становится доступной читающим по-русски.

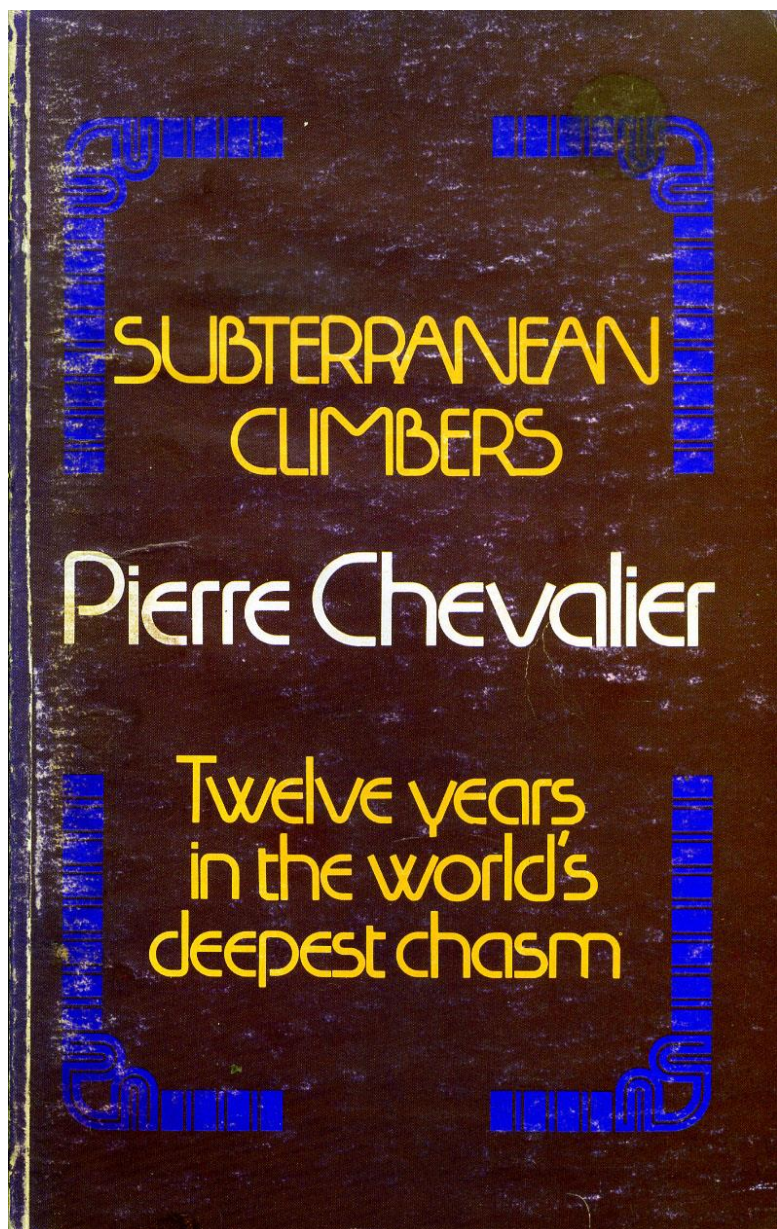
Перевод посвящается Памяти моего Старшего друга, Спелеолога и Технаря, каких больше нет,

Сергею Сергеевичу Евдокимову,

которому я еще в 2019 году обещал взяться, перевести и сразу же по готовности прислать этот перевод, и вот... не успел.

Константин Б. Серафимов
22 декабря 2020 года

¹ Глубина Системы по статье: «*Pierre CHEVALIER (1905 Paris, décembre 2001)*» *Jean Philippe Grandcolas - C.D.S. Rhône*. В настоящее время признана глубина 603 м, прим. К.Б.С.

Перевод на Английский — E. M. Hatt

С новым вступлением Автора

Zephyrus Press, Inc. • Teaneck

СПЕЛЕОЛОГИЯ

Серия книг общего и научного направления по кейвингу и исследованию карстовых явлений.

Editor: *Richard A. Watson, Washington University. Past President, Cave Research Foundation; Fellow, National Speleological Society*

Редактор Английского издания: Ричард А. Уотсон, Вашингтонский университет. Бывший президент Фонда Исследования Пещер; Научный сотрудник Национального Спелеологического Общества США

Editorial Board:

Roger W. Brucker, President, Cave Research Foundation — Exploration and Adventure

Harold Meloy, Mammoth Cave Historian — History

Thomas L. Poulson, University of Illinois Chicago Circle — Biology

Stanley D. Sides, M.D., Past President, Cave Research Foundation — Medicine and Caving Techniques

Patty Jo Watson, Washington University — Archeology

William B. White, Pennsylvania State University — Geology and Hydrology

Редакционная коллегия Английского издания:

Роджер В. Брукер, Президент Фонда Исследования Пещер — Исследования и Приключения

Гарольд Мелой, Историк Мамонтовой Пещеры — История

Томас Л. Пулсон, Иллинойский университет, Чикагский круг — Биология

Стэнли Д. Сайдс, доктор медицинских наук, Бывший Президент Фонда Исследований Пещер — Медицина и Техника спелеологии

Пэтти Джо Уотсон, Вашингтонский университет — археология

Уильям Б. Уайт, Государственный университет Пенсильвании — Геология и Гидрология

Сохранение пещер

Пещеры хрупки во многих отношениях. Их особенности формируются сотнями тысяч лет.

Существа, обитающие исключительно в пещерах, такие как слепые рыбы, редки, и в подземной среде всегда живут в ненадежном экологическом балансе. Образования пещер и пещерная жизнь могут быть неосознанно разрушены людьми, посещающими пещеры, не беспокоясь о их сохранности.

Огромный, непоправимый, ущерб наносят люди, выносящие из пещер сталактиты и другие натечные образования и тревожащие подземных обитателей, например, летучих мышей, особенно зимой, когда они спят.

Пещеры являются прекрасными местами для научных исследований и развлекательных приключений, но, прежде чем войти в пещеру, мы настоятельно рекомендуем сначала узнать о мерах предосторожности при посещении данной пещеры, связавшись с Национальным Спелеологическим Обществом (National Speleological Society, 1 Cave Avenue, Huntsville, Alabama 35810).

Library of Congress Cataloging in Publication Data

Библиотека Регистраций Конгресса по Публикациям

Chevalier, Pierre, explorer. Шёвалье, Пьер, исследователь.
Subterranean climbers. «Подземные восходители»

(Speleologia) (Спелеология)
Translation of Escalades Перевод
souterraines. «Escalades souterraines»

Reprint of the 1951 ed. published by Faber & Faber, London.
Переиздание публикации 1951 года
издательства Faber & Faber, London.

Includes index.

1. Caves — France — Isere (Dept.). I. Title.

GB608.48.C523 1975 551.4'4 75-34044

ISBN 0-914264-14-1

ISBN 0-914264-15-X pbk.

This edition is an unaltered reprint of the work first published in 1951 by Faber & Faber Ltd., London, together with a new introduction by the author. Publication of this reprint edition is by arrangement with the copyright holder.

Это издание является точной копией работы, впервые опубликованной в 1951 году компанией *Faber & Faber Ltd.*, Лондон, с новым введением Автора. Публикация этого переиздания осуществляется по договоренности с правообладателем.

Copyright © 1975 by Zephyrus Press, Inc. All rights reserved.

First printing 1975.

Zephyrus Press, Inc., 417 Maitland Avenue, Teaneck NJ 07666.

Printed in the United States of America by Braun-Brumfield, Inc.

Введение Автора к переизданию на Английском языке

Написание нового предисловия к «Подземным Восходителям» означает пересмотр в некоторой степени истории развития спелеологии за сорок лет, отделяющих нас от нашей первой экспедиции в Тру-дю-Гляз (*Trou du Glaz*).

Из первых же контактов нашей маленькой группы альпинистов с подземными исследованиями мы вынесли впечатление о несовершенстве используемых в них методов. В то же время применение альпийских техник помогло придать более высокую эффективность всему разнообразию подземного лазания.

Философия «всё для одного» (*"all for one"*), состоящая в оставлении членов группы наверху каждого колодца, чтобы наиболее квалифицированные могли пройти как можно дальше, показалась нам еретической. За редким исключением, у нас в глубину шли все, что давало возможность совершать экспедиции всего вдвоем или втроем. При этом для спуска и подъема по колодцам применялись как веревочные лестницы, так и, для первого при подъеме, «обезьяны» (*"monkeys"*), изобретенные и усовершенствованные нашим товарищем по команде Анри Бренó (*Henri Brenot*). Это позволило использовать наши добрые старые горные веревки, сократив количество гибких тросовых лестниц — довольно дорогих для молодой группы — которые нам пришлось бы покупать.

Что касается стратегии исследований, мне показался очевидным следующий факт. Каждый колодец, который мы посетили, был частью некоего целого: то есть, частью системы, включающей зону поглощения, подземных ходов и выхода на поверхность.

Идеалом для спелеолога всегда будет пройти от одного конца системы к другому по маршруту, некогда проточенному водой. Именно поэтому, вместо того чтобы посещать многочисленные пещеры в поисках самых глубоких или красивых, как это делали многие мои товарищи по альпинизму, я привязался только к одной, так как эта пещера показалась мне объединяющей лучшие условия для успеха в полном исследовании — от глубоких пещер плато Дон-де-Кроль (*Dent de Crolles*), до ходов Тру-дю-Гляз и источника пещеры Ги-Морт (*Guiers-Mort Grotto*).

Вдобавок, нас воодушевлял сильный ток воздуха во всей системе. Благодаря нему, мы смогли обойти сифоны Ги-Морт, разблокировав выше расположенные ходы, и соединить Гляз и Ги-Морт в 1941 году.

На следующем этапе — восхождений по колодцам Гляз к плато — для решения этой новой для нас задачи мы были вынуждены прибегнуть к новым методам.

Первым из них было изобретение, и изготовление моим другом Фернó Петцлем (*Fernand Petzl*), составной мачты, удлиняемой до 16-ти метров.

Еще одним — включение нейлоновых веревок в наше снаряжение. Мне посчастливилось участвовать в работе по созданию таких веревок в 1942 году. В итоге их дебют во Франции состоялся именно в спелеологии, где присущее нейлону водо-отталкивание сделало эти веревки незаменимыми. Это позволило нам оставлять под землей припасы и навеску, значительно уменьшая утомительную переноску снаряжения в каждом выезде.

Завершая список опробованных нами новых методов, упомяну использование небольших зарядов взрывчатки, которые позволили нам пробить отверстие на дне Р.40 — последнего непроходимого участка системы.

Теперь давайте посмотрим, как с того времени продвинулась спелеология. Во-первых, Таблица (стр. 10), в которой перечислены пещеры, на сегодня превзошедшие наш рекорд глубины 1947 года. Эта Таблица показывает: на сегодняшний день существует 35 таких пещер, из которых 14 находятся во Франции, и в их числе 5 самых глубоких в мире. Более того, две трети этих пещер были исследованы до их нынешней глубины за последние пять лет.

К чему мы можем отнести этот настоящий взрыв открытий?

Очевидно, что важную роль сыграли демократизация спелеологии и рост ее популярности среди молодежи. Ограничивая наш обзор Францией из-за отсутствия достоверной информации по другим странам, сегодня в ней можно насчитать более 400 спелеологических клубов. Это больше групп, чем было членов в Спелеологическом Обществе Франции (*Société Spéléologique de France*) до Второй мировой войны. В одном только городе Лионе насчитывается не менее 26 клубов, что намного больше, чем спелеологов, которых можно было бы перечислить до войны во всем регионе Лионеза.

Снаряжение, конечно, развивалось аналогично. За спуском с помощью собственно веревки (*rappel rope*), ныне архаичным, был успешно применен спуск на карабине (*snaphook rappel*), затем с помощью спусковых устройств (*descenders*) и спусковых тормозов (*descent brakes*).

Для подъема по закрепленной веревке «обезьяны» Бренó были превосходны. Теперь им на смену пришли, в частности, Жумары (*Jumars*), которые использовались еще в 1962 году в гималайских экспедициях (Чакрараджу и Жанну). И снова это — альпийское снаряжение, которое привнесло наиболее впечатляющие инновации и достижения в спелеологическую технику. В этой ситуации даже произошла любопытная обратная связь: стремена для подъема, берущие начало непосред-

ственно от спелео-лестниц, теперь также используются в альпинизме, хотя сами лестницы уже исчезли из современного снаряжения ряда спелео-групп.

Давайте также включим сюда использование акваланга (*SCUBA*) для прохождения через сифоны. Это позволило совершить ряд замечательных достижений, но оставалось недостаточным для решения таких трудных задач, как Фонтён де Воклюз (*Fontaine de Vauclus*) или источник Сормиу (*resurgence of Sormiou*).

Наконец, мы упомянем использование расширяющихся шлямбурных крючьев для подъема по большим вертикальным участкам.

Однако, хотя ряд замечательных достижений был сделан благодаря множеству улучшений в снаряжении, все же только ими нельзя объяснить размах современного спелео-движения. Так откуда же этот экспоненциальный рост результатов последнего времени?

В высокогорной стране растущее число альпинистов перестало находить в исследованных вдоль и поперек массивах что-либо, способное удовлетворить их страсть. Поэтому они вынуждены искать достойные объекты в отдаленных районах, даже идя на издержки прокладки новых и все более сложных маршрутов в Андах или Гималаях.

Спелеологи совсем недавно начали аналогичный поиск за пределами Европы и, несомненно, вскоре добьются успехов. Но и в самой Европе многое еще предстоит сделать тем местным группам, которые не могут позволить себе длительные поездки, и члены которых не хотят довольствоваться уже известными пещерами.

С одной стороны, предстоит провести значительные доисследования во всех не полностью изученных известняковых массивах.

С другой стороны, существуют практически безграничные возможности по устранению разнообразных препятствий в большинстве уже известных пещерных систем.

Именно стремление к открытиям стало побудительным мотивом большинства последних достижений.

Что же произошло с нашим Дон-де-Кролля за это время?

СПИСОК ГЛУБОЧАЙШИХ ПЕЩЕР МИРА на 1975 год

LIST OF THE DEEPEST CAVES OF THE WORLD IN 1975

		meters	feet
Gouffre de la Tête Sauvage (Arette, Pyrénées Atlantiques) and Gouffre de la Pierre Saint Martin (Spain)	France 1966	1240	4068
Gouffre Berger (Engins, Isère)	France 1956/68	1141	3744
Chourum des Aiguilles, Ch. du Rama Agnières en Dévoluy, Hautes Alpes)	France 1972	980	3215
Gouffre Jean Bernard (Samoëns, Haute Savoie)	France 1975	935	3068
Gouffre André Touya (Accous, Pyrénées Atlantiques)	France 1974	933	3061
Grotte di Monte Cucco (Perugia, Umbrie)	Italy 1974	922	3025
Abisso Michele Gortani (Monte Canin, Frioul)	Italy 1970	920	3019
Sumidero de Cellagua-Garma Ciega (Santander)	Spain 1973	916	3005
Gouffre du Cambous de Liard (Accous, Pyrénées Atlantiques)	France 1972	908	2979
Spuga della Preta (Verona)	Italy 1963	886	2907
Réseau Trombe (Arbas, Haute Garonne)	France 1964	855	2805
Grüberhornhöhle (Salzburg)	Austria 1964	854	2802
Hölloch (Muotatal, Schwytz)	Switzerland 1973	808	2651
Réseau Ded-Puits Kriska (Charmant SoM, Saint Pierre de Chartreuse, Isère)	France 1970	780	2559
Sima de la Peña Blanca-Gouffre Juhue (Santander)	Spain 1972	775	2543
Abisso Emilio Comici (Monte Canin, Frioul)	Italy 1974	774	2539
Shchakhta Sneznaya (Bzbijsk, Caucasia)	U.S.S.R. 1972	770	2526
Nad Kothnanci-Snieznad System (Tatras)	Poland 1968	752	2467
Ghar Parau (Kuh I Parau)	Iran 1971	751	2464
Lamprechtsofen (Lofer, Salzburg)	Austria 1973	740	2428
Abisso Enrico Davanzo (Frioul)	Italy 1973	737	2418
Gouffre Georges (Le Port, Ariège)	France 1969	726	2382
Raucherkarhöhle (Totesgebirge)	Austria 1974	723	2372
Gouffre Lonne Peyret (Arette, Pyrénées Atlantiques)	France 1970	717	2352
Gouffre du Toghobeit (Bab Taza, Rif)	Morocco 1974	700	2297
Puits de la Neige (Molise)	Italy 1974	693	2274
Complesso de Piaggia Bella (Marguareis, Cuneo)	Italy 1958	689	2261
Puits Francis (Grand Som, St. Pierre d'Entremont, Isère)	France 1966	688	2257
Poloska Jama (Slovenia)	Yugoslavia 1974	685	2247
Abisso di Bifurto (Cosenza, Calabre)	Italy 1970	683	2241
Gouffre Cappa (Marguareis, Cuneo)	Italy 1974	681	2234
Scialet de Génieux (Massif de la Sure, Isère)	France 1972	675	2215
Antro del Corchia (Toscane)	Italy 1959	668	2192
Gouffre du Caladaire (Montsalier, Alpes de Haute Provence)	France 1966	668	2192
Réseau d'Arphidia (Sainte Engrâce, Pyrénées Atlantiques)	France 1973	663	2175

Большая часть этих чисел взята из французского журнала *Spelunca*.

В системе Пьер Сен Мартэн (*La Pierre Saint Martin*) первым был открыт вход — Пропасть Лепинё (*Gouffre Lepineux*), расположенный на территории Испании. Но самый высоко расположенный из входов и три четверти системы находятся на Французской территории.

Хотя глубина Системы Дон-де-Кролл не увеличилась, а даже уменьшилась после пересмотра карты Национальным Институтом Географии (*Institut Géographique National*), она разделила общую судьбу.

После десятилетнего перерыва исследования были возобновлены группой из региона Лиона под руководством Мишеля Лётруна (*Michel Letrône*) и продолжались в течение 13 лет.

После открытия новых древних ходов больших размеров, которые, без сомнения, берут начало в пещере Шёвалье (*Chevalier Grotto*), а затем исследования активных частей, для которых мы были недостаточно оснащены, протяженность системы была увеличена с 17 до 30 километров. *

Тем не менее, очевидно, что возможное соединение с пещерой Шёвалье еще предстоит установить.

И, несомненно, над пещерой Ги-Морт существуют другие входы, сегодня заваленные обрушениями, соединяющиеся с ходами, открытыми Лётруном.

Таким образом, сегодня, как и 28 лет назад, я могу позволить себе завершить это вступление пожеланием удачи нашим преемникам.

Пьер Шёвалье

* Летом 1975 года был обнаружен новый колодец, вход в который расположен выше, чем вход в P.40, соединяющийся с Тру-дю-Гляз. Новая глубина системы теперь составляет 625 метров, а новая протяженность 35,6 километров.

Содержание

Предисловие переводчика на Русский язык	2
Введение Автора к переизданию на Английском языке	7
Предисловие Норбера Кастере	17
Введение Пьера Шёвалье	20
Примечание переводчика на Английский язык	23
 Часть I. От Тру-дю-Гляз к пещере Ги-Морт	
1. Начало кампании	25
2. Ледяные потоки Гляз	37
3. Погоня за сквозняками	45
4. Подземная река	59
5. Волнующие события пятницы тринадцатого	68
6. Соединение: Гляз и Ги-Морт	79
 Часть II. Тщетные усилия	
7. В пропастях Плато	95
8. Подземные Восходители	103
9. Система Купола	114
 Часть III. К Восточной Стороне	
10. Галерея 43	123
11. Пещера Шёвалье	135
12. Замурованные. Контакт с Восточной Стеной	149

Часть IV. Все для Мирового Рекорда

13. UBI VOLUNTAS ¹ ...	158
14. Атака на Рекорды	171
15. Безумцы рассказывают эту историю	184
Эпилог — последние часы в Гляз	193

Приложения

1. Гидрогеология Дон-де-Кроль	197
2. Перечень пещерных систем Мира, имеющих амплитуду (общую глубину) более 250 метров	201
3. Список экспедиций, проведенных Спелео-Альпийским клубом Лиона в районе Дон-де-Кроль	203
4. Достижения по годам (начиная от Мартеля, 1900 год)	207
5. Команда Дон-де-Кроль	208
6. Сквозные маршруты (траверсы) по Системе Дон-де-Кроль	209
7. Послание тем, кто продолжит нашу работу, и несколько нерешенных проблем	210
Названия колодцев, водоемов, галерей и т.д.	211

Послесловие переводчика на Русский

Трудности, странности и неувязки	214
Пьер Шёвалье - Спелеолог	221

¹ В переводе написано — *Voluntas*. Начало изречения на латыни: *Ubi voluntas, ibi via est* — Где воля, там и путь, прим. К.Б.С.

Иллюстрации

Фотографии

1. Команда, «вцепившаяся» в Тру-дю-Гляз	22
2. Озерный колодец	30
3. Большой группой собираемся в Тру-дю-Гляз	31
4. Верхний уровень Гляз: натечный пол	33
5. Первый уступ — сухой	35
6. Я осторожно пробираюсь по затопленному ходу с прозрачной водой	56
7. Прибытие группы с тяжелым грузом	60
8. Поток, вытекающий из пещеры при паводке	78
9. Ледяные "сталагмиты"	79
10. Несколько часов отдыха в одеялах	84
11. Наш лагерь 1943 года рядом с колодцем Р.40	101
12. Ферно́ и Ганье́р просыпаются и позируют для фото	112
13. Подъем Петі́-Дидье́ на обратном пути из пещеры	118
14. Взлет Восточной Стены Дон-де-Кролля	119
15. Вдоль по полке над пропастью	125
16. В основании Диаклазы Аннет мы ищем путь вперед через Гляз	126
17. Траверсом над колодцем (<i>колодец Траверса</i>)	128
18. На обратном пути мы осматриваем каждую галерею	129
19. Вид на Дон-де-Кролля из Сонт-Понкрас	135
20. Входной портал пещеры Шёвалье́	141
21. Колодец Всех Святых	142
22. Пасха 1944 года в пещере Шёвалье́	144
23. Огромная ледяная колонна в пещере Шёвалье́	152

Картосхемы

1. Окрестности региона Дон-де-Кроль	12
2. Тру-дю-Гляз	26
3. Тру-дю-Гляз, главные колодцы ко второму (нижнему) ярусу	41
4. Общий разрез и план подземной системы Дон-де-Кроль	58
5. Подземный Ги-Морт	63
6. Ги-Морт, верховья	69
7. Некоторые активные системы Тру-дю-Гляз	88
8. Пещеры Восточной стороны Дон-де-Кроль	138
9. Тру-дю-Гляз по отношению к Восточной стороне	151
10. От Тру-дю-Гляз до плато над ним	182

Рабочие моменты (рисунки)

1. Осыпной «Конус»	52
2. Ферно́ отчаянно старается расширить проход	67
3. Пересечение водоема на пути	72
4. Возвращение через «бассейн»: Ферно́ отправляется	75
5. Это должно было случиться — и это произошло!	75
6. Мы возвращаемся с Водопадной стены: Ферно тщетно пытается выпрямиться	77
7. На дне Р.40	102
8. Балконный колодец: установка шеста	161
9. Маневры в Балконном колодце	164

Предисловие Норбёра Кастерё

В течение двенадцати лет, сначала с любопытством, затем с растущим интересом и, в конечном счете, с азартом, я следил за длительными усилиями, которые мой друг Пьер Шёвальё прикладывал к исследованию подземного Дон-де-Кролля, и чудесами, которые он совершал, чтобы довести до победного конца это сверхчеловеческое начинание.

И теперь этот доблестный спелеолог попросил меня сделать предисловие к книге, которую он написал, я полагаю, только по примеру и настоянию ряда своих коллег.

В кратком предисловии автор разъясняет, что он не намерен подробно останавливаться на преодоленных препятствиях и рисках, которым пришлось подвергаться. И на самом деле его повествование не задерживается на описаниях таких вопросов. Бесстрашный и скрупулезный исследователь, Пьер Шёвальё устремлен вперед, и эта книга — настоящий бортовой журнал.

Следуя краткости Автора и из уважения его стремления к точности, мы просто обратимся к написанному, позволив голым цифрам говорить самим за себя: потребовавшее тысяч часов чрезвычайно трудной и опасной деятельности исследование выявило семнадцать километров подземных лабиринтов, с перепадом уровней в общей сложности в 658 метров.

Предмет книги очерчен рамками этих величин, впечатляющих всех, кто знаком с опасностями подземных исследований.

Тру-дю-Гляз, пещера до недавнего времени малоизвестная, недооцененная и бывшая до сих пор объектом всего пары не очень обширных исследований, теперь, благодаря Шёвальё, является одним из выдающихся геологических фактов земного шара, так как система ее колодцев, водопадов и разно-уровневых ярусов образует самую большую пропасть в Море.

На страницах книги описывается — день за днем, метр за метром — исследование этой гигантской полости, и в конце истории наши мысли устремляются к надписи, начертанной солдатами Французского Иностранного Легиона у входа в туннель Зиг в Южном Марокко (*Zig tunnel entrance, South Morocco*):

‘Their physical energy and their indomitable will were their tools.’

«Их физическая энергия и неукротимая воля были им инструментами».

Подобная надпись вполне может быть выбита на известняке у входа в Тру-дю-Гляз.

Без сомнения, всегда будут бесконечные дискуссии и споры по поводу своевременности и полезности подземных исследований: как и любое бескорыстное занятие — это источник удивления в наши дни торжествующего утилитаризма.

Мы не будем здесь вставать на защиту спелеологии как вида спорта, который, понятно, никоим образом не является конкурентом спелеологии как науки, поскольку в ней объединены и спорт, и наука — спорт на службе у науки. Более того, поскольку Пьер Шёвалье является одновременно ученым и спортсменом, его можно считать спелеологом во всех отношениях.

Но помимо других соображений, рассказ о подземном эпосе Тру-дю-Гляз, подаваемый с безусловной объективностью в отношении оценки человеческой борьбы с почти непреодолимыми трудностями, вдохновит молодежь, пробудив вкус к приключениям, приправленных риском.

«*Ceux qui vivent, ce sont ceux qui luttent*», — сказал поэт, — «Кто живет, тот сражается», и он никогда не говорил более правдивого слова.

Подвиги, подобные совершенным Шёвалье и его отважной группой, являются более эффективным источником вдохновения для молодых людей Франции, чем любое теоретизирование и наставление.

Слава Богу, никто не может преподать Франции уроки в области эпических достижений, и эпопея Тру-дю-Гляз является своевременным напоминанием о том, что раса исследователей и искателей приключений не вымерла на нашей земле.

Во Франции всегда будут герои, такие как Алэн Гербó (*Alain Gerbault*) и Мишель Вьенжэн (*Michel Vieuchange*), Ларигодь (*Larigaudie*) и Морис Фарг (*Maurice Fargue*)¹, и всегда будут гордиться такими героями как Элен Бушэ (*Helène Boucher*), Элизабет Кастерэ (*Elisabeth Castcret*) и Аннет Бушакур (*Annette Bouchacourt*), — это лишь немногие из имен тех мужчин и женщин, кто отдал жизнь ради науки или спорта.

Исследование Тру-дю-Гляз представляет, и мы надеемся получить общее признание этого факта, одно из главных достижений века, и придает значительный блеск французской спелеологии.

¹ Главный офицер Морис Фарг, член команды водолазов лейтенант-командера Кусто, погиб на глубине 122 метра (400 футов, мировой рекорд) во время погружения в Средиземном море, проведенного с обычным аппаратом, прим. переводчика на Английский.

Кроме того, следует подчеркнуть бескорыстие исследователей, поскольку оно было полным — столь же полным, как отсутствие предметов первой необходимости, которое часто характеризовало их экспедиции, проводившиеся в те тяжелые годы, когда не было возможности найти подходящее снаряжение или провизию.

В заключение: мы не можем, пожалуй, сказать лучше, чем Жан Сюбервьиль в своей поэме «Триумфальная Арка» (*M. Jean Suberville, 'L'Arc de Triomphe'*)¹, когда поэт говорит о переживших войну 1914-1918 годов, марширующих под Триумфальной Аркой (наша триумфальная арка — это вход в Тру-дю-Глаз), и поэтому мы предварим его словами эту книгу:

*En vain d'autres vainqueurs sortant d'autrcs rafaes
Franchiront Uarche triomphale
Nul jamais d'aussi grand ne la franchira plus.*

*Напрасно иные победители прорываются сквозь шквалы,
Стремясь прошагать под Триумфальной аркой —
Никто слишком высокий не сможет пройти через нее.*

НОРБЕР КАСТЕРЕ

¹ Гран-при в области поэзии, Французская Академия (*Academic Francaise*), прим. переводчика на Английский.

Введение Пьера Шёвалье

Шамоні. В конце июля 1934 года в этих краях слишком часто бывает чудовищная погода. Вчера, со старыми друзьями Ги Лябуром (*Guy Labour*) и Анри Бренó (*Henri Brenot*), под проливным дождем мы спустились из хижины Гамбá (*Gamba hut*) через перевал Сейн (*Seigne pas*) — нам снова пришлось отказаться от попытки восхождения на Мон Блан по ребру Пютрей (*Peuterey ridge of Mont Blanc*). А сегодня в окне ясной погоды открылась вершина с довольно низкой снеговой линией.

— В этом году — все, — сказал один из нас.

— В любом случае, придется подождать как минимум неделю, — ответил другой.

— Почему бы нам пока не пойти взглянуть на Палюмёр, — предложил третий. (см. мои пояснения на стр.214-216, К.Б.С.).

Палюмёр был для нас новой площадкой — областью «провалов». Вот уже год *коллега по лаборатории* рассказывал мне о пиренейских пещерах, и так живо, что я, наконец, заинтересовался. Странная техника, которой они пользовались до сей поры, давала мне обильную пищу для размышлений, и мы обсуждали эту тему часами подряд.

Анри Бренó, более известный в альпинистских кругах как Кики (*Kiki*), благодаря своим способностям и практическим навыкам мастер на все руки, сконструировал металлические «когти» (так сказать), получившие у нас название «обезьяны» (*'monkeys'* — фр. *singe*). С их помощью человек мог подниматься по закрепленной веревке без какой-либо посторонней помощи. И вот, похоже, настало время испытать их под землей.

Вот так, за неимением чего-то лучшего, мы познакомились со спелеологией. Конечно, как и все другие восходители, не имевшие особого опыта посещения пропастей, мы были немедленно очарованы этим новым видом спорта.

Нельзя сказать, что мы с ходу забросили восхождения в горах ради «спелео». Ни в коем случае. На следующей неделе мы с Кики провели четыре дня на высоких вершинах Валé (*Valais*) и обнаружили, что они, как и хребет Кат-рАн в Дон-Бланш (*Quatre Anes ridge of the Dent Blanche*), разительнее красивее, чем колодцы Палюмёр (*Paloumère shafts*).

Но вирус сделал свою работу. То, что началось на Палюмёр, было подкреплено чтением великих произведений Мартёля и чрезвычайно вдохновляющих историй об исследованиях, описанных Норбёром Кастерé. Изучая библиографию предмета, я узнал, какой превосходный рельеф для исследований предлагают Альпийские предгорья, сложен-

ные известняками. И когда мне пришлось уехать из Парижа в Лион, я был в восторге от близости как многочисленных неизведанных пещер, так и пиков Оайзón (*Oisans piaks*).

Целью нашей первой экспедиции стал Тру-дю-Гляз. Я вернулся совершенно очарованным и полным решимости довести его исследование до конца. Я, конечно, не подозревал, что это займет двенадцать лет моей жизни ...

То, что вы собираетесь прочесть, это история тех лет борьбы.

Некоторые люди могут посчитать, что я слишком мало внимания уделяю опасностям, неотделимым от наших исследований. Но пятнадцать лет восхождений в горах на самых больших высотах приучили меня придавать таким рискам именно то значение, какого они заслуживают.

С другой стороны, особенности моей профессии, то есть химика, неизбежно прививают уважение к точности и препятствуют любой драматизации событий. Если физическая нагрузка была выше, чем в горах, то опасностей обычно было меньше, они в большей степени зависят от наших собственных действий и с опытом постепенно уменьшаются.

Из двух тяжелых аварий, случившихся в нашей практике, первая произошла в самый первый год (наш «год новичка») из-за отсутствия адекватного защитного снаряжения для работы под землей, а вторая, когда мы ничуть не сомневались в рискованности нашей затеи.

С тех пор мы провели сорок экспедиций без каких-либо, даже легчайших, инцидентов.

Еще в 1938 году Робёр де Жолі (*Robert de Joly*) писал мне:

«Говоря человеческим языком — Тру-дю-Гляз закончена».

Это означало, что на тот момент был достигнут предел, за которым подземные препятствия уже непроходимы.

С того времени мы научились считать, что ни одно препятствие не является непреодолимым. Мы столкнулись с неординарной подземной системой, и она потребовала новых технологий, которые нам приходилось разрабатывать.

В младенчестве спелеология считалась работой для одного человека, при поддержке большого количества помощников. Хотя это было неплохо в случае обычной пропасти и не долгого исследования, для Системы Гляз подобное не годится. В Гляз команда должна работать вместе как один человек и состоять из хорошо подготовленных участников, подобно связке восходителей в каком-либо серьезном и сложном предприятии.

Более того, важно, чтобы несколько членов группы были способны при необходимости принимать на себя руководство операциями по

очереди. Просто невозможно возложить на одного человека всю ответственность за благоприятный ход экспедиции, которая может длиться тридцать пять часов подряд. Один момент слабости, и все может быть потеряно. Когда лидер слабеет, возникает соблазн отказаться от борьбы — и это тот момент, когда другие должны занять его место, чтобы добиться успеха в предстоящей работе.

Два моих друга: Ферно Петцль и Шарль Петй-Дидье (*Charles Petit-Didier*), оказывали мне всяческую поддержку в этом начинании, помогая формировать «команду Гляз» и поддерживать в ней ту твердость воли и веры, которая и привела нас к успеху. Однажды, когда после нескольких часов сложных маневров нам все же удалось пройти особенно опасный проход, выяснилось, что каждый из нас в отдельности был убежден, что мы обречены на неудачу. Но так как каждый сумел ни словом, ни жестом не выказать своих сомнений, надежно упрятав мрачные мысли за фасад оптимизма, нам удалось сохранить благоприятную атмосферу уверенности.

Масштабы и частота препятствий, отделявшие нас от нашей конечной цели, часто повергали нас в уныние. Но каждый раз кто-то из нас сообщал остальным свежий импульс, без которого мы бы не смогли продолжать борьбу.

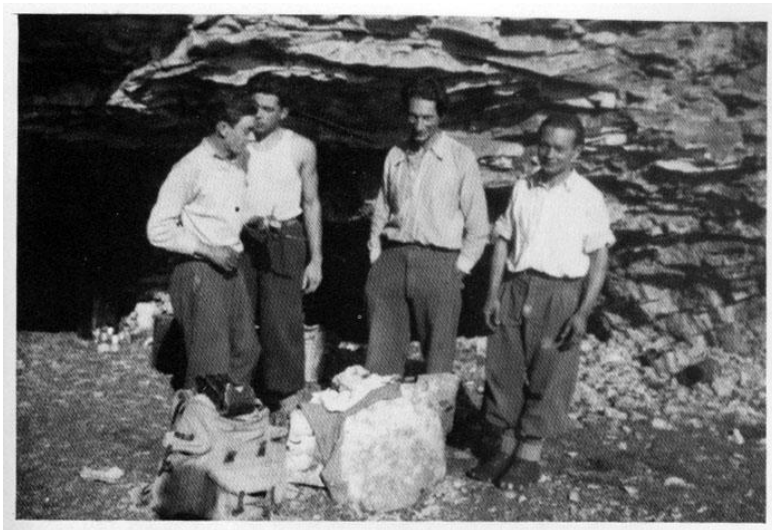

Фото. 1. Команда, «вцепившаяся» в Тру-дю-Гляз

(справа Петцль, рядом с ним Шёвальё, еще левее Петй-Дидье, прим. К.Б.С.)

Именно этот замечательный командный дух, в конечном итоге, позволил нам победить.

ПЬЕР ШЁВАЛЬЁ
PIERRE CHEVALIER

Примечание переводчика на Английский язык

Хотя в большинстве случаев для удобства ссылок сохранены оригинальные названия, такие как «Р.36» (где Р — *Puits*, колодец глубиной 36 метров), «Р.40» и т.п., французским географическим названиям даны английские эквиваленты, чтобы читатели смогли сполна ощутить их аромат. Список таких названий можно найти в конце книги.

Как отметил Барроуз-Мессе¹ (*Barrows-Massey*) в предисловии к его переводам «*Dix Arts sous Terre*» («Десять Подземных Искусств») и «*Au Fond des Gouffres*» («На дне Пропастей») Норбёра Кастерё, от переводчика ожидается, что научные выкладки будут сообщать полноценную информацию, для чего преобразования из Метрической системы измерений в нашу (*имеется ввиду Английская система мер, прим. К.Б.С.*) должны быть настолько точными, насколько этого требует контекст. Надеюсь, что эти два идеала достигнуты.

Перерасчеты сделаны, исходя из: 1 м = 1, 093 ярда.

Но строгий перевод геологических терминов оказался неожиданно труден — например, французский «*corniche*» (карниз), хотя и достаточно точно переведенный как «*ledge*» (выступ), несомненно, обладает более колоритным смыслом.

К счастью, некоторые термины имеют довольно общее значение — например, *lapiaz*, (лапиаз — нам привычнее термин «карры», прим. К.Б.С.), о котором Кастерё² сказал: «... понятие, много говорящее любому, кто когда-либо пытался пересечь такое образование. У ломтика хлеба меньше отверстий, чем в лапиазе с его пропастями, ублиеттами (суб-горизонтальные полости на дне провалов, прим. К.Б.С.), лопушками, трещинами, туннелями, воронками и гребнями, похожими на ножи... Коррозия (химическое воздействие воды и снега) с чередованием заморозков и оттепелей разрушали известняк, царапали, грызли и терзали его, превращая в нынешнюю хаотическую форму».

¹ *Ten Years under the Earth* (Dent, 1939). «Десять лет под Землей» - оригинальная ссылка, откуда вроде бы взята последующая цитата, но к чему тогда 2 работы Кастере, упомянутые далее в тексте? Недоумение К.Б.С.)

² Там же. Ниже написано буквально: «...*Erosion (the chemical action of water and snow)* ...» — здесь либо Кастере, но, скорее всего, переводчик на Английский ошибся, спутав эрозию — физическое воздействие воды и других факторов, с коррозией — химическое разрушение известняка, прим. К.Б.С.

Мистер *E.E.Roberts*, М.А. (*Master of Art — вторая степень не технического профиля, магистр, прим. К.Б.С.*), из Харрогейта (*Harrogate*), очень любезно предоставил мне точные переводы терминов спелеологии и дал самые кропотливые и мельчайшие описания процедур, снаряжения и общих методов.

Его помощь была постоянной и незаменимой.

Книга м-ра Пьера Шёвалье была написана в основном в настоящем времени, поскольку в его повествовании было что-то от дневника.

Я взял на себя смелость использовать прошедшее время, потому что, в конце концов, это документ «исторического» плана, ориентир в спелеологии, и, учитывая это, прошедшее время приобретает более естественное звучание.

**Е.М.Н.
(E.M.Hutt)**

ЧАСТЬ I

От Тру-дю-Гляз к пещере Ги-Морт

1. Начало кампании

Для путешественника, поднимающегося в долину Грезивудон (*Gresivaudan*), с Греноблем за спиной, Дон-де-Кроль выглядит как огромный мощный коренной зуб, вздымающийся над окружением крутых травянистых склонов и скальных осыпей. Это самый высокий пик длинного известнякового хребта, который простирается на 20 километров до Гранье (*Granier*), ограничивая с запада массив Гронд-Шартрез (*Grande Chartreuse*). Его отвесные стены господствуют над плато Петит-Рош (*Petites Roches plateau* — Маленьких Скал), расположенным на пути между вершиной (Дон-де-Кроль) и долиной Изёр (*Iserre Valley*).

Самое высокое плато Дон-де-Кроль, имеющее форму дна лодки, простирается в меридиональном направлении и наклонено к северу под углом двадцать градусов. Плато по большей части имеет карровый рельеф (*lapiaz*), изобилующий трещинами, расщелинами и провалами, забитыми снегом. Растительность очень скудная, состоящая из нескольких чахлах сосен и пятен редкой травы.

Западный край плато на 400 метров возвышается над юго-восточным сбросом к Грезивудону, а восточный — над западным Шартрезом — на половину этого перепада высот. К северу плато террасами обрывается к истокам реки Ги-Морт: точке выхода на поверхность дождевых паводков, которые собирают сильно трещиноватые известняки Дон-де-Кроль. Со спелеологической точки зрения, интерес Дон-де-Кроль заключается в этих 400-х метрах известняковой толщи, отделяющей плато от уровня водоупора, по которому течет Ги-Морт.

Уже давно известны две пещеры — Ги-Морт, из которой вытекает ручей на высоте 1311 метров ¹, и Тру-дю-Гляз у основания западной стороны на высоте 1697 метров ².

¹ 4,301 feet. (здесь 1 м = 3.2807 фута, прим. К.Б.С)

² 5,567 feet. (здесь 1 м = 3.2805 фута — у переводчика пляшут знаки, прим. К.Б.С.)

На самом деле мы обнаружили на стенах пещеры большое количество более ранних надписей, чем сделанных в этом, 1899 году. Более того, нам повезло отыскать двоих предшественников, которые смогли поручиться за надписи, оставленные ими примерно пятьдесят-шестьдесят лет назад: Бандёт (*Bandet*) — в 1891-м, и Меланй Дюбуа (*Melanie Du-bois*, тогда 24-летняя) — в 1881-м.

Кроме того, даже в «Путеводителе Джоан» (*'Guide Joanne'* ¹), еще до посещения Мартэля, упомянуто о некоей галерее, «с шумом подземного потока, слышимым под ней». Несомненно, это относится к дальней части верхнего яруса. Из чего мы можем предположить, что этот ярус был известен почти полностью еще до 1900-го года.

Он состоит из трех совершенно разных частей:

(1) Очень большая галерея, не представляющая особых трудностей.

(2) Область разломов, где галерея ветвится на несколько узких ходов, включающих в себя колодцы — Мартэля (*Martel shaft*), Пейрэн (*Perrin shaft*) и Фонарный (*Lanternd shaft*).

(3) Еще одна галерея поменьше, которая заканчивается в Купольном зале (*Salle de Dôme — Dome Chamber*) — дно большого колодца с капелью.

Дорога от входа до самого дальнего конца занимает около трех четвертей часа.

Начиная с 1923 года Гренобльская группа скалолазов, «Жаррёт д'Асьёр» (*Jarrets d'Acier — что, наверно, можно перевести как «Стальные Стержни» или «Стальные Крючья», прим. К.Б.С.*), по инициативе их президента Анри Морэ (*Henri More*), методически занимается исследованиями пещеры. Они отмечают путь нарисованными ориентирами, но, к сожалению, не делают никаких письменных отчетов о своих находках. Их продвижение было медленным, и только к 1930 году они достигли дна Фонарного колодца — ключ ко второму, ниже расположенному уровню Гляз.

Этот колодец состоит из трех крутых сбросов, от 12 до 16 метров глубиной. ² С его дна начинается очень узкий проход — «кошачий лаз» (в тексте — *catrun*, а на Карте 2, на стр. — *Cat-Walk*, прим. К.Б.С.), ранее известный как «Польский ход» (*'Polish passage'*) по причине национальности или фамилии человека, который первым пробился через него.

¹ В 1890-1905 годах под руководством Поля Джоанн (*Paul Joanne*) издавался «Географический и административный словарь Франции и ее колоний», более известный как «Путеводитель Джоанн» (*Dictionnaire géographique et administratif de la France et de ses colonies — 'Guide Joanne'*, издатель — *Hachette*), прим. К.Б.С.

² На Карте 7, стр.88, это P.L.1, P.L.2 и P.L.3., что, вероятно, означает Pitch Lanternd 1 — Фонарный уступ 1, 2 и т.д. прим. К.Б.С.

Пройдя через эту узость, вы попадаете в гораздо более просторную галерею. Влево она идет, упираясь в конце в глиняную пробку. Вправо галерея приводит еще к одному колодцу глубиной около 9 метров (*P.L.4, прим. К.Б.С.*), за которым ее размеры достигают примерно 3,7 x 3,7 метра. Потом эта галерея обходит один очень глубокий колодец, траверсирует следующий и заканчивается на краю третьего.

Таковы были пределы известной части, когда в 1933 году президент Французского Спелеологического Общества (*French Speleological Society*) Робёр де Жолі (*Robert de Joly*) предложил заняться их расширением Французскому Туристическому Клубу (*French Touring Club*).

Де Жолі преодолел весь уже разведанный по системе путь, но тоже был вынужден отступить перед третьим колодцем. Колодец оказался де Жолі непреодолимым препятствием (он подошел к нему в одиночку). Но в то же время де Жолі прошел первый из колодцев (который обходит галерея, прим. К.Б.С.) и систему под ним, на глубину более 120 метров ниже входного портала Тру-дю-Гляз. В водах этой активной системы он растворил килограмм флуоресцеина. Краска, через 52 часа появившаяся в Перкюлё (*Perquelin*), доказала связь между Тру-дю-Гляз и одним из источников вполне конкретного склона — или с Ги-Морт, или с Фонтён-Нуар (*Fontaine-Noire*).

Таковым был объем информации о Тру-дю-Гляз к концу 1935 года.

1 ноября 1935 года любопытство, а не исследовательское рвение, привело нас туда — доказательством чему служит позднее время нашего прибытия: около трех часов пополудни. В составе нашей группы были Франсуа Гийма́ (*Francois Guillemin*) с женой, взявшие меня с собой на первый ярус, уже им знакомый. Оба были восходителями с многолетним стажем и членами Группы «Ут-Мунта́нь» — «Высокая Гора» (*Groupe Haute-Montagne*). Как и я, они были заинтригованы этой пещерой. Вилли Харлиман (*Willy Hurlimann*) и моя жена, не слишком проникшиеся этим совершенно новым для них видом спорта, прошли с нами до Фонарного колодца, а затем вернулись к солнечному свету.

Наша экипировка по большей части состояла из старого и потрёпанного разномастного восходительского снаряжения. Для освещения у нас на шеях висели обычные электрические квадратные фонарики (*box-lamps*), а также имелась старинная лампа-коногонка, которую Франсуа откопал на лесопилке.

Что касается специального снаряжения, то мы позаимствовали у «Спелеоклуба Лиона» (*Speleo Club at Lyons*) два больших мотка веревочных лестниц с деревянными перекладинами и еще одну, намного компактнее, сделанную из электрона (*с металлическими ступеньками из алюмо-магниевого сплава, прим. К.Б.С.*). Все они были изготовлены Робером де Жолі и составляли весь актив Клуба. Хранители и опекуны этого

снаряжения заверили нас, что там порядка 90 метров лестниц. В совокупности с нашими альпинистскими веревками и «обезьянами» Кики (Анри Бренó) — последние предназначались для подъемов по веревке — у нас было все для уверенного передвижения по пещере.

Фонарный колодец находится на расстоянии четверти часа от входа. Этот колодец, около 3 метров в диаметре, имеет нечто вроде бордюра, обрамляющего большую часть его входного отверстия.

Я развернул первую из наших длинных лестниц и прикрепил ее к кольцу, закрепленному на краю колодца парнями из Гренобльской группы «Жаррét д'Асьёр». Для нас это был первый опыт использования веревочной лестницы, потому что в колодцах на плато Палюмёр у нас их не было.

Спустившись на дно первого сброса (*P.L.1*), я был удивлен, обнаружив, что лестница почти закончилась. Боже, и откуда они взяли, что в ней больше 40-ка метров? Я прикрепил вторую лестницу к первой, чтобы ее удлинить, и сбросил во вторую ступень (*P.L.2*). В итоге мы все троим достигли дна и этой ступени.

Через несколько метров, за коротким ходом с низким потолком, мы подошли к следующему крутому участку (*P.L.3*), который, казалось, был даже глубже, чем каждый из двух предыдущих. Лестниц у нас не осталось, кроме короткой металлической, поэтому я пропустил 18-метровую веревку через кольцо крюка (*ring-bolt*), специально установленное «Жаррét д'Асьёр» — действительно, они отлично поработали — и спустился по сдвоенной веревке.¹ Сброс заканчивался в колоколе, любезно оживляемом маленьким ручейком, который сразу отбивал желание задерживаться, болтаясь на конце веревки.

Со дна Фонарного колодца снова пошла галерея, но вскоре свод прижал нас к полу, и нам пришлось ползти как бы не метров двадцать, при этом держа фонари в руке сбоку от себя. Потом кошачий лаз раздвигался. Поскольку правый ход казался шире, мы выбрали его.

Метров через 150 мы подошли еще к одному сбросу и назвали его *P.L.4* (хотя он уже не имел прямой связи с Фонарным колодцем). Его нижняя левая часть напоминала некую часовню. Это был 9-метровый отвес, требующий снаряжения для спуска, и на нем мы оставили сдвоенную веревку для подъема при возвращении.

Далее галерея расширилась, скатываясь крутым усыпанным щебнем склоном к небольшому тупиковому колодцу, за которым снова продолжалась.

¹ Система спуска по сдвоенной веревке с последующим сдерживанием, практикуемая восходителями при спуске-возвращении с вершины (*went down by rappel*), прим. К.Б.С.

К этому продолжению вел обходной ход в правой стене, более похожий на сдвоенную амбразуру. Мы выбрали первое из окон-отверстий, ведущее к узкой полочке, окаймляющей огромный колодец с ручьем, текущим в его глубине. Это был колодец, пройденный де Жолі двумя годами ранее — так как он был глубиной 36 метров, мы назвали его Р.36. У нас осталось достаточно веревок, но только 10-метровая лестница, так что спуститься в него мы не могли. Поэтому продолжили исследование этого яруса, к которому вело второе из окон и пустяковый участок скального лазания.

Примерно через 80 метров нас ожидал еще один глубокий обводненный колодец, напрочь перерезающий галерею. Брошенная галька падала в воду, поэтому мы назвали его Озерный (*Lake Shaft*). Узкий уступ-полочка по краю этого колодца позволила нам обойти его без особого труда.

Фото.2. Озерный колодец

Мы пошли дальше и через 145 метров наткнулись еще на один колодец, на первый взгляд не очень глубокий. Но внезапно открывшийся второй сброс (сначала мы не видели его с верха первого) увеличил колодец до общей глубины около 60 метров, считая от нашей галереи, поэтому мы назвали его Р.60.

Перебраться на другую сторону этого колодца было нелегко: туда вела очень узкая наклонная к обрыву полочка, карнизом нависающая над пустотой и скользкая от глины. Это было препятствие, остановившее де Жолі, и выглядело оно очень неприятно.

На хорошей страховке веревкой, я рискнул: ноги сползали и соскальзывали, но несколько зацепок для рук позволили мне достаточно хорошо ухватиться. В итоге я перебрался над жерлом провала и... оказался на следующем развилке.

Левая галерея впадала в большой колодец, в который сверху струилась вода, а завеса тумана полностью закрывала видимость (колодец Лябүра — *Labour Shaft*).

Ход вправо поглощал другой колодец, на этот раз сухой (колодец Ферно — *Fernand Shaft*).

Сделав замеры компасом и сосчитав шаги, я вернулся к Р.60, после чего мы повернули к выходу. Мы поднялись на Р.Л.4 по веревке, просто перехватывая ее руками, а на Р.Л.3 — с помощью наших «обезьян».

Этот первый визит длился семь часов и убедил нас в действительно незаурядной величине Тру-дю-Гляз, вдохновив узнать о нем как можно больше.

Мы вернулись 10 ноября (1935 года) в компании с двумя скалолазами: Пикé (*Piquet*) и Анрьё (*Hanriot*), возбуждая их воображение образами погружения в громаду Тру-дю-Гляз и появления в Ги-Морт.

Со второго посещения пещеры именно это стало основной целью наших устремлений. Оценка, основанная на относительном строении геологических слоев (позже признанная ошибочной), убедила нас в том, что нам предстоит пройти всего несколько колодцев, после которых мы с уверенностью рассчитывали обнаружить какую-то огромную галерею, которая позволит достаточно просто пройти из одной пещеры в другую.

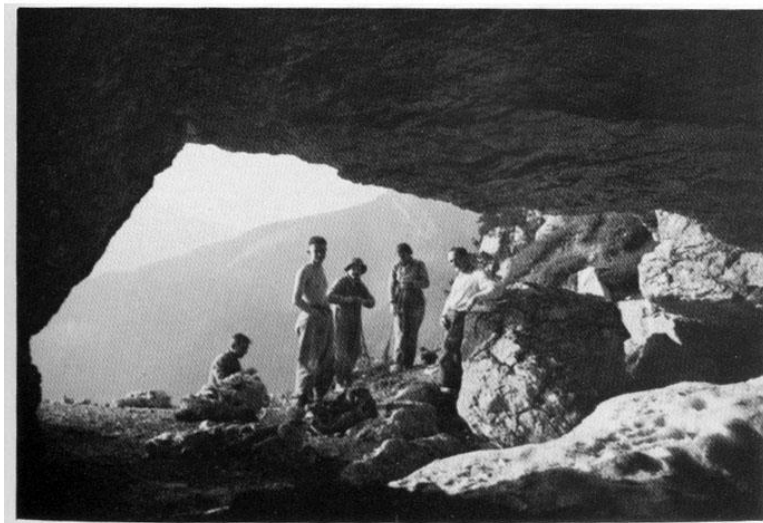

Фото. 3. Большой группой собираемся в Тру-дю-Гляз

С нами были Харлиман, а также два члена Лионского Спелео Клуба: Буфф (*Bouffé*) и Перш (*Perche*), чья экипировка вызывала опре-

деленное раздражение: у одного был усиленный (увеличенный) рюкзак и бельевая веревка диаметром около 3 мм, у другой — очаровательная девичья детская сумочка, огромный шкив и пеньковая веревка диаметром 12 мм.

Спускаясь по веревке, мы быстро прошли Фонарный колодец, постаравшись тщательно провесить сдвоенную веревку на втором сбросе (P.L.2). Мы проходили сбросы один за другим в хорошем темпе, так что, когда я, всё также спускаясь по веревке, добрался до дна P.36, прошло меньше часа с тех пор, как мы вошли в пещеру.

Ко мне спустились трое из группы, все шло гладко.

На дне колодца мы выбрали пустую банку, в которой хранился флуоресцеин де Жолі. Но Гиймá, все еще находившийся над P.36, крикнул нам, что Перш и Буфф до сих пор так и не догнали.

И где они могут быть?

Прошло больше часа, прежде чем мы услышали этих двоих. Знаменитый «усиленный» рюкзак сопротивлялся всем усилиям протаскать его по кошачьему лазу. Занятые его пропихиванием, наши друзья перестали нас слышать и по ошибке углубились в Северную галерею (*North Gallery*). Поскольку спуск по веревке, которую мы навесили на P. 36, их не очень привлекал, мы решили оставить им достаточно снаряжения, чтобы они могли выбраться из пещеры самостоятельно. С помощью 14-метровой лестницы они могли подниматься по колодцам, используя технику «вытягиваемой лестницы» (*ladder rappels*): лестницу привязывают к одному из концов навешенной вдвое веревки, за второй конец которой тянут, вытаскивая-поднимая лестницу на уступ (*поднятая таким образом лестница удерживалась противовесом, пока первый поднимался, чтобы потом закрепить лестницу над колодцем для остальных, прим. К.Б.С.*)

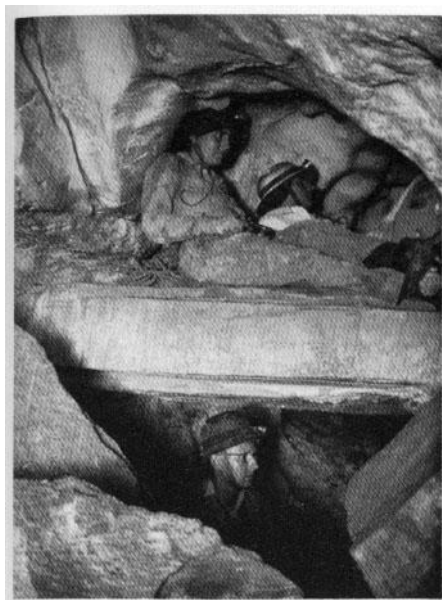
Во время этой задержки мы очень замерзли и отсырели до костей, а наше настроение, до того оживленное и жизнерадостное, упало ниже некуда. К тому же следующее препятствие выглядело менее дружелюбным: это был 15-метровый водопад, и, хотя мы скатывались по веревкам так быстро, как только могли, все же нам хватало, чтобы промокнуть.

Теперь продвижение усложнилось. Стены сошлись ближе, внизу по узкому желобу бежал поток: это были наши первые меандры в Гляз. С рюкзаком в руке, мы продвигались на распорах (*chimneying, chimney-sweep techniques* — *каминная техника трубочиста, прим. К.Б.С.*): упираясь спиной в одну стену, а ногами в другую, или расклиниваясь в расщелинах как получалось.

Вдруг чудесный аромат «Шартрез» (*Chartreuse*) застал нас врасплох — рюкзак только что неудачно слетал на дно расщелины, и наша драгоценная бутылка не выдержала. Все вытекло, но, как бы в качестве компенсации, мешок полегчал вдвое.

Метров через 45 расщелина расширилась и передвижение на рас-
порах стало невозможным. Ручей под нами сбегал по уступам, уходя в
гладкостенный колодец, зияющий прямо на нашем пути. Это было ме-
сто, где остановился де Жолі: здесь начиналось неизвестное.

Кусок камня, заклиненный в трещине, позволил навесить сдвоен-
ную веревку, и мы прошли этот колодец. И тут же столкнулись со следу-
ющим, глубиной около 6 метров — по идее, здесь был необходим крюк
с кольцом, но у нас не было ничего подобного. Вережку закрепили за
большой, похожий на мост, валун, и вниз пошел Пикé. Мы испытали
сильный шок, когда на наших глазах валун вдруг, как качели, покач-

нулся, угрожая сбросить
нашего друга вниз, а затем и
раздавить его насмерть.

Перевесив веревку, мы
тоже поочередно спустились,
но наше моральное состояние
уже не было прежним! Былой
энтузиазм угасал, и нас все
больше охватывало уныние —
где те величественные гале-
реи, которые должны приве-
сти нас к Ги-Морт?

Мы оказались в приятном
маленьком гроте, оживляемом
бормотанием ручейка: почему
бы не оставить тут тяжелую
экипировку и не посмотреть,
что там дальше, налегке?

Фото 4. Верхний уровень Гляз, натечный пол.

Метров через 20 мы натолкнулись на внушительное препятствие,
объяснявшее поворот хода аж на 180 градусов вправо: это был 24-мет-
ровый колодец, обильно обводненный, который мы назвали Арочный
(*Archway Shaft, точнее Под-Арочный, прим. К.Б.С.*). У нас вроде бы хватало
лестниц для спуска, но не было средств, чтобы их хорошо закрепить в
нужном месте. Поэтому нам оставалось либо вернуться в следующий
раз, либо поискать среди других колодцев этого яруса более легкий ва-
риант для продвижения вперед.

Обратный путь был утомительным. На каждый колодец я подни-
мался по оставленным при спуске веревкам с помощью «обезьян».

«Обезьяны» — это металлические «пальцы», сжимающие веревку «в щепоть», когда поднимающийся нагружает их своим весом. Для подъема по веревке используются три: по одной для ног и одна на груди. Сначала, встав на выпрямленные ноги, вы продвигаете вверх по веревке грудную «обезьяну», а затем, нагрузив ее всем весом, по очереди, поднимаете ножные. Это утомительное занятие, но очень безопасное, и сегодня именно оно позволило нам обойтись без лестниц, используя только старые альпинистские веревки.

Выбравшись наверх, я навешивал снаряжение для остальных, идущих следом *(непонятно, крепил веревки, чтобы остальные тоже поднимались на зажимах, или навешивал лестницы? Думаю, все же навешивал лестницы, прим. К.Б.С.)*.

К десяти вечера мы достигли дна P.36, и после хорошей сытной трапезы возобновили подъем. Пропущенная через карабин (*snap-ring*) над отвесом, веревка шла чудесно, и вытягивая противоположный ее конец, мы подняли одну из лестниц для подъема на первый из уступов — 12 метров или около того (*P.L.4, надо понимать, прим. К.Б.С, см. Карту 7 на стр.88*).

Когда все поднялись, мы состыковали лестницы, чтобы навесить следующую ступень колодца, вдвое более высокую. Все, что требовалось, это просто тянуть веревку, но благополучно вытащить лестницу на более чем 15-метровую высоту — о, это была проверка. (*P.L.3, но почему «более 15», если только что было сказано «вдвое более высокую», а это явно больше 20 метров? Прим. К.Б.С*). Наши попытки высвободить застревавшую лестницу, дергая ее по ходу вытягивания, оказались неудачны — сдернуть ее с места не удавалось.

Терзаемый тревогой, я решил, что все равно как-нибудь поднимусь. В самом крайнем случае, как последний ресурс, я могу пристегнуть «обезьяны» к веревке над лестницей — акробатическая, но вполне выполнимая процедура, хотя, возможно, были варианты и лучше.

Медленно, я поднялся до самой последней ступени. Находясь на лестнице, я смог отцепить ее от стены, но моим спутникам не хватало сил вытянуть наверх чрезмерно тяжелый груз.

Помочь могло только одно — лестницу надо было освободить от моего веса. Заметив не слишком многообещающую опору на вертикальной стене, я поставил на нее ногу. Одной рукой ухватившись за скальный выступ, другой я отталкивал лестницу от себя, не отпуская ее совсем.

Мы предприняли несколько попыток. Я мог продержаться несколько секунд, не слишком нагружая лестницу, и в эти короткие периоды они должны были тянуть веревку. Хорошо — на одну ступеньку подняли.

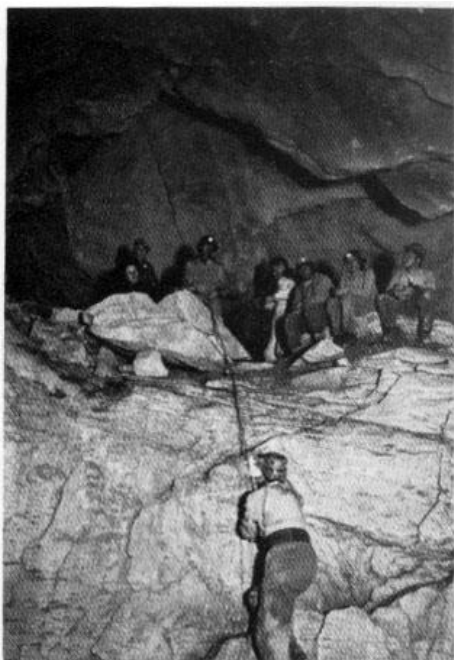
Постепенно, шаг за шагом, соединенные лестницы поднимаются, но через пару метров снова застревают. Однако, худшее позади, и поднявшись выше, я смог повторить тот же маневр уже с меньшей опасностью для себя.

В час ночи мы все были наверху (*над Р.Л.3, прим. К.Б.С.*).

Еще на подходе к Фонарному колодцу мы внезапно услышали приветствующие нас голоса: это были наши два друга, которые топтались на дне одного из сбросов вот уже почти восемь часов. Они не смогли продернуть толстую веревку через кольцо над Р.Л.2 и терпеливо ожидали нашего прибытия.

В шесть утра мы все вышли из пещеры и под ужасным ливнем спустились в Перкюлё.

В июне 1936 года мы решили попробовать еще один из главных колодцев второго яруса и выбрали Р.60, поскольку его первая ступень была сухой. Его второй сброс был совсем другим — около 40 метров

глубиной, с хорошим потоком воды с самого верха. Вскоре я промок, потому что моей единственной защитой от воды была толстая ветровка и старые пуховые штаны. Еще не достигнув дна, я был вынужден сдаться из опасений, что никогда не выберусь наверх, если эта попытка чрезмерно затянется. Падающая с высоты вода оглушала и дезориентировала меня, а при ее температуре (4° С) я вскоре замерз до мозга костей. Ритмично вытягивая веревку, мои помощники поднимали меня, и я оказался наверху: таким инертным тюком — теперь мы знали, что непромокаемая одежда совершенно необходима.

Фото 5. Первый уступ сухой.

В июле (1936 года) мы собрались в Тру-дю-Гляз довольно большой компанией, надеясь тщательно исследовать все галереи (особенно

верхний ярус, которым мы до сих пор пренебрегали) и провести точную топографическую съемку всей системы.

К сожалению, серьезная авария омрачила эту экспедицию. В то время как я составлял план нижнего яруса, Франсуа Гиймá спустился в колодец Мартéля, который, как утверждали «Жаррét д'Асьёр», был тупиковым. Это опасный колодец — на его стенах висит много довольно слабо держащихся блоков. Спуск прошел без происшествий, но когда Франсуа начал подниматься обратно, пристегнув нижний конец лестницы к поясу, одна ступенька зацепилась, и, чтобы освободить ее, он оттолкнулся от стены. При этом лестница сорвала камень выше, и тот ударил Франсуа по голове, плохо защищенной обычным беретом.

С нашей помощью ему удалось выбраться из Гляз и спуститься в Перкюлё. Хирург оказал ему первую помощь, а затем его доставили в Гренобль для операции на черепе.

К счастью, эта авария не имела для Гиймá серьезных физических последствий, но психологический эффект был замечен — после того случая его страстное желание ходить с группой и инстинктивное отвращение к лестницам находились в постоянном конфликте.

Это был ужасный урок, и он научил нас двум вещам: важности очистки колодцев перед спуском и незаменимости шлема.

2. Ледяные потоки Гляз

Теперь мы готовили большую экспедицию.

После прошлогоднего отступления я много думал о водонепроницаемой одежде. Поскольку денежный аспект вырастал до угрожающих размеров, мне пришлось остановиться на клеенчатых куртке и штанах, легких, но, увы, не очень прочных.

Мы пригласили с собой друзей из Парижского Спелеоклуба (*Paris Speleo Club*) — они должны были привезти несколько легких лестниц в дополнение к нашим, и, как и мы, подготовиться к водопадам.

2 октября 1937 года мы с нетерпением ожидали парижскую группу в Перкюлё, но до 11 часов утра они так и не прибыли.

Одно разочарование следовало за другим — не смогли пойти Гяш (*Gâche*) — у них не было водонепроницаемой одежды. Вдобавок они не смогли найти лестницы (включая ту пару, которую мы одолжили им несколько недель назад в Девольи (*Dévoluy*) для исследования Шюрáм Дюпóн (*Chourum Dupont*)).

Все это означало, что нам придется тащить наши старые тяжелые лестницы — к счастью, нас было много. Помимо Лионской группы из пяти человек: Гиймá с женой, Симóн Бертáн (*Simone Bertin*), Харлиман и я, были Мод Эртý (*Maud Ertaud*), Герó (*Guérin*)¹ и Турнóн (*Tournon*) из Парижа, и на перевале Айес (*Ayes*) мы встретились с Лябýром, который приехал на мотоцикле из Сонт-Авре-ля-Шомбр (*Saint-Avre-la-Chambre*).

Было около 3 часов дня, когда мы вошли в Гляз.

Спустя 2 часа мы все были на краю Р.60. Первый сброс был сухим, и все захотели спуститься, но второй имел глубину 37 метров, и число сподвижников сократилось.

Поскольку я хотел взять реванш у этого колодца, где так сильно промок в прошлом году, то претендовал на право спуститься первым.

¹ Упомянутый в списке участников этой экспедиции Герó (*Guérin*) — это наверняка Анри Пьер Герó (*Henry Pierre Guérin*) известный французский спелеолог, Президент-основатель Альпийского Спелео-клуба Парижа (*Spéléo-Club Alpin de Paris*) впоследствии Генеральный секретарь Спелеологического Общества Франции (*S.S.F.*), вдохновитель и один из сильнейших участников больших исследований, которыми было ознаменовано возрождение спелеологии после Второй мировой войны, автор книги «Спелеология. снаряжение и его использование» (*«Spéléologie. Le matériel et son emploi»*), впервые опубликованной в 1944 году, переизданной в 1951-м и переведенной мной на русский язык в 2011-м. Прим. К.Б.С.

Так как водопад на 37-метровом сбросе приходит из верхней части Р.60, на промежуточной площадке можно было создать временную плотину из мешка с песком, которая значительно уменьшала объем потока ниже. Хотя общее количество воды не убавилось, но на меня попало гораздо меньше, и мне было хорошо и сухо в моих доспехах из клеенки. Однако, упакованный в одежды удвоенной толщины, я не мог двигаться так свободно, как прежде, и спуск занял довольно много времени.

— Внизу! Поторопись! Плотина вот-вот переполнится.

Я продолжал спускаться. Я уже мог видеть дно, но лестница оказалась слишком короткой, и мне пришлось повиснуть на последней ступеньке, чтобы коснуться земли.

— Дошел! — крикнул я, и в несколько длинных шагов быстро укрылся под сводом извилистого хода, сбегаящего из-под колодца. — Давайте!

Раздался быстро нарастающий шум падающей воды, и почти сразу в нескольких метрах от меня рухнул мощный водяной смерч, сопровождаемый очень сильным порывом ветра.

Дамба пала.

Я двинулся по извилистому ходу, размерами не больше, чем под Р.36. Преодолев метров 45 по круто уходявшему вниз корявому и трудоемкому ходу, я остановился перед сужением, которое, в принципе, было проходимым. Но надежда найти в другом месте что-нибудь более привлекательное этой отвратительной трубы заставила меня вернуться тем же путем. Сегодня предстояло разведать еще два колодца, а тут можно продолжить в любое время.

Обратный путь вверх по лестнице был хуже, чем спуск. После нового возведения плотины вода некоторое время продолжала лить, но мне приходилось пошевеливаться, если я надеялся подняться до того, как плотина переполнится. По окончании всего этого я был на издыхании, но, в конечном итоге вымок не очень.

Пока все поднимались обратно (и надо упомянуть особо, что по ходу Турно́н в своей обычной манере предавался на лестницах демонстрациям акробатики типа «новичок в спелео», «маятник», «лазанье вверх ногами» и т.п.), я прошел дальше по галерее еще раз взглянуть на большой обводненный колодец. Это была огромная пропасть диаметром от 6 до 8 метров, свод которой находился метрах в 30-ти над нашими головами, а дно — в 60-ти метрах ниже (*вот как он определяет вертикальные расстояния такого большого колодца? Ведь даже ацетиленовые лампы дают широкий объемный, но довольно тусклый свет, да еще в условиях обводненности, уменьшающей видимость? Например, в ту же Первую примерно 65-метровую шахту Кутук-Сумгана ночью свети — не свети карбидкой, дна не увидишь... А камень в водопаде не слышно. Прим. К.Б.С.*).

Похоже, нам представлялась подходящая возможность: со свода хорошим дождем была капель, но общий поток уменьшался — мы должны были воспользоваться плюсами такого положения дел и атаковать этот колодец, не откладывая.

Мы сделали долгую остановку на ужин, и много тонкой пряжи было спрядено, прежде чем мы вернулись к работе.

Гай Лябур решил: как только мы опустили в колодец 75-метровую лестницу, закрепленную к двум надежно забитым скальным крючьям (*spikes*), он натянул мой водонепроницаемый комплект и приступил к спуску. Спускался он очень уверенно, страховочная верёвка ровно скользила в наших руках: ни малейшего колебания, ни рывка, ни единого сигнала помощникам. На одном дыхании он прошел все 60 метров колодца, ни разу не коснувшись стен.

Через полчаса ¹ голова Гая снова показалась над краем — он вернулся мокрый насквозь. На дне этого «Колодца Лябура» (*'Labour Shaft'*) он обнаружил систематически изгибающийся меандр, исключительно узкий и корявый, о чем свидетельствовала куртка, распластанная в лоскуты (*надо понимать, водозащитная куртка Шёвалье, прим. К.Б.С.*). Продвигнуться удалось почти на 30 метров, когда его остановило чрезвычайно узкое место. Здесь, как под Р.60 и Р.36, на дне гигантского колодца не нашлось ничего, кроме тривиальных тесных ходов — и в помине не было грандиозных галерей, способных привести нас к Ги-Морт, которые мы искали!

Нам оставалось осмотреть только один отвес — Озерный колодец, тоже красивый и обводненный. Ни один любитель колодцев не вызвался добровольцем, поэтому пришлось идти мне, позаимствовав водозащиту у Харлимана.

Через 15 метров я миновал первую «посадочную площадку», а затем начался душ — купальня, которую ничто не могло остановить или хотя бы поуменьшить. Как назло, лестницы ниже спутались в добрый старый клубок (*мы называли это «борода», прим. К.Б.С.*), и мне пришлось распутывать их под водопадом, изо всех сил удерживаясь в распоре между стенами.

Ниже этого места скала была сильно иззубрена и источена: настоящее каменное кружево, и его острые кромки грозили в любой момент сотворить ужасную дыру в моих непромокашках, куда тут же устремилась бы вода.

¹ Очень быстро! Если учесть, что только колодец — 60 метров, а ведь Лябур еще разведкал 30-метровый меандр на его дне. Или «через полчаса» — это ошибка, опечатка, или Лябур был просто в фантастической форме! Прим. К.Б.С.

Еще ниже я оказался под нависающим карнизом. По лестнице и страховочной веревке текли три ручейка, и каждый толчок отбрасывал их мне прямо в лицо. Вода попадала в рукава и струилась по всему телу, стекая в ботинки — и это было самое противное.

Внизу вместо меандров я обнаружил просто разлом по стыку слоев, служивший стоком из колодца.

В третий раз за этот день мы получили отпор. Ни один из исследованных нами лабиринтов не предлагал продолжений, более удобных, чем под Р.36. Так что он и будет первым, который мы исследуем более тщательно.

Но эти сильно обводненные колодцы приводили нас в уныние, и должен был пройти год, прежде чем мы вернулись в Гляз.

В этот промежуток времени команда пополнилась человеком, который станет моим альтер-эго в завоевании Гляз — это Фернó Петцль.

История нашей встречи любопытна.

В 1936 году я увидел возле последнего колодца второго яруса сделанную красной краской надпись: «**Puit Fernand 15 m**» («Колодец Ферно 15 м» — в слове *Puits*: «колодец», пропущена буква — *s* ..., прим. К.Б.С.) Эта надпись, не замеченная мной в прошлом году, удержала меня от спуска, так как я сделал вывод, что колодец имеет глубину всего 15 метров.

Но в 1937 году я с удивлением увидел на том же месте уже «**Puits Fernand**» — орфографическая ошибка была исправлена, значит, этот кто-то вернулся.

Спустившись в колодец, я обнаружил еще одну надпись: «**Puit Pierre**» — «Колодец Пьера» (и снова с ошибкой, то есть, сюда автор надписи второй раз не спускался... Прим. К.Б.С.). Спуск продолжался и в действительности составлял почти 60 метров, с несколькими ответвлениями, о которых будет сказано позже.

Значит, не только мы занимались исследованиями в Тру-дю-Гляз!

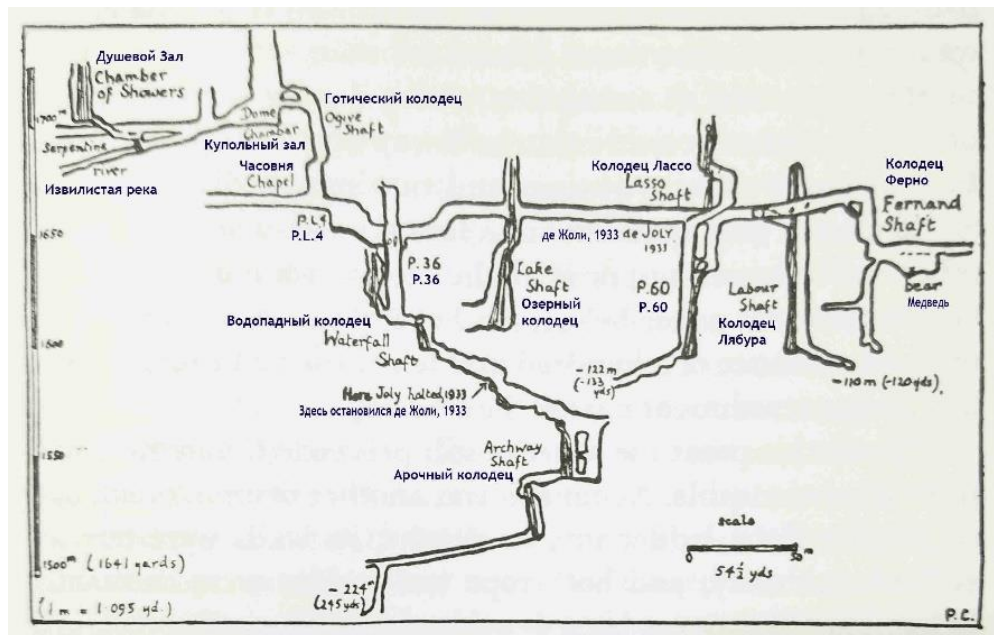
После долгих расспросов я смог установить контакт с Петцлем, и мы сразу же поняли друг друга. Так началась наша крепкая дружба.

Фернó — малый невозмутимый. За невыразительной внешностью скрывается золотое сердце и неиссякаемая энергия. Когда нечего сказать, он, как и я, держит язык за зубами, и часто мы не обменивались и дюжиной фраз за время довольно долгого пребывания в пещере.

Дружба может процветать и без слов.

Система Р.36 поглотила нас 11-го ноября 1938 года в третий наш выезд.

Двумя месяцами ранее, в ходе непронумерованной экспедиции, мы достигли отметки 1656 *над уровнем моря*,¹ и надеялись уйти еще глубже. Однако нам пришлось отказаться от этой затеи, так как от долгого ожидания один из наших товарищей стал жертвой влажности и холода, и чтобы не продлевать его мучения еще на 2 с лишним часа, мы вернулись.

Карта 3. Тру дю Гляз, главные колодцы ко второму (нижнему) ярусу

Итак, на спуск не ушло много времени, так как прохождение Р.36 было нам уже знакомо. Несомненно, мы шли даже слишком быстро, потому что по ходу спуска не слишком надежно привязанный мешок со свистом рухнул рядом со мной. В ответ на мой оживленный протест наверху раздался смех. Впрочем, он резко оборвался, как только Буржэн (*Bourgin*) осознал, что мешок был его: при этом камера, небрежно оставленная в наружном кармане, получила неслабые повреждения и теперь уже никогда не будет прежней.

¹ В английском переводе на стр.38 написано: ... we had attained 656-below-sea-level mark ... похоже, тут какая-то ошибка, так как ниже уровня моря только пещеры в Израиле. И потом — чего? Метров или футов? Судя по схеме на стр. 39, это должна быть отметка 1656 м над ур. моря, прим. К.Б.С.

Из-за нехватки лестниц нам пришлось оставить сдвоенную веревку на Водопадном колодце (*Waterfall Shaft*) — так что нас снова поджидало вытаскивание лестниц веревкой (*rappel with ladders*).

После обычных извилистых ходов в 5:30 вечера мы подошли к гроту на отметке минус 140 метров. (судя по Карте 7 на стр.88 — относительно входа в Гляз, прим. К.Б.С.).

Мы перекусили, навесили лестницы на Арочный колодец — достаточно далеко от водопадов, чтобы избежать худшего из них, а затем заполнили мешок землей, чтобы устроить плотину, которой Буржян, инженер-специалист по гидравлике, будет манипулировать к общему удовлетворению и при содействии Харлимана и Симона Бертана.

Основная команда состояла из Петцля, Лябюра, Фасу (*Fasso*) и меня — мы надеялись пройти хорошее расстояние, так как все были в отличной форме. Для Фасу это был первый подземный выход, но широкие плечи и хладнокровное спокойствие помогали ему преодолевать все препятствия.

Мы спустились в Арочный колодец — 24 метра, и после небольшого уступа нам удалось пройти следующий колодец еще около 18-ти метров глубиной.

Теперь мы оказались в нижнем меандре, и тут было очень тесно — мы пробивались по щели около 30 сантиметров шириной и высотой до полутора метров. На полу то и дело встречались углубления с водой, по которым мы хлюпали в ботинках на босу ногу, так как хотели сохранить носки сухими на обратный путь. Скальные лезвия с острыми кромками постоянно цеплялись за одежду, нанося ужасные повреждения. Иногда бутылочное горлышко в среднем сечении хода заставляло нас принимать самые странные позы, изгибаться и изворачиваться, упираясь головой в одну стену, а носками ботинок в другую, чтобы продвигаться, удерживая тело в горизонтальном положении и не проваливаться вниз. Иначе нам пришлось бы ползти низом, наполовину утопая в воде.

Час этого удовольствия дал 100 метров протяженности и в девять часов вечера оно все-таки закончилось.

За этим местом теснина продолжалась, еще более узкая, фактически непроходимая. Но из-под наших ног вниз уходил следующий, орошаемый каплей, колодец, и мы спустили в него лестницу. Стены были покрыты натеками и ужасно эродированы, поэтому веревка и лестница постоянно попадали под выступы и неровности.

В 18-ти метрах ниже я достиг дна. Спустившись лазанием с последнего 2-метрового уступчика, я увидел, что ручей утекает по небольшому желобку, диаметром не более 30 сантиметров.

Пройти дальше не было надежд: очередное полное поражение.

Мы были в ярости, что прошли весь этот путь ценой изнурительной экспедиции и только для того, чтобы добавить каких-то 18-20 метров глубины. Небольшим утешением было то, что Гляз теперь занял второе место среди глубоких пропастей Франции. Поскольку эта точка имела отметку минус 224 метра, добавленная к ней самая высокая отметка — плюс 41 метр, давала общий перепад 265 метров.

Но мы шли не за рекордом — мы стремились к прохождению полной системы вплоть до Ги-Морт, а эта цель все ускользала от нас, и наши шансы на успех теперь выглядели меньше, чем когда-либо.

Было за полночь, когда мы вернулись к вспомогательной группе. Должно быть, на поверхности шел дождь, потому что водопады на колодцах усиливались, и нам приходилось поторапливаться, если мы надеялись избежать водяного смерча, когда столь быстро прибывающая вода переполнит подпруды.

Последний инцидент произошел на Водопадном колодце, когда сильно намокшая двойная веревка отказалась продергиваться. После одного или двух жестких, но бесплодных рывков мы успокоились, понимая, насколько серьезными могут быть последствия, если мы ее порвем.

В три часа утра никто из нас не чувствовал себя способным лезть на руках по «голой» веревке (*не касаясь стен, прим. К.Б.С.*), чтобы одолеть эту 12-метровую вертикаль. Дважды я взбирался метров на 9, но в итоге соскальзывал от усталости.

На первый взгляд казалось, что более перспективно качнуться маятником, чтобы достичь ложа ручья, но так как его последние несколько метров имели отрицательный уклон и приводили под водопад, мы решили от этого отказаться.

Поскольку все остальное не удалось, я решил использовать старое устройство — кольца Прусика (*Prusik's rings*).

Отрезав куски, я связал три веревочных кольца, дважды обернув каждое вокруг навешенной веревки — по одному кольцу на каждую ногу, и одно на грудь. Идея состоит в том, чтобы по очереди ослаблять каждое кольцо, поднимать его на определенную высоту, а затем снова затягивать на веревке.

Этот «старомодный» метод использовал Анри Бренó, когда делал свои «обезьяны», которые мы использовали в наш первый год в Гляз.¹

Я поднимался очень медленно. Мне потребовалось двадцать минут, чтобы выбраться наверх — слишком тонкая веревка едва не перерезала мое тело на части, и я чуть не сорвал ногти, ослабляя схватывающие узлы, разбухшие от воды и с каждым разом все труднее поддающиеся.

Но это было последним серьезным препятствием. Нам еще предстояло подняться на несколько колодцев и ожидало перетаскивание груза в полусонном состоянии, но в девять часов утра, после восемнадцати часов в пещере, мы вышли на свет.

¹ Очень интересный вопрос: почему после первого года в Гляз старый друг Шёвалье — Кикí, Анри Бренó, перестал ходить с группой и, вроде как, не оставил друзьям свои «обезьяны»? Тот же Петцль вполне мог изготовить нечто подобное, но нет — больше за всю историю исследований Тру-дю-Гляз металлические зажимы для веревки не использовались... Почему?

Ответ на этот вопрос я нашел в статье: «Pierre CHEVALIER (1905 Paris, décembre 2001)» Jean Philippe Grandcolas — C.D.S. Rhône, посвященной памяти великого Спелеолога.

Оказывается, «обезьяны» очень плохо воздействовали на пеньковые веревки, сильно их изнашивая. И тогда вполне понятно, почему после первых проб Шёвалье отказался от их дальнейшего использования.

Непонятно только, почему он не вернулся к «обезьянам», когда заменил пеньковые веревки нейлоновыми? По той же причине? Или по инерции?

Прим. К.Б.С.

3. Погоня за сквозняками

Таким образом, к концу 1938 года мы снова потерпели неудачу в достижении главной галереи системы, хотя я никогда не терял надежды, что она существует под линией тальвега нашего плато.

Теперь надо было понять, где нам предпринять следующую атаку?

Ни у кого из нас не было особого желания снова соваться под водопады Р.60 или колодца Лябүра. Что касается русла Извилистой реки (*Serpentine river*), активной системы верхнего яруса, внушительные размеры которой на первый взгляд обнадеживали, то объем потока не давал воспользоваться этим маршрутом, за исключением чрезвычайно сухого сезона. Таким образом, наше исследование, казалось, зашло в тупик, и нам пришлось напрягать воображение, чтобы найти новые подходы к проблеме.

Изучение плана галерей Гляз (см. *Карту 2 на стр.26, прим. К.Б.С.*), казалось, указывало вероятную точку атаки для раскопок — Северная Галерея. Не среднего размера, она представлялась естественным продолжением большого зала второго (нижнего) яруса. По большей части усыпанная спаянными натеком камнями и забитая песком, она заканчивалась тупиком, заполненным аллювием. Ее направление подсказывало, что это прямой путь к Ги-Морт.

В конце мая 1939 года мы не без труда пробились к входному portalу Гляз из-за редкого для этого времени года снегопада. Мы навалились на препятствие, которое, к нашему великому удивлению, уступило без особой борьбы. Фактически, некоторые члены команды все еще находились на Фонарном колодце, спуск по которому очень осложнялся льдом, когда Лябүру и Петцлю удалось пробить пробку.

За ней они попали в неизведанную галерею, продвигаясь в своем «путешествии открытий» (*voyage of discovery*), и вскоре я тоже присоединился к ним. Нам встретилось несколько очень утомительных участков, а один или два удушающе узких лаза поумерили наш пыл, но через некоторое время мы вошли в широкую, хотя и с низким сводом, галерею. Вопреки всем нашим ожиданиям вместо того, чтобы катиться вниз к Ги-Морт, она повернула к югу, сойдя на нет в лабиринте низких ходов.

Оставленный для осмотра на следующий год, этот лабиринт позже стал связующим звеном между этой галереей и верхним Гляз.

К концу дня, когда мы вышли из пещеры, солнце размягчило снег, и он оползал миниатюрными лавинами по всему склону горы, поэтому

на пути к перевалу Айес (*Ayes pass*) нам пришлось прибегнуть ко всем возможным предосторожностям.

На нашем дневном балансе было 397 метров узких «водосточных труб» и «канав» — в какой-то степени это было интересно, но не то, на что мы надеялись.

Нас сильно заинтриговали несколько костей пещерного медведя, обнаруженные в новой галерее. Поскольку животное не могло попасть сюда тем же путем, что и мы — обязательно должен был существовать какой-то старый проход, теперь забитый, выходящий на поверхность. По возвращении домой при изучении моего плана района у меня забрезжила догадка: медведь лежал непосредственно под входной галереей, метрах в 20-ти ниже по вертикали. При следующем посещении мы обнаружили в этом месте тесную узость, почти забитую, и через несколько метров небольшой колодец. Песок был полон костей, и мы пришли к выводу, что медведь умер тут, а потом некоторые части скелета были смыты на нижний ярус.

Итак, Гляз нас немного разочаровал.

Два месяца спустя Ги-Морт и его воздушные потоки должны были исправить ситуацию.

Вопрос, который непосвященный часто задает исследователям пещер, и страх, зачастую преследующий начинающих, связан с проблемой дыхания под землей. Без сомнения, эти опасения вызваны редкими, но широко разрекламированными пещерами, содержащими карманы с углекислым газом.

Конечно, любой риск такой асфиксии — дело серьезное, но его можно избежать, так как достаточно опустить обычную ацетиленовую лампу в подозрительную зону, и в атмосфере, неспособной поддерживать жизнь, пламя погаснет.

Помимо таких исключительных случаев, вполне понятно, что длительное пребывание в узких, не проветриваемых лазах представляется не слишком здоровым. Но лично я предпочитаю это тому душному дискомфорту, который сопутствует долгой игре в бридж в неветилируемой комнате, где коптят трое закоренелых курильщиков.

Однако в обоих случаях худшим последствием будет всего лишь сильная головная боль!

В Дон-де-Кролле нет необходимости опасаться асфиксии или головных болей: вся система проветривается хорошо отрегулированной системой сквозняков, зимой дышащих сравнительно теплым воздухом, а летом — прохладным бризом. В общем температура постоянна и колеблется около 4°C. Такой довольно суровый климат был серьезной составляющей в числе трудностей, встречаемых ранними исследовате-

лями, и свечи, которые они несли, не могли противостоять мощным порывам сквозняка в ветродуйных ходах Гляз.

Что вызывает эти воздушные потоки? С одной стороны, наличие нескольких отверстий на разных высотах. С другой — несоответствие между внутренней и наружной температурами. Это то же явление, что управляет «рисунком» печных дымоходов: когда наружный воздух холоднее, сквозняк в подземных ходах проходит снизу вверх, а когда наружный воздух теплее, воздух устремляется сверху вниз.

Мое любопытство было вызвано причиной, вызывающей на редкость постоянный воздушный поток, исходящий из пещеры Ги-Морт, и я уделил этому вопросу очень пристальное внимание, потому что надеялся извлечь из этого некоторые практические выводы.

Любого читателя, который может найти такие вещи смертельно скучными, просим пропустить следующие несколько строк.

Предположим на мгновение, что подземные лабиринты были заменены одной непрерывной галереей, соединяющей плато и пещеру Ги-Морт — общий перепад высот примерно 600 метров. Предположим также, что наружная температура составляет 20°C, а внутренняя 4,5°C.

Циркуляция воздуха вызывается разницей (перепадом) давлений, приложенных, например, к противоположным стенкам условной перегородки, перекрывающей нижний вход. Этот перепад давлений равен разнице в плотности (массе на кубический сантиметр) между внутренним столбом воздуха (600 метров) при 4,5°C и внешним (также 600 метров) при 20°C — что составляет 3,3 грамма на квадратный сантиметр или 2,5 мм. рт. ст.

Если мы пробьём дыру в только что упомянутой перегородке, классические формулы аэродинамики показывают, что в обычном режиме скорость воздушного потока, вызванного этим перепадом давления, будет около шестнадцати метров в секунду.

Теперь давайте разместим в другой части галереи вторую перегородку, с таким же отверстием. Общий перепад давления будет равномерно распределен между обоими отверстиями, а потеря его в обоих из них будет сопровождаться потоком воздуха не более одиннадцати метров в секунду в каждом.

Если мы применим эти данные к реальной пещерной системе, то обнаружим, что общий перепад давления будет равен сумме его перепадов в различных областях системы. Каждый лаз, вертикальная или горизонтальная узость будут участвовать в этом процессе, причем наибольший вклад вносят те, в которых самая сильная тяга.

Так вот, через вертикальную узость, которая остановила наше продвижение в Ги-Морт, вырывался настоящий ураган, который, должно быть, двигался со скоростью десяти метров в секунду.

Мой вывод из этого теоретического исследования состоит в том, что этот конкретный участок должен поглощать почти половину общего перепада давления. Потеря давления в трех или четырех километрах галерей неизвестной сети будет незначительной, только если эти галереи достаточно просторны. Следовательно, во всем диапазоне неизвестных колодцев и галерей не может быть более одной или двух узостей, подобных этой первой. Получалось, что просто необходимо попробовать преодолеть это препятствия, и я был уверен, что за ним будет лежать мощная система галерей.

14 июля 1939 года в компании нескольких моих товарищей по заводу мы прибыли к Ги-Морт, где встретили Фернó Петцля. Мы очень хорошо знали пещеру: она простирается менее чем на 200 метров и не представляет особых трудностей. Просторный вестибюль, далее заполненный обломками грот диаметром около 9 метров и, за низким проходом, в котором впервые дает о себе знать ток воздуха, — Зал Скалолазов (*Climbers' Chamber*) длиной 40 и высотой 9 метров.

В дальнем конце этого Зала, по руслу, усыпанному толстым слоем окатанной водой крупной гальки, мы сползли вниз к уровню воды в конечном сифоне, который остановил Мартéля в 1899-м году. Здесь не было никаких признаков тока воздуха. Однако на выходе из этого места оказалось возможным осторожно взобраться лазанием на одну из стен Зала и добраться до узкой высокой галереи, сформированной вдоль разлома. Через 68 метров галерея сошла на нет, и мы услышали, как сквозь перекрывающий ее каменный завал дул ветер — оглушительным гулом, который вполне можно было принять за шум близкого водопада.

За три года до этого, с моими старыми товарищами по альпинизму Лябúром и Бренó, мы начинали тут копать, но жуткий холод этого урагана (4°C) вынуждал нас сменяться каждые пять минут, и мы бросили это гиблое дело. Нам почти удалось обнажить нечто, выглядевшее как очень узкая щель в монолите, и казалось, ничего, кроме взрывчатки, тут не поможет.

В итоге мы пали духом и отступили.

Прежде чем возобновить штурм в этой точке, мы провели разведку в поисках другого слабого места. В одной из стен Зала Скалолазов мы заметили несколько отверстий, в основном в монолите, но только одно было перспективным. За час мы расчистили за ним очень узкую эллип-

тическую трубу, и в мгновение ока все были внутри нее, продвигаясь друг за другом. К нашему сожалению, примерно через 27 метров мы столкнулись с новым препятствием — нас остановила вытянутая в вертикальном сечении щель (диаклаз), почти полностью перекрытая завалом из больших каменных плит, и после двух часов отчаянных усилий нам пришлось ретироваться, измученным и измочаленным.

Нашим спутникам, проходящим спелеологическое посвящение, это занятие показалось довольно жесткой формой отдыха, но требовалось нечто большее, чтобы заставить их отступить.

Мы плотно подкрепились на солнышке у входа в пещеру, затем взяли лопаты и шахтерский ломик и снова отправились под землю, на этот раз в галерею, расположенную высоко в стене. Разлом, который мы хотели расчистить, был перекрыт осыпной пробкой, и чтобы иметь возможность продвигаться вперед, нам пришлось разбирать ее камень за камнем. В противном случае обязательно случился бы новый обвал и пришлось начинать все сначала.

Поскольку группа была большая, обломки удавалось передавать на большое расстояние и работа шла быстро.

Чем больше мы изучали это место, тем сильнее становилась надежда на успех, так как объем препятствующих продвижению камней мог быть результатом только незначительного локального обрушения.

Наконец, расщелина была действительно хорошо расчищена — оказалось, что она не в монолите, а между довольно массивными валунами. Решающий момент был близок, и мы с еще большим рвением набросились на несколько упрямых блоков. Время перевалило за полдень, погода предвещала грозу, солнце палило нещадно, следовательно, наш ветродуй имел максимальную скорость. Каждый смещенный камешек осыпал мелкий песок, и поток воздуха уносил его на несколько метров, бросая в лицо всем до последнего человека в цепочке.

Но передний в забое не обращал внимания на жалобы товарищей. Опустив голову, я с лихорадочной энергией вытаскивал валуны, каждый миг ощущая, что победа близка.

Сначала я смог протолкнуть в отверстие руку, потом оно стало шире, и вскоре я просунул в него голову, но подавляющий силы ветер не давал ее поднять, мешая дышать, и я мог лишь ощущать дальше расширение, не имея возможности даже представить его размеры.

Будущее соединение Гляз и Ги-Морт зависело от того, что я увижу в следующие несколько минут. Протискиваясь, я позволил себе скользить вниз по склону осыпи. Сразу за узостью я смог встать и — *Mirabile dictum!* (Странно сказать! — латынь, прим. К.Б.С.) — все, что я чувствовал, это мягкий зефир — ласкающий ветерок, в странном контрасте с ураганом, который мы терпели последние три часа.

Через 10 метров была следующая узость, а за ней — невысокая, но очень объемная галерея шириной около 2 метров.

Итак, у нас был победный день.

Остальные догнали меня, и мы отправились в «путешествие открытий». Галерея разветвлялась на множество боковых ходов, ведущих во все стороны, пересекающихся и перекрещивающихся в почти невероятном лабиринте. Некоторые оканчивались непроходимой кишкой, другие — завалами. Наконец был ход, почти вертикально уходящий в колодец, заполненный глубокой, прозрачной водой — мы уловили намек на подземную реку Ги-Морт, которая все же где-то течет в своем подземном полностью затопленном русле.

Мы обошли весь этот лабиринт, повсюду преследуя наши невидимые нити Ариадны — сквозняки. И они привели нас к подножию завала, перекрывающего самый большой из ходов.

В этот день мы не могли продвинуться существенно дальше, потому что все были измотаны раскопками, хотя и пробыли под землей только девять часов. Я даже отказался от составления моей обычной топографической съемки пройденных в тот день пятисот метров, сознательно жертвуя откладываемым на месяц удовольствием, которое получаю дома от составления схемы приращения протяженности системы и тщательного изучения ее, чтобы извлечь всю возможную информацию.

Здесь я должен сделать небольшое отступление по вопросу о конечном сифоне Ги-Морт, который нам только что удалось обойти.

В январе 1942 года после лекции о Дон-де-Кроль, которую я прочитал в Гренобле, каноник Бендэт из Гренобльской епархии (*Canon Bandet of the Grenoble diocese*) написал мне, что наши открытия не были для него неожиданностью. Пятьдесят лет назад, пройдя сухой в то время сифон Ги-Морт, он с двумя товарищами оказался в довольно обширной восходящей галерее и через час продвижения по ней увидел дневной свет через отверстие величиной около квадратного метра — слишком высоко, чтобы до него добраться. Хотя у них не было компаса, они были уверены, что продвигались вперед по прямой, и были убеждены, что прошли подземный Дон-де-Кроль с одной стороны на другую.

Деталь, всех нас очаровавшая, хоть и очень раздражающая, заключалась в том, что каноника сопровождала маленькая собачка.

Нет смысла говорить, что эта история при всей ее невероятности имела свои интригующие аспекты. Согласно моим топо-планам, мы наверняка знали, как выглядит местность за сифоном, так как именно

туда мы попали после того, как преодолели расщелину «Ураган» (*'Hurricane' cleft*).

Но описание Бенедёта не имело сходства с тем, что мы наблюдали, и оставалось предположить существование боковой галереи, большей частью затопленной, ответвляющейся от главной галереи именно там, где возник сифон.

Лишь в 1943 году мы сами, правда, без маленькой собачки, прошли через знаменитый сифон, тоже сухой, и обнаружили, как и следовало ожидать, тот самый лабиринт, который мы уже исследовали. Будущий каноник и его друзья, очевидно, приняли за дневной свет отражение пламени их свечи на своде, усеянном крошечными каплями сконденсировавшейся воды.¹

Но вернемся к нашему исследованию . . .

20 августа 1939 года мы пришли снова — не в прежнем составе, поскольку еще продолжался сезон восхождений, и не у всех наших друзей была страстная спелео-зависимость.

Нас было четверо — Петцль, Харлиман, моя жена и я. Пока я занимался топосъемкой, остальные должны были попробовать разобрать завал, перекрывающий самую большую галерею.

Когда через полчаса я присоединился к группе, они явно были в плохом настроении и утратили надежду прорваться. Завал был очень опасен, и невозможно было предугадать, когда он закончится.

Естественно, я сразу принял противоположную точку зрения. Было бы слишком глупо сначала добиться такого впечатляющего успеха, а через несколько сотен метров потерпеть неудачу в работе. Опасно или нет, но мы собирались пройти — если не сегодня, то в другой раз.

Так что я свернул свое «топо» и вернулся к завалу.

Натурально горообразная куча обломков покато спускалась от свода к полу и по всей ширине запечатывала галерею в этом месте высотой всего около 2 метров.

Однозначно, это все валилось из поперечно секущего разлома, в котором в какой-то период случились обрушения. Какова будет высота завала в невидимом восходящем колодце? В этом была суть нашей проблемы.

¹ См. Стр.181, где это явление упоминается еще раз. (*'Frans.'*)

Ток воздуха однозначно обозначал точку наименьшего сопротивления — прямо под сводом. В этом месте я очень осторожно удалил небольшие обломки и вскоре обнажил нижний край разлома, хотя все еще не мог оценить толщину завала выше.

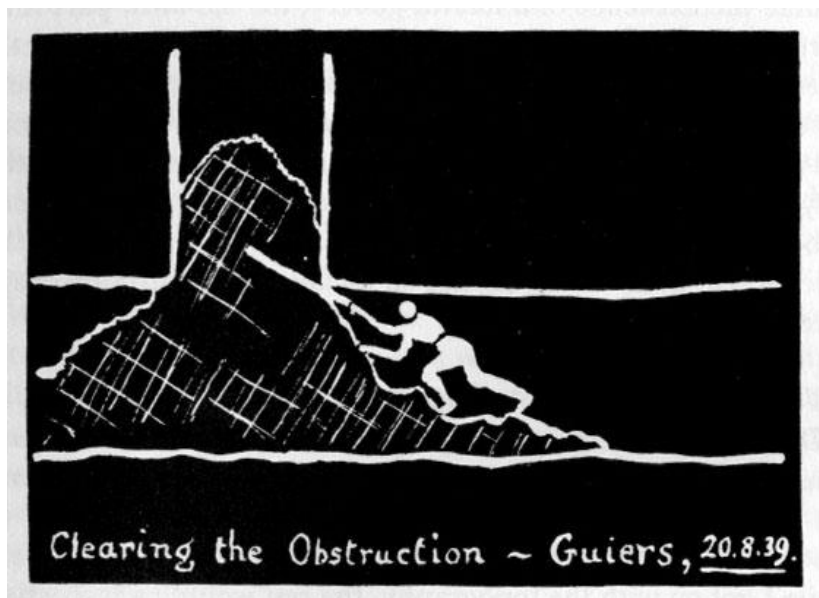

Рис.1. Осыпной конус. Разборка завала — Ги-Морт, 20.8.1939

Операция разборки завала была действительно опасной, поскольку удаление каждого отдельного камня, ослабляло основание конуса и сопровождалось общим оползанием более или менее тяжелых скальных обломков. Мы немного обезопасили себя, сделав отводной желоб, по которому камни могли скатываться вниз, благодаря чему наши пальцы страдали не так часто.

Постепенно ситуация улучшалась. Шахтерский ломик служил верой и правдой: мы вбивали его в завал вертикально под самый козырек, а потом все вместе разом дергали за привязанную к его концу веревку. Минимум раз из десятка попыток он обрушивал лавину камней, и глухой грохот говорил нам, что завал немного оседает. Но чаще всего вся команда просто дружно валилась назад.

Через час такого занятия мы начали чувствовать, что верхний конец ломика входит в пустоту над нашими головами. Между тем разборка завала требовала все большей и большей осторожности, так как сопровождалась все возрастающим риском. Так что ушибы пальцев, плеч и коленей попаданием неправильно направленных валунов уже не допускались.

Еще через час работы ход стал практически проходим, но оставался все еще не очень надежным. Нужно было взобраться в 3-метровый восходящий камин, головой и плечами к сплошной стене, а ногами — по все еще сыпучему склону завала. Но как только я справился с этим, то обнаружил, что могу устроиться более-менее удобно и сбрасывать вниз особо плохо лежащие обломки, чтобы сделать маршрут безопаснее.

Далее лежало неизвестное. Мы находились в большом наклонно сбегавшем вниз зале без видимого выхода, и нам потребовалось десять минут, чтобы заново нащупать ток воздуха, теперь уже на уровне земли под низким сводом. Затем слишком тесный ход внезапно расширился, и после нескольких метров причудливых изворотов мы начали продвигаться быстрее, хотя по-прежнему ползли на животе. Локти и колени были разбиты мелкими острыми камешками, головы бились о выступы потолка, мы пыхтели и задыхались, но продолжали продвигаться, по-прежнему снедаемые нетерпением как можно быстрее узнать, какие новые испытания ожидают нас в этой системе Ги-Морт.

— Тихо! Минутку! Замолчите все! — мне показалось, что я услышал необычный звук: едва слышный шум бегущей воды.

По мере того, как мы продвигались, бормотание становилось все более отчетливым, и через десяток метров все сомнения отпали — где-то здесь был водопад. Обрадованные, мы поднажали, и вдруг — стоп! Мы остановились в каком-то полуметре от глубокой расщелины в скале, над которой наша галерея образовала своего рода балкон.

На дне этого великолепного провала — в поперечнике до 2-х и глубиной около 10-ти метров, кипел ручей, и объем воды не оставлял сомнений — мы наверняка обнаружили до сих пор неизвестный подземный водоток Ги-Морт. Мы нашли решение проблемы сифонов этой мощной системы, и теперь было вполне возможно, что соединение Гляз — Ги-Морт будет установлено.

— Ну, кто из вас, самоотверженных парней, возвращается за снаряжением?

Веревки и лестницы мы, понятно, оставили перед обвальным конусом, и ни у кого сейчас не хватало мужества на двухчасовое экстремальное ползание — необычайно тоскливая перспектива.

И все же было бы жаль не продвинуться вперед, чтобы разведать хотя бы следующее препятствие. Осторожно, я начал спуск ко дну провала. Землистые стены были очень сыпучи. Мне удалось спуститься на метр или около, а затем, вопреки всем принятым правилам, я прыгнул

на с виду прочный глиняный мост примерно в 3-х метрах ниже. Дальше пошла хорошая просторная труба с глинистыми стенами, последний прыжок, и я оказался там, куда стремился. *(Судя по всему, он спустился в «Большой Каньон», который впервые упоминается ниже на следующей странице 54, а потом именуется то с прописной, то с заглавной буквы, прим. К.Б.С.).*

Колодец был слишком широк, чтобы моя жена и менее рослые компаньоны могли спуститься на распорах, поэтому вверх по течению водотока я пошел один. Метров 50 все было хорошо, а затем колоссальный каменный блок, расклиненный в сужении, перегородил проход, нависая 3-метровым карнизом. На какое-то время это меня задержало, но, когда я взобрался на него, слышимый все последнее время шум каскада теперь усиливался с каждым шагом.

В любой момент какой-нибудь непреодолимый колодец нас оставит, думал я.

Наконец, вот он — водопад, и все оказалось в порядке: его высота была всего около 4 метров ¹. Взобраться можно было просто по зацепкам, но это означало сильно вымокнуть. А так как мне еще предстояло сделать 1200 метров «ускоренной» топосъемки, и все это ползком на животе, я решил, что для такой работы лучше оставаться сухим.

Я вернулся ко дну колодца и рассказал остальным о своих открытиях, а затем отправился вниз по течению. Менее чем через сто метров мое продвижение остановил сифон — вода стояла в окружении массивных глиняных отложений.

Так что я вернулся, без особых проблем присоединился к остальным, и мы повернули назад в приподнятом настроении, попутно делая топосъемку.

Планы строились как обычно — в следующее воскресенье передышка, а через две недели мы вернемся к этому месту с водозащитным комбинезоном, лестницами и всем необходимым.

Но как бы не так. В назначенный день — 3 сентября 1939 года — все наши пути вели куда угодно, только не к Ги-Морт.

Более четырех месяцев я нервничал и маялся из-за убийственного бездействия начального периода войны — ведь я так и не вышел за водопад и не выяснил природу следующего препятствия.

При подземных исследованиях, особенно таких, где предстоят сотни метров ползком, нет резона брать с собой чрезмерное количество снаряжения, поскольку его транспортировка слишком трудоемка.

¹ В дальнейшем для определенности буду называть это препятствие «4-метровый водопад», прим. К.Б.С.

Это значит, что помимо необходимых веревок и лестниц, на место доставляется только приспособление, необходимое для преодоления следующего препятствия. Это может быть штурмовой шест (*scaling pole*), это может быть лодка, это может быть взрывчатка.

Наконец Рождество (*Christmas*) принесло мне 24-часовой отпуск. Время года было далеко от идеального, но я не мог больше ждать, тем более что все могло затянуться на месяцы. Я не мог найти помощников, поэтому мы с женой планировали вдвоем продвинуться как можно дальше за максимально короткое время.

Наше снаряжение состояло из веревки для спуска в Большой Каньон, второй веревки и лестницы для предстоящих неизвестных препятствий, а также моего водонепроницаемого боевого костюма для победы над подземным потоком.

Через новые галереи мы прошли без происшествий. Памятуя прежний опыт, мы подшили комбинезоны (*boiler-suits* — *забавный термин, дословно: кипятильные костюмы, прим. К.Б.С.*) толстыми подкладками из губчатой резины в самых необходимых местах — на коленях и локтях. В таких сибаритских условиях ползать почти приятно.

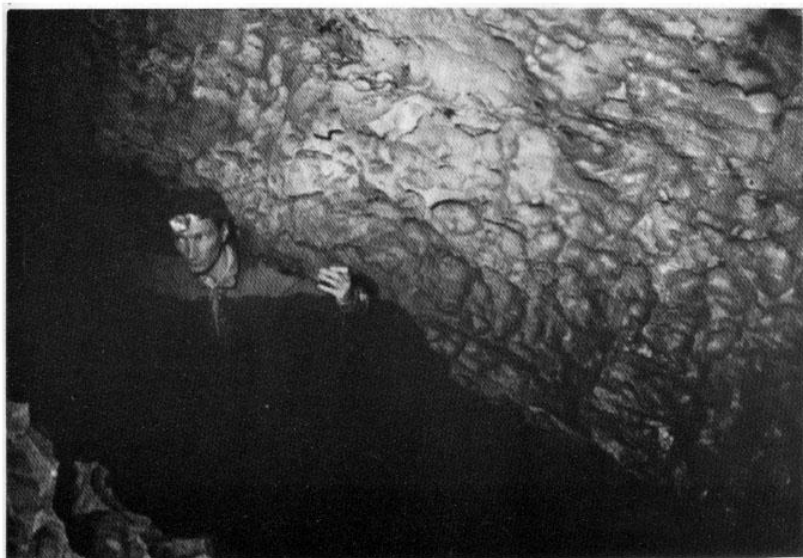
Спуск в Большой Каньон по сдвоенной веревке (*rappel*) привел нас к 4-метровому водопаду. Поток был абсурдно скудным — возможно, литров 30 в секунду — и мы взобрались на скалу, не промокнув. Вскоре мы были на самом верху. . .

Ну? Что дальше?

Но через пару метров нас ждало разочарование — путь перекрывал глубокий бассейн шириной метра 3, и потолок уходил в воду почти везде, кроме правой своей части. Оставалось только одно — лезть в бассейн на разведку.

Я натянул непромокаемый комбинезон. Плотнo прилегая к запястьям и лодыжкам, он позволял мне, оставаясь сухим, погрузиться в воду почти до шеи. Осторожно, я соскользнул в водоем с прозрачной водой. Пока все шло хорошо, потому что у меня была опора под ногами. Одежда облепила тело под давлением воды, но ее низкая температура (4°C) не ощущалась.

Мой налобный фонарь был включен, а батарейка надежно пристроена под беретом. Продвигаясь под низким сводом и пройдя поворот, я смог увидеть, что следовало дальше: в нескольких метрах впереди потолок опускался еще ниже, но нигде полностью не погружался в сифон. Глубина увеличивалась, теперь вода достигла плеч, и мне пришлось нащупывать опоры на дне.

**Фото 6. Я осторожно пробираюсь по затопленному ходу
с прозрачной водой**

Я прошел около 10-ти метров, прежде чем уровень потолка, как и дно водоема, не начали немного подниматься, и я поднажал. Еще 9 метров, и я вышел из воды, пройдя через «Рождественский бассейн» (*'Christmas Basin'*) без сучка и задоринки.

Я прокричал радостные вести жене и сообщил, что собираюсь пойти посмотреть, что дальше.

— Ты надолго?

— На час. Побереги свет, если сможешь, Бабёт (*Babette*).

— Так долго... Будь осторожнее.

Теперь на счету была каждая минута. Я находился в галерее более чем просторной: метра 2 в ширину и около 6-7 высотой, и в середине ее тек поток. Преодолев ряд неглубоких водоемов, через 90 с небольшим метров я подошел к развилке.

Вода приходила слева из узкой щели, в которую я протиснулся едва-едва. Однако через 27 метров меня остановила плита, напрочь перекрывшая всю ширину лаза. Пришлось вернуться и исследовать сухой ход вправо. Это было старое русло реки и гораздо более широкое: при паводках оно все еще должно было подтапливаться. Но после довольно легко проходимых 100 метров мой ход снизился к заполненному глиной бассейну с уходящим в него потолком.

На этом уровне я не мог найти никакого отверстия. Если вообще существовало хоть какое-то отверстие — оно должно было находиться где-то под потолком. В поисках тока воздуха надо было взобраться на одну из стен, но мой водонепроницаемый костюм не был предназначен для такого рода упражнений.

Как жаль, что нам надо возвращаться в Лион в тот же день!

И я пошел обратно к Рождественскому бассейну, по пути проводя топосъемку.

Вдруг прямо над головой на уровне свода я заметил окно и сразу же взобрался в него. Ход выглядел как древняя галерея, но куда же она приведет? Я двинулся вперед на четвереньках, к нарастающему шуму воды, и вышел чуть ниже по течению от уступа с 4-метровым водопадом — прямо в своде, более чем в 6-ти метрах над руслом потока.

Моя жена была изрядно взволнована, и тому были несколько необычных причин. Сначала она услышала необъяснимые скребущие звуки, легко различимые на фоне мерного гула водопада, и приписала их неизвестному обитателю пещеры. Она выключила свет (а вдруг это знаменитый пещерный медведь?) и через весьма длительное время увидела, как на своде ниже по течению от водопада появились неясные отблески. Она слышала, как кто-то зовет, но затаилась и не отвечала, так как не знала, кто или что может появиться. И наконец, она увидела, как я появляюсь в нескольких метрах над ее головой.

Разделяющая нас Водопадная стена (*Cascade Wall* — стена под окном, куда вышел Автор, включающая 4-метровый водопад, прим. К.Б.С.) была непроходима скальным лазанием, поэтому, чтобы вернуться к жене, мне пришлось снова преодолеть Рождественский бассейн.

Без особых трудностей мы вернулись к выходу, где нас ждала прекрасная звездная ночь. Спуск через лес, при ясном лунном свете, сияющем на снегу, был увлекательным приключением, но, увы, слишком коротким. В Перкюлё мы обнаружили, что наш «Ford» полностью покрыт ледяной коркой толщиной в полсантиметра.

Мы поужинали в Лес Абрэ (*Les Abrets*), и потом все, казалось, ополчилось против нас: густой туман накрыл равнину, и, уткнувшись носами в сильно замерзшее ветровое стекло, со скоростью менее 30-ти километров в час, мы завершили этот бой, достигнув Лиона в час, когда первые группы верующих, плотно закутанные от холода, торопились к полуденной ¹ мессе.

¹ ...midnight Mass - тут что-то не вяжется со временем, так как ехать им до Лиона только от Гренобля было больше 100 км, и с такой скоростью это заняло бы часов 5-6, то есть прибыли они, скорее, к утренней, а не к полуденной Мессе, о чем говорят и «первые группы», сомнения К.Б.С.

4. Подземная река

1940 год. Я потерял связь с большинством товарищей по исследованиям.

Путешествие представлялось безнадежно трудным, но в сентябре у меня были две свободные недели, и я должен был этим воспользоваться. Несколько писем, которыми мы обменялись с Фернó Петцлем, уточнили основы нашей задачи. Очевидно, что главной целью должна была стать работа в направлении истоков подземной реки. Кроме этого, если позволит уровень воды, мы хотели попытаться спуститься по Извилистой реке, главной активной системы Гляз, начинающейся на верхнем уровне.

Что касается Ги-Морт, мы собирались пройти «Рождественский бассейн» за Водопадной стеной, но мой водонепроницаемый комбинезон уже разваливался и начинал пропускать воду, а от восхождения на стену с водопадом следовало отказаться, так как 6,5 абсолютно отвесных ее метров представлялись непроходимыми скальным лазанием.

Это был повод задействовать мою старую схему шеста, который можно было бы разбирать на части. Мы с Бренó долго обдумывали ее и хотели сделать шест из легкого материала, но цены настораживали. Фернó предположил, что мы могли бы попробовать водопроводные трубы, и написал мне за несколько дней до отъезда:

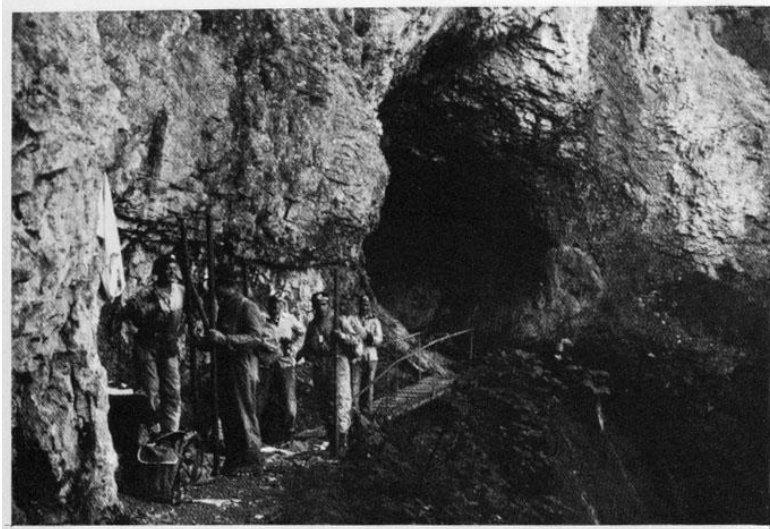
«Все хорошо. Мне удалось добыть 9 метров тянутой трубы. Механик делает для меня конусные соединения между звеньями. Все будет закончено как раз вовремя. Я буду свободен 1-го, 8-го и 15-го сентября. В крайнем случае я мог бы взять еще два дня в счет отпуска».

Как и раньше, мне надо было решать проблему доставки всего нашего снаряжения из Лиона в Перкюлё. Так как перед отъездом поиски компаньона в Лионе оказались напрасными, мне пришлось все доставлять самостоятельно. Несколько дней я очень волновался, опасаясь, что в качестве последнего ресурса мне придется ехать из Лиона на велосипеде с тяжелым прицепом на буксире.

Но в последний момент разрешение на выезд все-таки было получено, и снова «Форд» — этому разу суждено стать последним на следующие пять лет — доставил меня к приятной таверне Шалю-Наталь (*Chalut-Natal tavern*) и к месту наших работ.

1 сентября (1940) я поднялся к Ги-Морт. Условия были идеальными, потому что в течение некоторого времени не шел дождь, и объем воды настолько ослаб, что она нас совсем не беспокоила.

Почти сразу за мной прибыла группа из Гренобля, очень тяжело нагруженная увесистыми железными трубами штурмового шеста (*climbing pole*). Фернó оказался удачливее меня — ему удалось взять с собой своего брата Шарля (*Charles Petzl*), а также Андре Буржана (*Andre Bourgin*) с его братом, и Абри (*Abry*) — одного из их общих друзей.

**Фото 7. Прибытие группы с тяжелым грузом
(вход в Ги-Морт)**

У входа в пещеру мы впервые собрали шест. Фернó, предупрежденный слишком поздно, не успел испытать его перед отъездом. Секции труб, каждая длиной 1 метр, соединялись друг с другом с помощью переходных конусных втулок. Для испытаний мы собрали шест высотой 7 метров. Он встал великолепно, и мы были в восторге от перспективы ожидающего нас успеха. Собранный, шест был очень жестким, и мы просто влюбились в работу с ним.

Единственный утомительный аспект всего этого заключался в том, чтобы протащить 27 килограммов труб через 500 метров низких ходов, отделяющих нас от Большого Каньона. В сравнительно просторном лабиринте трудностей было не так уж и много, но за осыпным конусом началось настоящее испытание.

Вскоре мы изменили систему переноски — теперь каждый нес свою долю труб, и их было не так утомительно транспортировать, передавая по цепочке. Через каждые десять метров группа останавливалась: все лежали на спине в паре метров друг от друга, передавая по цепочке мешки с лестницами, веревками, личными вещами и звенья шеста. Затем мы с большим трудом преодолевали хаотичную кучу мешков, заби-

вавших проход, и снова вытягивались в цепочку. Десять, двадцать раз повторялся этот бесконечный маневр, пока, наконец, мы не добрались до Большого Каньона и не спустились, как это делают пожарные, съехав по шесту.

Далее мы довольно быстро добрались до Водопадной стены. К верхнему концу шеста прикрепили гибкую лестницу, а затем по очереди состыковали все звенья. Шест был жестким и устойчивым, и в мгновение ока Шарль оказался наверху.

Во время этих маневров я облачился в свой полу-гидрокостюм, чтобы выиграть немного времени на этапе, когда мы займемся транспортировкой снаряжения по реке. Так что пока остальные карабкались по скалам в обход, я радостно плескался в воде и помогал в сложных местах. Иногда мы использовали трубы как мостики, чтобы перебраться через неглубокие места.

Затем я отправился вперед на разведку в поисках пропавшего сквозняка и вскоре, после рискованного лазания, нашел его в потолке главной галереи, где ветерок ускользал в узком эллиптическом тоннеле. Я немедленно взобрался в него и двинулся вперед на четвереньках, быстро и без происшествий. В конце концов меня остановила наклонная расщелина, требующая лестницы.

Я вернулся к остальным, добравшимся уже до этой узости с мешками и трубами. Трубы мы решили оставить здесь, так как их транспортировка невыносимо замедлила бы наше передвижение. Все взобрались по стене ко мне в окно (не без нескольких серьезных камнепадов, поскольку скала оказалась сыпучей), а затем двинулись вдоль тоннеля. Далее мы спустились на 9 метров по нисходящему разлому, который остановил меня. Еще ниже разлом превращался в яму с непроходимым отверстием на дне, откуда был слышен шум бурного потока.

За ямой тоннель возобновился. Через 45 метров еще одна расщелина такой же протяженности снова повела нас вниз, и — появилась наша подземная река. Вниз по течению она исчезала под уходящим в воду сводом, но вверх путь был свободен.

Теперь я действительно был в настоящем русле реки. После резкого поворота на восток путь усложнился: здесь была длинная цепочка водяных котлов, постепенно становившихся все глубже. Многие из них удалось обойти, и тут меня остановило небольшое мрачное озеро. Его окружали черные скользкие скалы, вертикально уходящие в глубокую воду. Метрах в десяти впереди в него низвергался поток высокого и шумного водопада. Я был совершенно растерян, сомневаясь, поможет ли тут даже лодка, поэтому возвратился к друзьям, изрядно огорченный неудачей.

Вдруг раздался восторженный возглас — в поисках обхода ручья один из нас взобрался лазанием на несколько метров над нашими головами и увидел очень просторную верхнюю галерею. Мы сейчас же присоединились к нему и вскоре остановились перед спуском в новую полость (в следующем году она получит название Бивуачная Галерея — *Bivouac Gallery*).

Радостно взволнованные новой возможностью, вдруг сменившей тяжелое предчувствие неудачи, мы с Фернó рвались навстречу неизвестному. Но другие парни, не так сильно укушенные вирусом Гляз и усталые после пяти часов трудных исследований, мыслили более здраво.

После перекуса они позволили нам исчезнуть, и с нами отправился только Шарль Петцль. Оставив все снаряжение, мы могли двигаться быстрее.

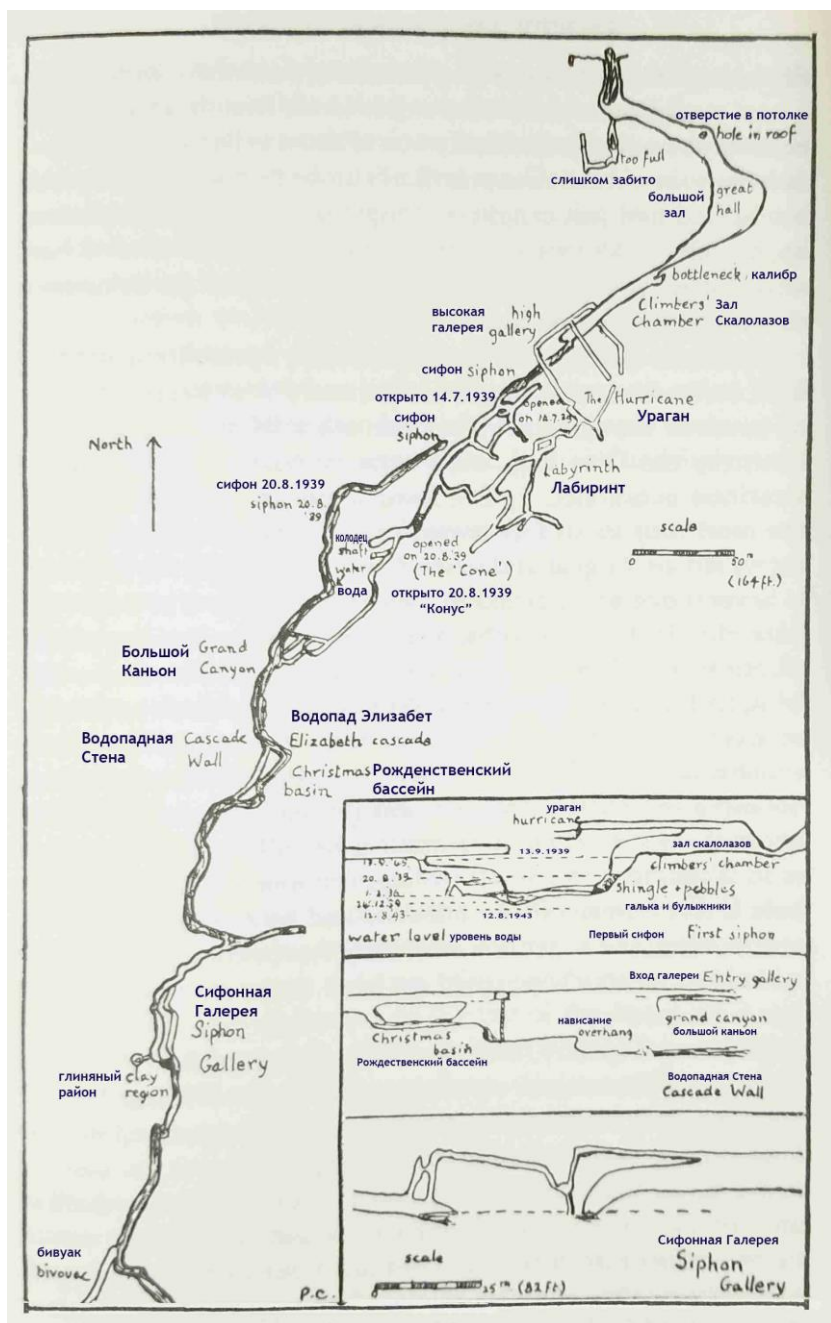
Перед нами открылись несколько ходов, и два самых крупных из них поглотили сквозняк. Сначала мы выбрали более легкую эллиптическую трубу, по которой могли передвигаться только согнувшись в три погибели или в полу-приседе.

Мы миновали два колодца, узкую скальную расселину, и оказались в районе очень красивых форм. Это были округлые углубления в русле — «пот-холс» (*pot-holes*, «мармиты»), диаметром от 30-ти до 50-ти сантиметров. Они остались от все еще видимых под водой округлых гладких камней, вывернутых из русла завихрениями потока при периодических паводках.

Через 247 метров эта Мармитовая Галерея (*Pot-hole Gallery*) внезапно обрывалась серьезным сбросом: вода шумела в 15-ти метрах под нами, но у нас не было лестниц, чтобы спуститься к руслу реки. Поэтому мы повернули назад.

Вторая галерея, сначала пропущенная в пользу Мармитовой, была совсем другой и, конечно, намного сложнее. Узкая и высокая, с уходящими куда-то вверх стенами, она тесно сходилась внизу, так что нам пришлось пробираться в средней ее части: опираясь ногами в противоположные стены.

Когда мы подошли к еще более узкой расщелине, Шарль сказал, что с него достаточно и на этом все. Поэтому мы оставили его там и продолжили разведку, но уже через четверть часа повернули назад. Путь вперед оставался по-прежнему бескомпромиссно суров. Эту расщелину, в целом гораздо более узкую, чем предыдущая, на данный момент надо было оставить на потом — а целью ближайшей атаки должна была стать Мармитовая Галерея.

Карта 5. Подземный Ги-Морт

Взгляд на часы показал, что прошло три часа с тех пор, как мы оставили наших друзей в Бивуачной галерее, и все это время мы не отдыхали ни минуты. Было уже семь вечера, следующим утром остальным надо было на работу, а они всё еще оставались далеко от дома.

Предстояло выбраться из пещеры, вернуться через перевал Айес, спуститься в Сонт-Понкрáс (*Saint-Pancrasse*) — и почти наступила ночь, когда все это было сделано.

Да, в этот день мы не смогли продвинуться дальше. Но так или иначе, баланс был более чем хорош — 896 метров новых ходов и залов, и мы на 402 метра приблизились к Гляз.

Мы договорились встретиться в следующее воскресенье, чтобы продолжить восхождения в направлении Ги-Морт. Однако, если сухая погода продержится еще неделю, имело смысл воспользоваться исключительными условиями и спуститься по Извилистой Реке Гляз.

Всю эту неделю мне пришлось посвятить решению некоторых второстепенных проблем в Перкюлё и подготовке к будущим экспедициям. И вся моя программа прошла без сучка и задоринки.

3-го сентября (1940) я доставил штурмовой шест в Душевой Зал (*Showerbath Chamber*), по ходу показывая галереи Гляз интересующемуся туристу. На обратном пути я заглянул в дальний конец первого яруса, чтобы оценить возможность штурма различных приходящих сверху колодцев. Затем я прошел уже известные нам 145 метров Извилистой реки и покрасил воду флуоресцеином. Перебравшись на распорах над последним колодцем, я обнаружил полезную трещину: забив в нее крюк, мы могли навесить лестницу так, чтобы спуститься, не попадая под водопад.

Когда первая часть программы была выполнена, я вернулся к Фонарному колодцу. После недолгой расчистки тесной щели от щебня мне удалось добраться до конца Медвежьей галереи (*Bear Gallery*), которую мы обнаружили в 1939 году, раскопав завал в Северной Галерее (см. стр.45, прим. К.Б.С.). Но это потребовало от меня мучительной схватки с примерно 20-тиметровым лазом.

Оказалось, что он совершал полный виток, соединившись с ниже расположенным вторым ярусом, минуя Фонарный колодец, правда, ценой почти бесконечного обходного пути.¹

¹ Тут какая-то ошибка в расстоянии или в изложении, так как 20-метровый (65 футов), лаз не может по спирали, совершив почти полный виток, выйти на дно Фонарного колодца, состоящего из 3-х вертикальных сбросов $P.L.1 = 12$ м, $P.L.2 = 16$ м, $P.L.3 = 9$ м, в сумме под 40 метров по вертикали. Или это только мучительный лаз был 20 метров, а потом пошло шире и «почти бесконечно»? Прим. К.Б.С.

Важным значением этого было то, что в чрезвычайной ситуации у нас теперь была возможность покинуть нижний ярус Гляз, не используя лестницы.

Два дня спустя я в одиночку совершил еще одну экспедицию. Замысел состоял в том, чтобы отправить в плавание по разным ветвям в Гляз водотокам несколько клочков бумаги, каждый своего цвета. Если мы найдем какой-нибудь из этих клочков бумаги, когда снова будем работать в Ги-Морт, то поймем, каким водотоком его принесло и, следовательно, по какому колодцу мы должны спуститься, чтобы достичь соединения.

У меня была возможность уделить внимание второму, нижнему, ярусу, который мы обычно просто пробегали, и я ей воспользовался. Тщательно его осмотрев, я был приятно удивлен, обнаружив вход в ответвление, которое мы до сих пор пропускали.

Но что это был за ход!

Прежде чем войти, мне пришлось заклинить, зафиксировав от падения, пару блоков, но оказавшись внутри, я смог продвигаться, стоя во весь рост, правда, недолго. Через несколько метров дно внезапно сузилось, и дальше мне пришлось бы перемещаться на распорах, в горизонтальном положении, головой ниже ног (*спускаться под уклон, надо понимать, прим. К.Б.С.*), при этом держась в верхней части трещины. Самым важным было не сползти в нижнюю часть щели, где я легко мог непорочно застрять. Это представлялось изнурительным занятием. 18 метров с вертикальным перепадом в 3 или около того, стали бы для меня настоящим испытанием, и я очень тщательно обдумал ситуацию, прежде чем решиться на что-то.

Я знал, что смогу спуститься, хотя опоры были немногочисленны и далеки одна от другой, но подъем назад мог оказаться головоломной задачей. В конечном счете благоразумие возобладало, потому что, если я здесь застряну, никто не придет, чтобы меня вытащить.

Во-первых, Петцль приедет лишь через три дня, а только он может привести группу спасателей в Гляз.

Во-вторых, мы проскакивали мимо этого хода десятки раз, не подозревая о его существовании, так кто же додумается искать меня в нем? И наконец, даже если кто-то и окажется у входа сюда, был шанс, что они не услышат мои крики.

Но мне было жаль выходить из этого района, ведь, несмотря на трудности, я надеялся, что нашел что-то стоящее. Я чувствовал, что по этой зловещей щели тянуло воздухом вглубь, то есть, к Ги-Морт, и кроме того - редкое явление в Гляз: ходы были сухими!

Для меня и Фернó 8 сентября ¹ (1940) станет одним из самых запоминающихся дней в Гляз.

Каждый из нас ожидал, что другой появится с одним или двумя приятелями, но в итоге встретились только мы с ним. Двое моих новобранцев в последний момент дали слабину, а Петцль не смог уговорить поехать брата. Таким образом, нам вдвоем без посторонней помощи предстояло атаковать самый неприступный из водных путей Гляз — Извилистую Реку.

Снаряжение, которое нам предстояло нести к месту работ, общим весом около 32 килограммов, включало восемь лестниц, 82 метра веревки, водонепроницаемые костюмы, освещение, геодезическое оборудование и еду.

Какой вариант подходов выбрать? Сначала прямая входная галерея Гляз. Затем довольно простой участок между Фонарным Колодцем и Душевым Залом. Но идти по нему в рост, лишь немного нагнувшись, чтобы не биться о потолок, было невозможно. Его низкие ходы вынуждали нас передвигаться в приседе, что с тяжелым грузом становилось почти непосильным. И как будто для того, чтобы полностью измотать нас еще до начала настоящих трудностей, далее шли меандры Извилистой Реки, где вода часто достигает колена, а между стенами и потолком приходится болезненно протискиваться.

Как и раньше мы сняли носки и брели по воде только в ботинках. Сначала мы были довольно осторожны со снаряжением, боясь, что, намокнув, мешки станут еще тяжелее. Но со временем тащили их по воде не реже, чем посуху, за исключением веревок — их мы были полны решимости сохранить сухими (*веревки-то были еще пеньковые, а они жутко тяжелеют, намокнув, прим. К.Б.С.*).

Наконец мы добрались до спуска в первый колодец. Скальный крюк, навешенная на него лестница, крюк с кольцом для сдвоенной 50-метровой веревки, по которой мы и спустились, чтобы сделать это быстрее и не слишком вымокнуть при спуске.

И вот я на дне «Крючьего колодца» (*'Spike Shaft'*). Спустив мешки, Фернó последовал за ними, но, когда мы попытались сдернуть веревку, ничего не получилось. Ну, ладно, с этим ничего не поделаешь, и, по совести, нам и без нее хватало груза. Поэтому, мы не очень расстроились из-за этой неудачи.

Опять меандры, еще колодец (около 15-ти метров, на этот раз орошаемый капелью), еще более извилистые ходы, короткий спуск в котел полный воды, выбившей его в месте падения, затем узость, через которую пришлось ползти большей частью по воде, толкая мешки перед собой — и еще один чистый отвес.

В отличие от трудоемкого кошачьего лаза на подходе к нему, колодец был достаточно просторным, но таил в себе немало сюрпризов из-за мощной струи воды, нижнюю часть которой закон Ньютона неумолимо приносил к лестнице. В 9-ти метрах ниже, струя выплескивалась водопадом, но длинный траверс позволил нам уйти из-под него, и наш спуск продолжался все вниз и вниз по широкому разлому, уступами, из одного отвеса в другой.

А затем пришло наше горе!

После этого блестящего спуска, совершенного частично лазанием,

частично с помощью лестниц, когда мы набрали 76 метров глубины, нас наконец остановило маленькое узкое горлышко, через которое могла пройти только река.

Полчаса Фернó старался расширить отверстие ударами молотка. Он работал в невероятном положении, вниз головой, обильно поливаемый водопадом, второй рукой держась за лестницу, которой я, находясь выше, мог поддерживать его и страховать.

Но когда он, наконец, смог пройти в отверстие, то после короткого спуска под водопадом обнаружил еще более труднопреодолимое бутылочное горлышко.

Рис.2. Фернó отчаянно старается расширить проход под водопадом, на глубине 170 метров под землей, 8.9.1940

Семь часов спустя мы покинули Гляз, абсолютно без сил.

Разразилась ужасная буря, и начался сильный дождь. Мы правильно сделали, что решили в полной мере использовать последние засушливые дни. Потому что поливавшие нас сегодня небольшие кроткие водопады завтра сменят водяные смерчи, сделав и без того суровый маршрут почти или совсем непроходимым.

5. Волнующие события пятницы тринадцатого

Когда мы прощались в воскресенье, Ферно добавил, что надеется к следующей пятнице вернуться, но все начало недели шло безжалостные непрерывные дожди. Я начал очень беспокоиться о состоянии Ги-Морт — наверняка она уже полностью во власти паводка, и я задавался вопросом, превратился ли «Рождественский бассейн» в сифон, отрезая нам путь к истокам.

Как и в предыдущее воскресенье, желающих идти с нами не нашлось, а требовалось не менее двух помощников, чтобы протаскать трубы через лабиринт. Нам пришлось отказаться от шеста и довериться эффективности моего гидрокостюма. Но сколько бы заплаток я ни наклеивал, костюм почти везде пропускал воду с отвратительной быстротой.

В пятницу, 13 сентября (1940), мы с Ферно одновременно прибыли к пещере Ги-Морт. Ферно приехал из Сонт-Исмьер (*Saint-Ismier*) через перевал Айес: мы были очень довольны пунктуальностью друг друга, и я как-то не решался поделиться с ним беспокойством по поводу Рождественского сифона (*Christmas siphon*) — лучше просто сходить и посмотреть, сможем ли мы пройти.

Не углубившись внутрь и на сотню метров, мы получили первое предупреждение о неприятностях. В коридоре с низким потолком, соединяющем Большой Зал (*great chamber* — на схеме *great hall*, см. *Карту 5* на стр.75, прим. К.Б.С.) с Залом Скалолазов (раньше в тексте было *Climber's Chamber*, а теперь *Escalade Chamber*, прим. К.Б.С.), было 15 сантиметров воды — уже достаточно, чтобы промокнуть.

Взгляд в сторону ведущего к сифону известного осыпного конуса в дальнем конце зала сказал нам все, что следовало знать — не было никаких признаков конуса, тоннеля или приходящего сверху колодца: ничего, кроме озера мутной воды, и его уровень стоял примерно в метре над полом зала.

Это означало, что общий уровень подъема воды и затопления около 10-ти метров!

Мы мгновенно представили все последствия.

Было очевидно, что не только Рождественский бассейн, но и все более низкие места, в которых мы обычно видели глинистые отложения, сегодня будут полностью под водой. Мы в замешательстве смотрели друг на друга, но наш энтузиазм был слишком силен, чтобы мы долго колебались. В любом случае, скоро все выяснится. Главным было понять, сможем ли мы пройти.

Как только мы минуем Бивуачную Галерею, больше не будет риска, что подъем воды ограничит нас в направлениях.

Кроме того, какая прекрасная возможность наблюдать за подземным потоком при полном подъеме воды, даже если нам придется сегодня остановиться слишком рано!

Теперь Большой Каньон. Грозный рев водопада мы услышали задолго до того, как добрались до него, а когда подошли к краю разлома, несколько камней, брошенные вниз, отозвались угрюмым «вздохом» ('*plop*') из глубины. Значит, мы не сможем пройти по нашим обычным местам — минимум 2 метра воды покрывает их.

К счастью, траверсом над руслом шла сухая полка, и мы смогли на несколько метров продвинуться по ней. В самой дальней точке мы забили скальный крюк, прикрепили лестницу длиной 9 метров, быстро по ней спустились, а затем маленьким ходком обошли поток верхом. Дело было сделано — первое препятствие осталось за нами.

Наконец мы были у водопада (*4-метрового водопада под Водопадной стеной, прим. К.Б.С.*). Напор воды был ужасающим, и именно под этой струей мне пришлось искать зацепки и опоры для лазания при подъеме. До сих пор все шло хорошо, непромокаемый комбинезон выдерживал и выручал меня прекрасно.

Уровень воды над водопадом был выше, чем обычно, но, благодаря ширине водослива, всего сантиметров на 20. Этих 20-ти сантиметров было недостаточно для того, чтобы свод над Рождественским бассейном полностью ушел под воду, но теперь я был совершенно уверен, что из этого предприятия мне сухим не выйти. В прошлом году я уже был близок, но теперь предстояло погрузиться в воду по самую шею.

Борясь с течением, я почувствовал, как вода струится по ногам, и пошел быстрее. Внезапно провод ('*lead*') моего электрического налобника зацепился за выступ на потолке. Инстинктивно я присел, чтобы освободиться, и хорошо хлебнул. Тут же за воротник комбинезона хлынула вода и я мгновенно промок насквозь. Задохнувшись от холода, я, наконец, выбрался из потока и совершил круговое путешествие к окну над Водопадной стеной, чтобы сообщить Петцлю об успехе — правда, весьма относительном. Но напрасно я кричал и надрывался — адский шум падающей воды заглушал мой голос, и ему пришлось не понимать, а угадывать детали происходящего.

Я втащил вверх лестницу, забил скальный крюк, чтобы ее закрепить, и Фернó поднялся, присоединившись ко мне. Я сильно дрожал, и мне было очень трудно хоть немного согреться, пока мы не поползли по Сифонной галерее (*Siphon Gallery*). Только тогда, испуская огромное облако пара, я почувствовал себя немного лучше в тех неприятных областях, где одежда соприкасалась с телом.

Теперь мы были перед последним препятствием: над сифоном, который предшествовал Бивуачной Галерее. Здесь сбрасываемые вниз камни тоже падали в глубокую воду, так что мы не могли идти по тому же маршруту, что две недели назад.

Но чуть ниже нас в стене оказалась щель, открывающая доступ к новой расщелине. По ней мы прошли вверх по течению еще несколько метров. Теперь, когда проверяющие глубину камни достигали воды, возвращавшийся к нам звук обнадеживал — это был уже не гулкий удар о глубокую воду, сопровождаемый продолжительным эхом, а слабый плеск с легкой звуковой реверберацией. Поэтому мы посчитали своевременным отважиться на спуск.

Скальный крюк . . . лестница . . . мы были на месте.

Мы преодолели все известные нам препятствия.

После хорошей остановки на обед на входе в Бивуачную Галерею, мы пошли в Мармитовую, по пути то и дело теряясь в лабиринте сложных ходов, совершенно нам незнакомых. Незадолго до 2-х часов дня мы добрались до места, достигнутого в прошлый раз.

Мы шли довольно быстро, так как были всего вдвоем и у нас было мало снаряжения.

Мы навесили лестницу, чтобы спуститься к реке, но, едва начав спуск, я вернулся наверх и сообщил Фернó, что этот вариант не годится. Путь вверх по реке был отрезан водопадом, ниспадающим с почти 5-метровой гладкой стены, и нужно было найти какой-то обход — выполняемая, но не слишком простая задача, так как от проходившей некогда над современным водотоком первоначальной галереи остались только полочки по обеим стенам, нависающие над пустотой. Проход над этими полками был всего с полметра шириной, и свод выглядел угрожающе низким, оставляя очень мало места. Кроме того, края полок-карнизов были украшены великолепной порослью кальцитовых столбиков-сталагмитов. Нам впервые встретились в этой системе такие образования, слишком активные, чтобы достаточно окаменеть, и нам пришлось положить довольно большое их количество, чтобы расчистить себе проход.

По этому Сталактитовому Траверсу (*Stalactite Traverse*) мы продвинулись метров на 90, и когда он закончился, вернулись в каньон, спустившись вертикально с помощью последней 15-метровой лестницы.

Теперь мы шли вверх по широкому руслу реки, меж отполированных эрозией стен. Один котел сменялся другим, не менее глубоким, но почти над всеми удавалось легко пройти на распорах. Через некоторое время мы вышли к месту, где поток появлялся из приходящего низом канала, совершенно непроходимого. Дальше стало сухо, и это было очень кстати, потому что теперь нам то и дело встречались уступы в несколько метров высотой, проходимые лазанием, и было бы намного сложнее, если б с них лились водопады.

Мы мчались, как из горящего дома. И вдруг со всего хода уткнулись в новое препятствие: бесхитростный маленький котел, шириной около 3 метров, с гладкими вертикальными стенками. Его дно едва просматривалось, несмотря на прозрачность воды глубиной не менее 2-х метров.

И как нам пересечь этот очаровательный бассейн? (В дальнейшем, «Плавательный бассейн» — ‘swimming-pool’, см. стр.73, прим. К.Б.С.). Разве что перепрыгнуть или пуститься вплавь?

Непростым лазанием удалось подняться метров на 5, но и там стены оставались такими же гладкими, как везде, и перебраться на другую сторону не представлялось возможным. Мы надеялись обнаружить траверс под самым сводом, но все попытки добраться до него ни к чему не привели. Время шло, а мы все топтались на том же месте.

Пенек сталагмита над нами, похоже, мог выдержать наш последний кусок веревки, чтобы помочь нам вернуться. Нагрузив закрепленную таким образом веревку, я навис над бассейном, и после пары неудачных попыток таки вогнал, хоть и не глубоко, скальный крюк в узкую трещину ниже и на полпути по стене. Вставив ногу в привязанное к кольцу крюка стремя, я осторожно перенес на него свой вес. Чудесным образом, крюк выдержал. Пара неприятных моментов при смене ноги, и широкий прыжок с этой единственной опоры перенес меня на дальний край котла.

Рис.3. Пересечение водоема на пути

Победа была за нами — Ферно перебрался следом. Он собирался оставить стремя на месте, но передумал — крюк мог очень пригодиться нам в дальнейшем. Легким рывком за стремя он выдернул его из трещины.

Мы тщательно закрепили конец веревки в доступном месте и пошли дальше. Начинало казаться, будто Ги-Морт вообще отказывалась от всякого сопротивления. Русло реки, совершенно сухое, шириной до 3-х

и высотой от 4,5 до 9-ти метров, позволяло продвигаться легко. Поскольку уклон стал немного круче, мы быстро набирали высоту. Одну или две небольшие лужи удалось перепрыгнуть без особых проблем. После «Плавательного бассейна» мы прошли уже 200 метров, двигаясь все время прямо на юг, и теперь, конечно, не могли быть очень далеко от зоны разломов с приуроченными к ним большими колодцами Гляз.

Резкий поворот на восток, и галерея сразу приобрела совершенно иной вид. Мы прошли колодец, который открывался вниз справа — его стены были покрыты толстым слоем глины и частично скрывались под водой. Затем мы снова вышли к потоку, однако тут его расход был значительно меньше.

Вскоре мы вышли на развилок. В одну сторону — длинная сухая расщелина, высокая и узкая, без сквозняка, через 100 с лишним метров заканчивалась непроходимо восходящими трещинами. В другую сторону уходил поток, с адским шумом бурля под низким сводом меж тесно обрамляющих его стен.

Мы пошли этим негостеприимным путем, сначала вброд, но по мере того, как вода становилась глубже, нам все чаще приходилось «ползти на распорах», упираясь согнутыми спинами в потолок, а ногами и руками в противоположные стены. Это продолжалось около 30 метров.

Затем был длинный легкий переход по-над руслом реки, все еще идущим на восток. По всему мы должны были продвигаться параллельно главной галерее второго (нижнего) яруса Гляз, принимающей один за другим притоки из больших колодцев.

В итоге мы дошли до конца — дна обводненного колодца, по которому мы тщетно пытались подняться. Огромные плиты отслаивались под нашими руками с его осыпающихся стен, и даже на первых скудных метрах нам встретились все возможные проблемы скального лазания. За дном этого колодца вверх по реке не было ничего, кроме узкой трубы, потолок которой в 40-ка метрах далее смыкался с водой.

Для нас это был конец Ги-Морт.

Результаты этого значительного продвижения были очень важны.

Между колодцами Гляз и истоками главной реки Ги-Морт теперь оставалось едва 100 метров по горизонтали и чуть больше по вертикали, если считать от дна Р.60 или дна Колодца Лябүра. К сожалению, большинство потоков, приходящих из Гляз, соединялись с основным течением Ги-Морт через сифоны, поэтому было невозможно узнать, какой из них приходит именно по этому колодцу (*под который они вышли,*

надо полагать, прим. К.Б.С.). Мы не нашли ни одной из цветных бумажек, отправленных мной по воде из Гляз, так что каким маршрутом мы попадем сверху сюда, в значительной мере будет зависеть от случайности.

Но перспектива сравнительно короткого предстоящего пути обнадеживала, и мы с нетерпением и надеждой ожидали следующего штурма водопадов Гляз.

Сегодня нам больше ничего было делать, кроме возвращения к выходу и составления обзорной карты вновь найденных галерей. И окрыленные тем, что удалось достичь, несмотря на неблагоприятные условия, мы беззаботно повернули домой вдоль русла реки.

Наши топографические работы были сведены к минимуму — Ферно шел вперед, пока я не давал ему сигнал остановиться, затем поворачивался, чтобы я мог прицелиться компасом на свет его фонаря. Я заносил в записную книжку азимут с точностью до тысячных и угол уклона галереи, после чего подходил, считая шаги.

В меандрах не всегда было так просто. Например, в качестве единицы измерения использовалась общая длина тела с вытянутыми над головой руками. А в «лисыих норах» (*'kennels'*), где приходилось ползти, единицей служил «локоть» (длина предплечья — *'cubit'*) или опять же длина вытянутого тела. (Свои сомнения по поводу таких измерений я изложил в Послесловии, см. стр. 216, прим. К.Б.С.)

После каждого измерения я записывал соответствующие значения в метрах и добавлял несколько примечаний относительно ширины и высоты галерей и других необходимых деталей. Тем временем Ферно занимал следующую позицию впереди меня.

Долгая практика помогала мне достигать достаточной точности в измерении расстояний, и я уже несколько раз «закрывал съемку» — сводя кольца с невязкой всего в 5 и даже менее процентов.

За этим занятием мы добрались до «Плавательного бассейна». Ферно взялся за веревку, по-прежнему привязанную к сталагмиту над противоположным берегом.

Я приподнял его как можно выше над водой, он ушел маятником и после быстрой и жесткой посадки оказался на дальнем берегу, цел и невредим.

— Так же просто, как упасть с бревна,¹ — сказал он мне.
Я промолчал.

¹ *'Easy as falling off a log'* — одно из иносказательных выражений, описывающее работу, которая не требует больших усилий. Каждый, кто когда-нибудь пытался пройти по стволу упавшего дерева, понимает, что с бревна легче упасть, чем устоять и остаться на нем, прим. К.Б.С.

- По правде говоря, — сказал он, — вообще никакого риска.
- Не думаю, что веревка меня удержит так, чтобы повторить этот трюк.
- Почему нет? Меня же она удержала.
- Но мне придется начинать дальше, ниже, и я тяжелее. Я окажусь в воде.
- Держи веревку как можно выше.
- Так?
- Да. Давай так.

И я пошел, врезался в берег и сорвался.

Ну, это должно было случиться — и это произошло.

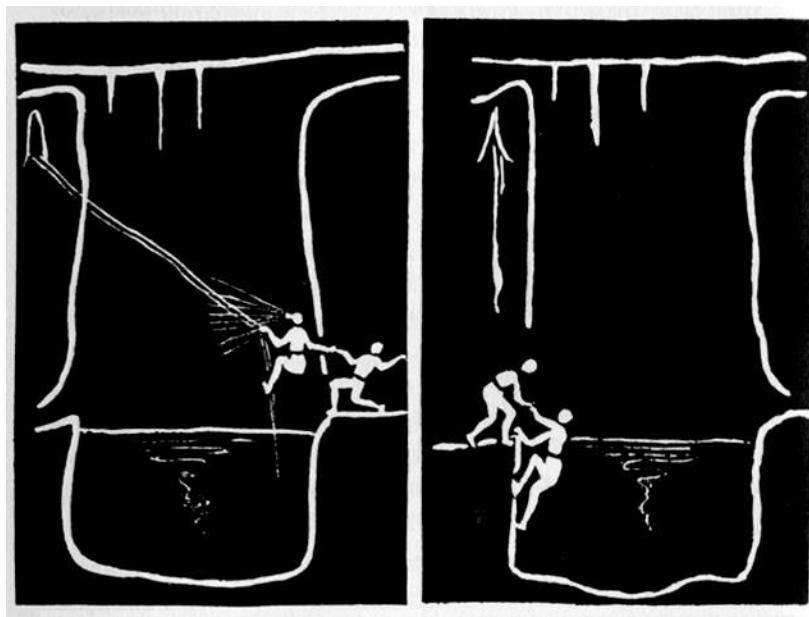

Рис.4. (слева) Возвращение через «бассейн».

Фернó отправляется

Рис.5. (справа) Это должно было случиться

— и это произошло!

К тому же едва я коснулся другого берега, как «страховочная» веревка ('safety' rope), слишком слабая и полу-гнилая от долгой службы под землей, вдруг оборвалась, обе части сразу (она была сдвоенная, надо понимать и перекинута за тот сталактит, см. стр.72, прим. К.Б.С.), и, рухнув навзничь, я камнем ушел под воду. Мой спич захлебнулся в самом прямом смысле, перейдя в хлюпанье и бульканье.

Увидев под водой свет моего налобника, Фернó выловил меня за провод, и я вынырнул. Естественно, увидев мою мрачную физиономию, он не удержался от смеха, и какое-то время мы оба изнемогали от безудержного хохота, так что я никак не мог собраться с силами и выбраться из воды.

Наконец я был на суше и сразу же разделся догола. Мы принялись за работу, стараясь выжать как можно больше воды из моих одежек, а затем — бррр! — я должен был снова одеться и продолжить съемку до самого Сталактитового Траверса, где я остановился со съемкой 1 сентября (1940).

Какая это была ужасная и нудная работа! Страницы блокнота склеились от грязи, намокли, и некоторые из этих корявых надписей причинили мне потом массу хлопот при попытках их расшифровать.

Но — *'topo' for ever*: «Топо — бессмертно!» — все новые открытия должны быть привязаны к тому, что мы уже знали о системе.

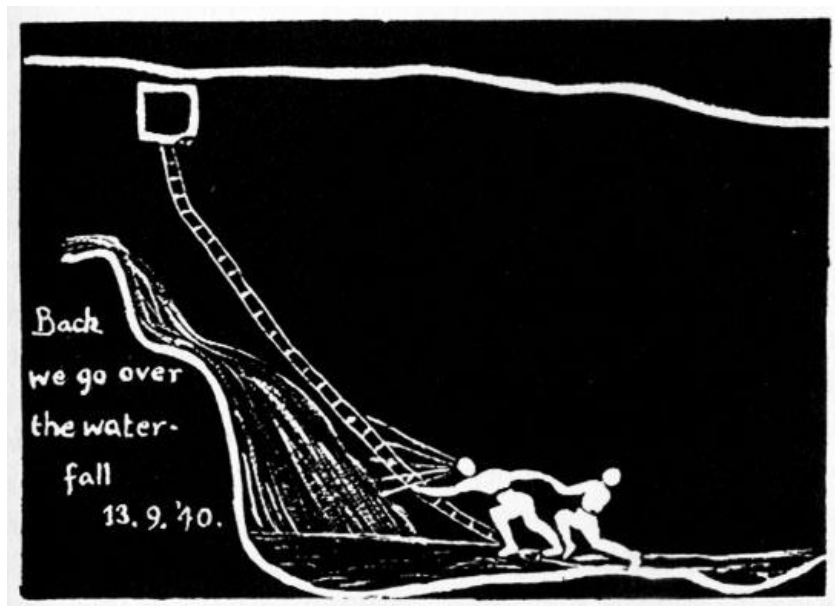
Пройдя Сталактитовый Траверс, мы промчались через Мармитовую и Бивуачную галереи. От меня валило такое облако пара, что Фернó плохо видел окружающее, и ему пришлось идти впереди. Постепенно я малость разогрелся, но об исследовании вторичных ходов речи больше не шло — работа заняла бы часы, а я спешил переодеться в сухое.

Наконец мы достигли Водопадной Стены. Навешенную здесь лестницу предстояло оставить на стене до будущего года. Ее нижний конец, обильно поливаемый потоком, тонул в котле у основания стены. Надеясь помочь Фернó не промокнуть, я пошел первым, и когда пришла его очередь спускаться, натянул лестницу под углом 45°, отводя ее от линии падения воды.

Спустившись до конца, Фернó одной ногой встал на землю, но все еще висел над водой и никак не мог выпрямиться. Вцепившись в него одной рукой, я попытался синхронизировать наши усилия, и с этим надо было поторапливаться, так как мы не могли так балансировать вечно.¹

Рванув изо всех сил, я наконец оторвал его от лестницы, но, видимо, в тот момент он и сам, поднатужившись, рванулся. Результат получился поистине ошеломительным: я рухнул назад в реку, а он «выстрелил» над моей головой и по пологой кривой плюхнулся в следующую лужу.

¹ В английском переводе использована идиома: «игра простофиль» — *«it was a mug's game»*, *mug's game* — *an activity that will not make you happy or successful*, некая деятельность, которая не может закончиться успешно, прим. К.Б.С.

**Рис.6. Мы возвращаемся с Водопадной стены:
Фернó тщетно пытается выпрямиться.**

Это стало последним испытанием в тот день, и через два часа мы вышли на поверхность. Была полночь, лило, как из ведра ¹, но дождь казался теплым и благостным. Мы с острым нетерпением предвкушали столь желанное доброе горячее питье, ожидающее нас в Перкюлё.

Мы с острым нетерпением предвкушали ожидающие нас в Перкюлё добрые горячительные напитки, столь сейчас желанные.

Само собой разумеется, что в результате этого приключения мы не подцепили и тени простуды. Однако, несколько приступов ревматизма следующей зимой напомнили мне о трех холодных ваннах, которые я принял в ту пятницу, 13-го.

¹ В английском переводе использовано смачное: *raining cats and dogs* — что-то типа: дождь кошек и собак, дождь кошачий и собачий... прим. К.Б.С.

На следующий день Ги-Морт был во власти паводка. Всю ночь лил дождь *(и, судя по всему, весь день 14-го и следующую ночь, прим. К.Б.С.)*, и когда мы встали 15-го сентября (1940), он все еще шел. Река вышла из берегов, и ее мутные воды крушили все, что лежало на их пути.

Несмотря на ужасную погоду, мной завладело сильное искушение взглянуть на источник Ги-Морт в сезон сильных паводков. Потребовался час, чтобы добраться, и у меня перехватило дыхание от великолепного зрелища стремительного потока, мощно изливающегося из пещеры.

Было трудно, но я все же пробился на некоторое расстояние от входа. Вода приходила по главной галерее во всю, до последнего сантиметра, ее ширину и глубиной более полуметра. Многие сотни метров галерей выше по течению должны быть сейчас затоплены. Мы сможем уточнить это позже, когда получится проверить в лабиринте наши ориентиры относительно уровней воды.

Отложи мы экспедицию всего на день, и вполне могли оказаться на нескольких дней в ловушке, как крысы. Это в лучшем случае.

А в худшем...

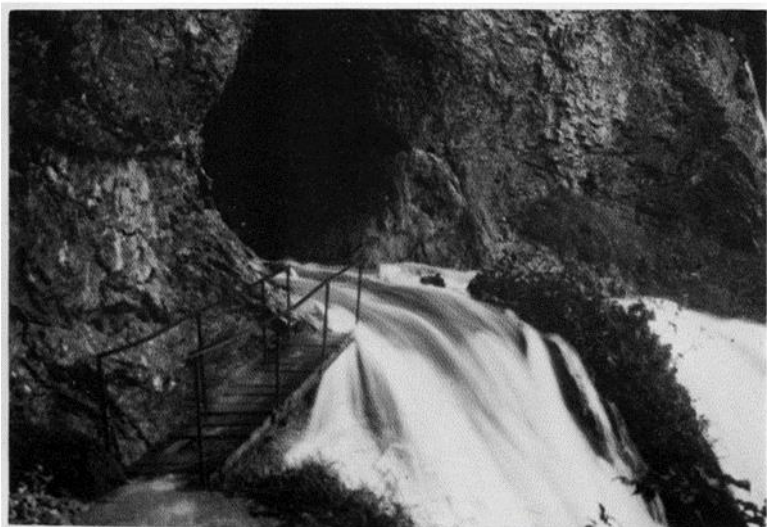

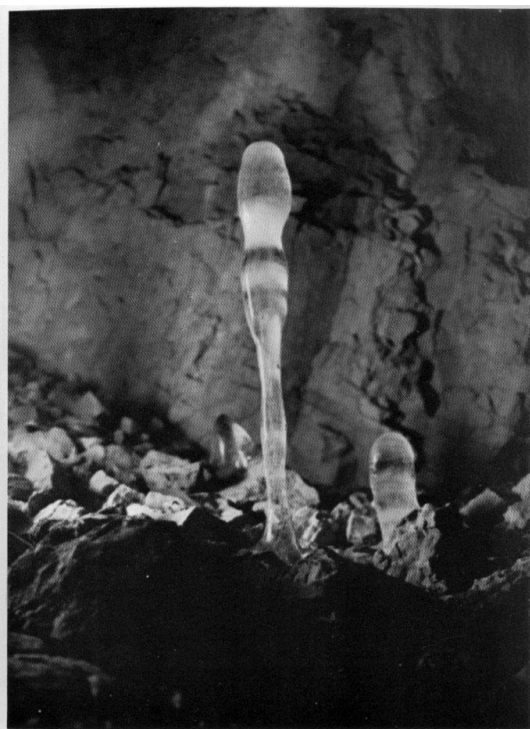
Фото.8. Поток, вытекающий из Ги-Морт при паводке

6. Соединение: Гляз и Ги-Морт

На неделе после Троицына дня 1941 года (*Whitsuntide* — 1-2 июня, прим. К.Б.С.) мы снова отправились в Гляз с целью выяснить как можно больше об узком ходе, который я нашел прошлым летом на втором (нижнем) ярусе (см. стр. 65, прим. К.Б.С.). На этой стадии войны машин не было, и все вещи пришлось везти сначала на поезде из Лиона в Гренобль, а затем на велосипедах до фуникулера Моунфар-Сонт-Илер-дю-Тувет (*Montfort-Saint-Hilaire-du-Touvet*), который доставил нас на плато Петі-Рошэ (*Petites-Roches plateau*), а затем снова на велосипедах из Сонт-Илер (*Saint-Hilaire*) в Сонт-Понкрас.

На следующий день гора была покрыта глубоким снегом и доставила нам много хлопот, так что добирались мы до Гляз вплоть до часу дня.

Наш путь был усеян ледяными сталагмитами. Фонарный колодец

серьезно обледенел, и лед большими пластами срывался вниз при малейшем прикосновении. Несмотря на эту дополнительную опасность, мы спустились на второй ярус без происшествий и вскоре подошли ко входу в новую систему.

Мы с Ферно вошли в трубу — впереди с разведкой, Гийма́, Левёль (*Level*), Кершёр (*Karcher*) и Грубелье́ (*Grubellier*) тащили следом снаряжение. Мы спустились на распорах по трещине, которая остановила меня в прошлый раз, и вошли в чуть более широкую расщелину.

Фото 9. Ледяные сталагмиты

Два недоступных с ходу ответвления мы оставили не исследованными. В одном из них мы отчетливо слышали шум водопада, несомненно, из Р.60 и не очень далеко.

Наконец, продвигаясь от лаза к узости, от уступа к уступу, и пройдя около 45 метров от главной галереи, мы подошли к краю огромного колодца. Но тащить снаряжение было жутко неудобно, и нам потребовался еще час, чтобы собраться всей группой с необходимыми веревками и лестницами. Так что у нас с Фернó было время осмотреть колодец: естественная арка позволила привязать веревку для крепления лестницы. Маленькая площадка, примерно 10 на 12 сантиметров, давала несколько ограниченную зону для маневров в начале спуска.¹

Любая попытка оценить глубину колодца просто изобиловала трудностями. Мы сошлись на мнении, что тут должно быть что-то около 37 с лишним метров, но у нас не было отвеса (*plumb-line* - видимо, инструмента, прим. К.Б.С.), и мы не могли проверить нашу оценку.

Когда нет звуковой аппаратуры (*sounding apparatus* - не представляю, какую аппаратуру такого сорта можно использовать в пещерах, удивление К.Б.С.), можно основать оценку на времени, которое требуется камню для достижения дна, при условии, что учитывается только его первый удар. Как только камень касается стены, он при отскоке замедляется, а если падает на уступ, всегда есть вероятность, что сбросит другие камни, звук падения которых значительно увеличит кажущуюся продолжительность падения.

Однажды на Мон Пеннэ (*Mont Pennay*) лесник, направивший нас к одной из пропастей, заверил, что брошенный в нее камень падает «так долго!». Наша проверка показала, что «пропасть» была глубиной всего 21 метр без единого выступа по всей своей протяженности.

До войны я разработал довольно надежную систему приближений, используя очень простую формулу, действительную в пределах, с которыми нам обычно приходилось сталкиваться, то есть между 25 и 100 метрами:

$$H = 35 + 25(T-3)$$

где:

H — глубина колодца в метрах,

T — время в секундах между моментом начала полета камня весом около 100 граммов и моментом его удара о дно.

¹ *...a little platform, about eighteen inches square, was to furnish our somewhat restricted manoeuvring area for the descent — Тут какая-то неточность — 18 квадратных дюймов = 116 кв. см это примерно 10 x 12 см — одной ногой на носочке что ли? Действительно более чем ограниченная площадка. Прим. К.Б.С.*

Прижимая часы к уху, вы считаете тики, соответствующие пятым долям секунды, и таким образом получаете ответ с погрешностью не более 5-ти метров.

В нашем нынешнем случае причина сложностей была другая. Все камни падали без промежуточных ударов, так как колодец был очень обширным, расширялся колоколом ко дну, и не было ни одной точки касания до самого дна, где мы видели отражение наших налобников, мерцавших в небольшом озерке. Всем камням, без исключения, понадобилось на падение четыре секунды.

Была только одна ложка дегтя — я напрочь забыл свою любимую формулу (которая, конечно, дала бы 60 метров), но я почему-то «вспомнил», что 4 секунды дают 45 метров — значение, на котором мы уже более или менее сошлись.

Мы соединили лестницы между собой и раскатали их в жерло колодца. 40 метров соскользнули по стволу, но как-то не было никаких признаков того, что они дошли до дна, поэтому мы добавили еще 15-метровый кусок.

Когда все было надежно навешено на привязанную к арке веревку, я пошел вниз, страхуемый 55-метровой веревкой. Я начинал чувствовать, как печально мне не хватает тренированности, и спуск показался бесконечным. Лестница нигде не касалась стен колодца, диаметр которого у основания был 6 на 9 метров. Время от времени я бросал взгляд вниз, но казалось, отражение моей лампы в воде вообще не приближается.

— Внимание! У нас конец веревки.

— Уже? Выдайте ее по возможности всю.

— Осталось только три метра... теперь два — не больше.

— Надвигайте еще веревку — я уверен, что лестница не достает дна.

В этом огромном колодце наши голоса доносились прекрасно, и мы могли переговариваться в свое удовольствие.

— Давай, все сделано.

Наконец я спустился до самой последней ступеньки сцепленных лестниц. Их конец свободно висел вдалеке от стен, а дно колодца оставалось еще в 4-х или 5-ти метрах ниже.

Сидя верхом на одной из последних ступенек, я закрепился на лестнице с помощью страховочного кольца (*safety ring*)¹ и оценил ситуацию.

¹ *safety ring* — не могу с уверенностью определить, что именно использовалось — скорее всего, это кольцо из страховочного шнура... прим. К.Б.С.

Наверху у нас была еще одна лестница, но не было веревки, которой группа могла спустить ее мне, чтобы нарастить лестницу подо мной.

Потом я вдруг вспомнил случай в пещере Люрье на Веркоре (*Grotte de la Luire, Vercor*), когда лестница, посланная вниз по страховочной веревке на скользящем карабине (*snap ring*), застряла, прежде чем дошла до меня. И повторять такое не хотелось.

О подъеме обратно я сейчас думать не мог — мои руки не выдержали бы нагрузки, и даже если у меня хватило сил, я оказался бы не в том состоянии, чтобы потом снова спуститься.

В принципе, меня могли бы спустить веревкой (*'roped down'*), да я и сам мог спуститься просто по одинарной веревке.

— Сколько у вас осталось веревки?

— Около двух метров.

Ну, вот и приплыли. Веревка слишком коротка, и у нас не было никакого «лекарства».

Оставалась только одна надежда — найти какую-нибудь зацепку на стене, на которой я мог бы продержаться, пока парни пристыкуют сверху последнюю из наших лестниц.

Для этого надо было раскачаться «маятником», а эту операцию легче представить, чем реализовать. Поскольку я находился почти в 60-ти метрах от точки закрепления, то довольно долго дергался и танцевал в воздухе без видимого эффекта. Но через несколько минут я начал потихоньку медленно раскачиваться, и каждый цикл проходил по чуть более широкой дуге. При этом каждое движение туда-сюда занимало секунд пятнадцать. Но вот мне удалось достать одну из стен колодца, после чего появилась возможность раскачиваться от стены к стене в поисках подходящей ниши.

В конце концов, я нашел массивный скальный выступ, на котором хватало места, и тут же его оседлал.

— Лестница свободна, — крикнул я. — Удлините ее! Но главное — поспешите!

Прошло десять минут.

Затем все закончилось, и я оказался на дне Маятникового колодца (*Pendulum Shaft*).

Первым делом я наскоро осмотрелся на предмет наличия продолжения — все было хорошо, меандр продолжался.

— Твоя очередь, Фернó.

Как только он спустился, мы отправились в меандры, у одного легкий рюкзачок, у другого лестница. Было полегче, чем наверху, но не слишком: высокая, до 5-8 метров, расщелина, но очень узкая. Сове-

менный ее пол был безнадежно узким, всего в несколько сантиметров, а наибольшая ширина между противоположными стенами в любом месте не превышала 45 сантиметров. Стены гладкие, с очень смутными намеками на выступы, и лучшим способом здесь было идти боком, упираясь носками в одну стену, а пятками в другую. В таких условиях продвижение завоевывалось очень болезненно, так как часто мы застревали и вынуждены были заниматься самой отчаянной гимнастикой, чтобы освободиться.

Таким образом за час мы прошли 200 метров и слышали шум водопада, обещающий изменение обстановки. Вскоре мы вышли к новому колодцу, который на вид имел глубину около 15-ти метров, а у нас было всего 10 метров лестницы.

Фернó был полон решимости выяснить, что дальше, и, поскольку мы не нашли, куда забить крюк, я надежно расклинился в узком месте на краю колодца, продев ногу между первыми двумя ступенями лестницы, и Фернó начал спускаться. На такой навеске он добрался до последней ступеньки, но слишком гладкие стены не давали продолжить спуск лазанием по скале. Внизу виднелось нечто похожее на следующий колодец, но никакой уверенности в этом не было. Единственное, что оставалось, это взобраться обратно, что и было сделано без лишних слов.

С самого утра и до этого момента никто из нас не проглотил ничего существеннее таблетки аспирина.

Усилия этого дня значительно приблизили нас к Ги-Морт, и мы достигли, если уже не прошли место великого слияния вод.

Около 100, а может, и менее метров по вертикали отделяли нас от цели, и вероятно, она находилась примерно в 175 метрах ниже входного портала Гляз.

Шла первая неделя августа 1941 года. Транспортное сообщение теперь стало настолько сложным, что экспедиции выходного дня исключались. Так что мне пришлось ждать летнего отпуска, чтобы продолжить исследования.

У нас был большой соблазн сразу отправиться в систему Троицына дня (*Pentecost network* — *Система Пятидесятницы*, прим. К.Б.С.), но разумнее было сначала закончить сторону Ги-Морт, где мы оставили несколько неисследованных ответвлений. Заранее побывать на дне всех колодцев, где мы могли бы оказаться при спуске из Гляз — было разумным решением.

4 августа (1941) в шесть часов утра Петцль, Гиймá и я покинули Сонт-Илер-дю-Тувет (*Saint-Hilaire-du-Touvet*). В десять тридцать мы вошли в пещеру (Ги-Морт) и через пять часов оказались в галерее, которую позже назовем Бивуачной.¹ Там мы оставили спальные мешки (мы были подготовлены к исключительно долгому пребыванию), и до часу ночи обшаривали бесконечные разветвления, предлагавшие все известные препятствия — при этом узости, проходимые исключительно ползком или на распорах «ноги-плечи», следовали одна за другой с удручающей неизменностью (*буквально: «в душераздирающем правопреемстве» — очень смачно и образно! Прим. К.Б.С.*).

Несколько часов до 8 утра следующего дня (5 августа 1941) мы провели в одеялах. Промокший насквозь, я так и не смог уснуть.

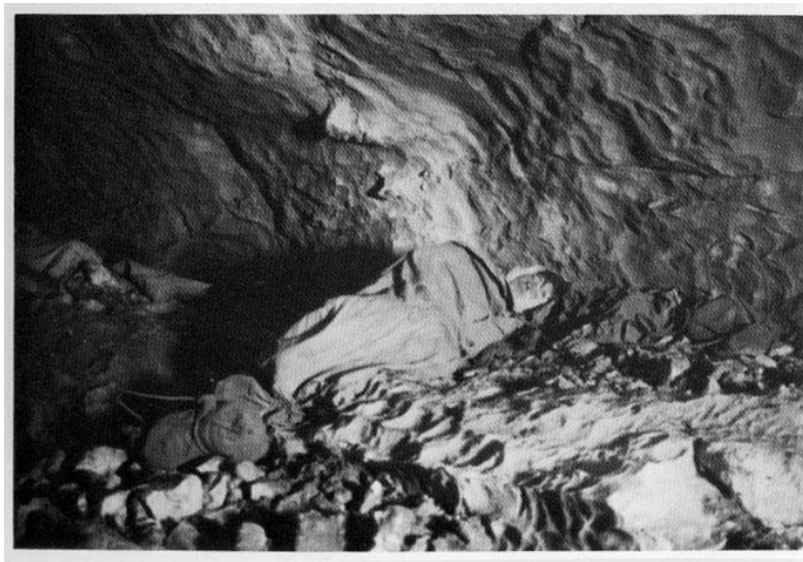

Фото 10. Несколько часов отдыха в одеялах

Затем исследования возобновились с тем же пылким энтузиазмом. Мы работали, не выходя из пещеры, до шести часов вечера, то есть в течение тридцати двух часов. За это время мы прибавили к нашей съемке тысячу метров ранее не нанесенных на карту галерей и установили, что было как минимум полдюжины колодцев, через которые мы могли попасть сюда из Гляз.

¹ *Vivouac* — опять «потом назовем». Чтобы не запутаться, уточню, что галерея действительно получила свое название после использования ее для ночевки именно в этой экспедиции. А выше Шёвальё просто описывает события, более поздние, чем эти, прим. К.Б.С.

После двух дней такой тяжелой работы подъем по горной тропе от Ги-Морт к Тру-дю-Гляз стал бы для нас слишком суровым испытанием. Так что, в конце концов, в десять часов той же ночи (5 августа 1941), мы добрались до наших палаток у Сонт-Илер (*Saint-Hilaire*).

Наступил решающий день. После трудной экспедиции в Ги-Морт нам понадобились два дня отдыха, чтобы быть готовыми стартовать снова.

Основную группу составили Фернó, наш молодой товарищ Дюбóст (*Dubost*) и я. Вопреки нашей обычной практике и из-за того, что у нас было довольно мало лестниц, мы решили оставить над Маятником (*Pendulum* — Маятниковый колодец) вспомогательную группу ожидать нашего возвращения. На эту неблагодарную работу вызвались моя жена и Франсуа Гиймá.

В девять тридцать утра (8 августа 1941) мы вошли в Гляз, а четыре часа спустя начали разворачивать лестницы у Маятникового колодца (*Pendulum Shaft*), после чего трое из нас приступили к спуску. Для интереса я замерил время: чтобы спуститься на 58 метров, потребовалось четыре с половиной минуты.

«Слава Богу, — подумал я, — мы в хорошей форме, и, если есть хоть малейший шанс пройти, соединение у нас в кармане!»

Когда все были внизу, команда вспомогателей спустила нам 64 метра лестницы. Мы осторожно свернули ее и уложили в рюкзак для переноски через меандры.

— Эй, наверху!

— Как у вас?

— Все готово. Мы уходим.

— Когда вернетесь?

— Откуда нам знать?

— Ну, хотя бы примерно, когда вас встречать?

— Рассчитывайте, что мы вернемся минимум через восемь часов.

Оревуар.

— До свидания.

В конце концов, Франсуа и моя жена решили не ждать над колодцем — уступ был слишком узким. Поэтому они вернулись в главную галерею второго яруса, где оставались еда и теплая одежда.

Несмотря на опасения, лабиринт оказался достаточно проходим, хотя мы и были тяжело нагружены: около 73 метров лестницы, 35 метров хорошей веревки для маневров, водонепроницаемая накидка, несколько банок с консервами, скальные крючья и необходимые инструменты — по два мешка на каждого.

В четыре часа дня мы были на уже описанной ранее конечной точке. Несмотря на самые тщательные поиски над колодцем, мы так и не смогли найти подходящую трещину для скального крюка, чтобы закрепить лестницы. Была очень хорошая трещина, но слишком далеко от устья, на что ушло бы метров 10 лестницы, а их полезнее было прибегать.

Ничего не оставалось, кроме как использовать трещину гораздо хуже, куда крюк вошел не слишком надежно. Риск был серьезный, поэтому мы сначала проверили прочность навески несколькими сильными рывками за лестницу.

Затем, пока остальные следили за крюком, я спустился. Крюк выдержал, и вскоре мы все втроем были в безопасности на дне колодца (*Petzl Shaft* — колодец Петцля, 18 метров). В нескольких метрах впереди был еще один вертикальный сброс, в котором на этот раз лило откуда-то с большой высоты. Уйти от душа не было возможности, и из-за него не удавалось рассмотреть дно (*потом этот сброс будет назван Колодец-Ловушка, см. стр. 91, прим. К.Б.С.*).

Надев водонепроницаемую накидку, я вошел под водопад, шумно ударивший по жесткой ткани, и спустился на дно колодца в 14-ти метрах ниже. Тут был только один выход, через который вытекала вода, и он был непроходим.

В приступе сиюминутного отчаяния я выругался.

Мы снова застопорились, и так близко к Ги-Морт?

Все еще стоя под душем, я вдруг замер: меня поразили жизненно важный момент — здесь не дуло, не было тока воздуха.

Затем пришла вторая вспышка озарения — колодец расширился книзу наверняка потому, что в него приходил приток, добавлявший к общей ширине свою. Значит, где-то должно быть еще одно отверстие, и его надо поискать.

Я поднялся по лестнице на метр или два, и обнаружил его: в противоположной стене виднелось окно, похожее на щель, и надо было в него взобраться. Я снова спустился и, держась за наклонную лестницу, попытался взобраться на почти 4-метровую стенку, отделяющую меня от щели. С третьей попытки это удалось, и меня приветствовал нежный зефир.

Я заглянул в щель, крикнул, бросил камень и узнал все, что необходимо — здесь была еще одна пропасть, причем огромных размеров.

За несколько минут мы навесили челночную (*pass-rope*) и основную (*line*) веревки. Сначала спустили мешки. Затем и остальные, по очереди используя плащ-накидку, присоединились ко мне у окна. Мы были готовы продолжить движение по нисходящему следу.

Мы развернули 30 метров лестницы, спустили ее вниз, и, весь в нетерпении, я начал спуск, страхуемый веревкой. Мне, уставшему от предыдущего, этот спуск показался долгим и неприятным. В нескольких ступеньках от конца лестницы я все еще находился примерно в паре метров над дном (так мне казалось), а сверху кричали, что выдать больше нечего (*веревка кончилась, прим. К.Б.С.*).

И что теперь? Как глупо с нашей стороны было сразу не соединить все лестницы! Я тщетно попытался раскачаться маятником — но только еще больше устал.

И тут меня осенило — почему бы не спуститься по сдвоенной веревке, перекинутой через одну из ступенек? Я отправил всю веревку вниз ¹ и начал спуск по сдвоенной, но обнаружил, что не могу согласовать ее концы ². Я действительно выдохся, судорогой скрутило руки, и мне осталось только одно — прыгнуть, хотя это было вопреки всем признанным законам кейвинга.

Я сделал еще усилие, чтобы спуститься хотя бы до уровня последней ступеньки лестницы ³, но силы мне изменили. Тогда я пустил все на самотек, разжал руки и лишь попытался приземлиться как можно удачнее.

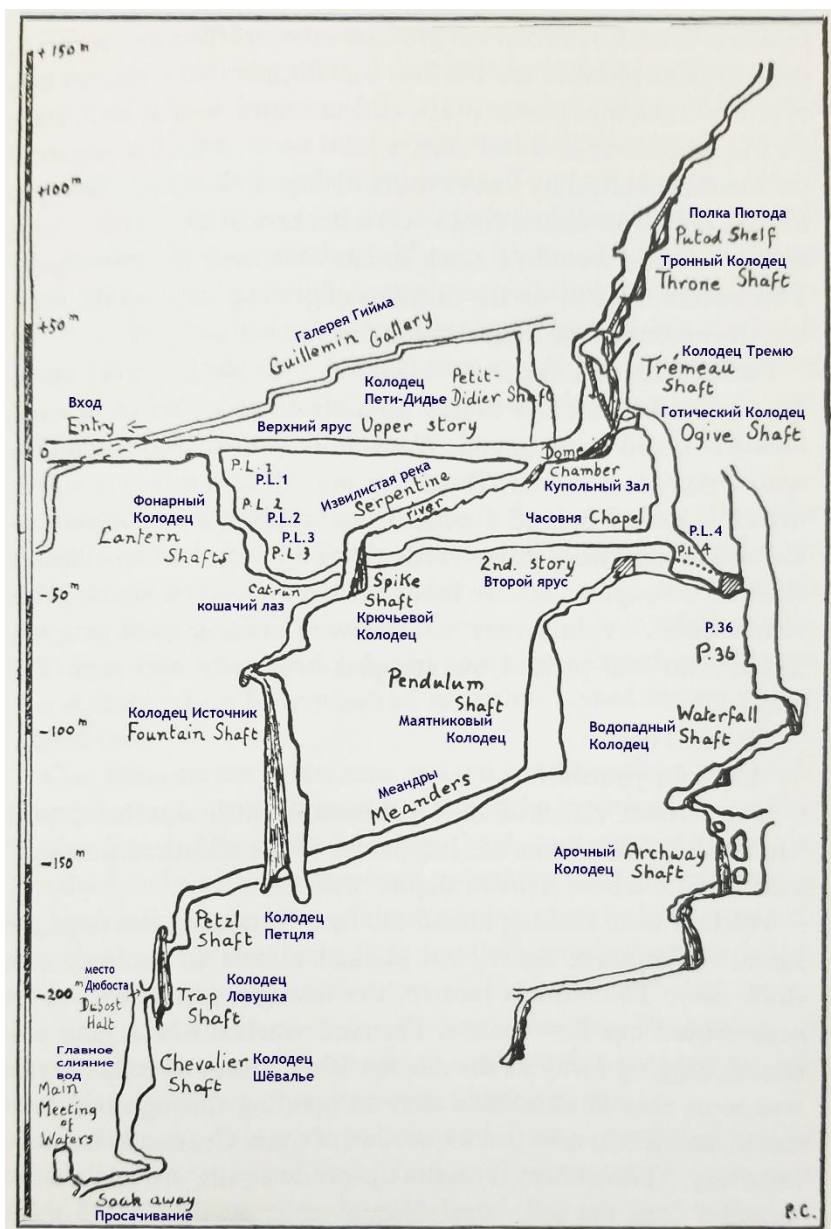
Я находился от земли дальше, чем представлял, — метрах в 4-х, и очень неловко приземлился в сидячем положении. От сильного удара о землю одна рука сразу налилась болью. Левую стопу пронзило острое лезвие эродированного камня, пробив ботинок, носок и плоть. Я сидел на наклонном полу менее чем в метре от края следующего колодца, глубиной около 20-ти метров, в который только что чуть не упал. Переломов, к счастью, не было, и это главное, но вы больше не подловите меня на таком идиотизме!

Я с тревогой размышлял о возвращении наверх по колодцу, но основным оставался вопрос дальнейшего спуска. Требовались дополнительные маневры. Нам не хватало лестниц, и Дюбóсту пришлось остаться наверху, спустив вниз все, что можно.

¹ Ситуация мне кажется странной. Автор спускался с верхней страховкой и ее уже нельзя было выдать, так как веревка кончилась. Но почему этой веревкой не спустили ему дополнительную лестницу? Боялись, что она застрянет? Ладно. Вместо этого, у него появилась веревка для спуска, которую он «всю отправил вниз» — значит, ему сбросили страховочную веревку? И не побоялись, что она тоже может застрять... Прим. К.Б.С.

² Что значит — *I could not get the separate ends to correspond* — «согласовать отдельные концы»? Не мог удержать оба конца одновременно или не смог спустить веревку вдвое так, чтобы оба конца оказались одинаковой длины? Скорее, первое... Прим. К.Б.С.

³ Не понял — а почему он не мог вернуться обратно на лестницу? Ногами бы зацепился. Не успел, наверно, или не сообразил. Прим. К.Б.С.

Карта 7. Некоторые активные системы Тру-дю-Гляз

Мы спустились в следующий вертикальный сброс по 18-тиметровой лестнице. Ошеломленный падением и не очень уверенный в себе, я пропустил Ферно́ вперед, мои мысли путались и расплывались.

Затем было тридцать метров разлома вдоль контакта слоев, затем эллиптическая узость, через которую пришлось ползти . . . река где-то внизу . . . сталактиты . . . мы хорошо продвигались.

Петцль, торопившийся впереди, вдруг резко остановился и сказал:

— Непроход.

— Не может быть!

— Посмотри сам.

Поток исчезал в жалкой щели, совершенно непроходимой.

— Но что случилось с эллиптическим ходом? — сказал я.

— И где сквозняк? — спросил он.

Мы ломились вперед слишком быстро. Возвращаясь по своим следам, мы нашли еще одну узость, почти до потолка забитую плотной глиной, что не имело значения, так как туда тянуло воздухом, и это был наш последний шанс.

Ферно́ работал, как одержимый, рыхля глину обломком сталактита. Вскоре он смог сообщить, что пробил отверстие и расширить его теперь только вопрос времени. Постепенно он продвигался.

— Галерея снова повышается, — сказал он мне.

Петцль протиснулся в отверстие и полным ходом рванул вперед.

— Думаю, мы это сделали! — крикнул он назад. — Тут все действительно огромно.

Я последовал за ним через лаз и далее по коридору. Здесь все было новым для нас. Мы оказались в зале шириной около 3 метров и чрезвычайно высоком.

Ферно́ хотел идти направо, я налево, в итоге каждый получил свое.

Раны, боль и беспокойство о возвращении, все было забыто.

Я внимательно осматривался вокруг, пытаюсь вспомнить — вот этот изогнутый под прямым углом поворот казался знакомым, и эти небольшие белые отметины на полу вполне мог оставить подбитый гвоздями ботинок.

И вдруг я нашел доказательство, неопровержимое доказательство! В центре небольшой лужи лежала батарейка от карманного фонаря, которая могла попасть сюда только во время нашей экспедиции 1940 года.

Я издал дикий торжествующий вопль, и, хотя он сильно отличался от нормального человеческого восклицания, Ферно́ понял, что все в порядке. Я побежал к нему навстречу, и мое сердце почти разрывалось от радости.

Мы соединили системы. Соединение стало свершившимся фактом.

Чтобы развеять затянувшиеся сомнения Ферно́, мы дошли до «Плавательного бассейна», а затем вернулись. Самая нижняя точка хода, которую мы только что прошли, была тем самым глиняным коридором, который в прошлом году был полон воды. Случись в течение последних дней сильные дожди, нам здесь не пройти — уперлись бы в сифон всего в метре-полутора от цели.

Но наши товарищи по команде были сейчас разбросаны по всему маршруту, и момент для дальнейшего перехода к Ги-Морт, очевидно, был не подходящий. Нам предстояло вернуться и подняться по вертикали на 268 метров, отделяющих нас от входа в Гляз.

Восьми часов еще не прошло, так что мы оставались более или менее в графике.

Мы поднялись на первые 18 метров. Чтобы скоротать время, оставшийся на полке Дюбóст пел во весь голос, и мы прокричали ему радостную весть. Он втащил вверх лестницы, снова их закрепил, и мы медленно осилили второе вертикальное препятствие, на этот раз более 30-ти метров.¹

Моя нога теперь была очень болезненной, и меня беспокоило ее ближайшее будущее.

¹ И все-таки жаль, что толком не описано, как они это делали при недостатке снаряжения и, прежде всего, веревки.

Что осталось на 34-метровом колодце, над которым ждал Дюбóст, если при спуске Автора страховочной веревки до дна не хватало, а нарастить было нечем?

— сначала им было нечем нарастить веревку, чтобы Шёвальё закончил спуск там, где он спрыгнул.

— потом они сбросили эту единственную веревку Шёвальё, и тот пробовал спуститься, но в итоге упал.

— потом Дюбóст с Петцлем наверняка нарастили лестницу, и Ферно́ спустился к Шёвальё.

— потом Дюбóст спустил Ферно́ и Шёвальё 18 метров лестницы — чем? Для этого ему надо было исхитриться как-то достать веревку снизу и потом эту веревку таки нарастить — ее же не хватало! — и уже этой наращенной веревкой спустить все лестницы вниз, оставив саму веревку на колодце ...

А уже в последний колодец Петцль и Шёвальё спускались просто по лестнице, без веревки.

В принципе, Дюбóст мог нарастить веревку куском, который использовался для навески лестницы... И мог достать веревку, вытащив лестницы, к которым ее привязали внизу, а потом уже спустить веревкой лестницы. Жуткие навороты изобретательности... Рассуждения. К.Б.С.

Колодец-Ловушка (*Trap Shaft*) с его водопадом задал нам хорошую трепку, промочив насквозь одного за другим.

+++

И вот мы под последним колодцем перед меандрами. Дюбóст пошел первым, немного потанцевав на лестнице, но закончил подъем более спокойно и вытащил мешок со снаряжением.

За ним последовал я.

Тем временем Фернó прикрепил к нижнему концу лестницы снаряжение, которое еще предстояло поднять. Теперь, как только он вылезет, нам останется только вытащить лестницей мешки.

Пока Дюбóст подтягивал Фернó веревкой, я опустился на кучу щебня, совершенно измученный. И мне ни разу даже в голову не пришлось взглянуть на крюк, который до сих пор выдерживал все нагрузки.

И тут, как раз когда Фернó почти достиг Дюбóста, с шокирующей внезапностью произошла авария. С коротким свистящим звуком вся система рухнула: крюк вылетел, лестница исчезла, а Фернó упал. Мы услышали тяжелый удар, и наступила тишина.

Дюбóст повернулся ко мне и показал конец веревки, который все еще держал в обожженных трением руках.

— Вербка оборвалась, — сказал он.

Дюбóст сумел притормозить бóльшую часть падения, но ближе к концу веревка не выдержала.

Мы пережили несколько мучительных мгновений. Полное отчаяние охватило меня — что мы можем сделать для моего друга, моего старого доброго Фернó?

Что теперь делать?

Как нам поднять его наверх?

На наши крики Фернó не отзывался, но через какое-то время мы услышали стоны, говорящие, что он еще жив, и ощутили облегчение.

Не могу сказать, сколько времени прошло в бездействии, но настал момент, когда Фернó начал отвечать на вопросы. Он думал, что переломов не было. Но периодически настойчиво переспрашивал нас: «Что случилось?», а на ответы реагировал лишь непонимающим «А?».

Ситуация и впрямь была черной. У нас наверху не было снаряжения, за исключением куска лестницы, которой едва хватило бы до Фернó. Поэтому он должен был прийти в себя достаточно, чтобы прикрепить к этой лестнице, используя С-кольца на ее конце (*C-rings — специальные разрезные кольца для соединения лестниц, прим. К.Б.С.*), все необходимое, что было сейчас там внизу — лестницы, упавшие вместе с

ним, мешочек с крючьями и остальное, да так, чтобы все было сцеплено воедино.

Мы долго повторяли ему, что от него требуется. В конце концов Ферно́ понял, но в его разбитом состоянии и без света ему понадобилось немало времени на, в сущности, небольшую работу: нащупать конец висящей лестницы и что-то к ней прицепить.

Мало по малу мы подняли необходимое, и я ушел подальше от колодца, чтобы забить пару скальных крючьев и закрепить лестницы.

Затем я пошел вниз.

Первым делом я осмотрел его голову. Перелома не было, но лицо было разбито. Должно быть, при падении он со всего маха ударился носом. Одно колено было очень болезненным, но все остальное, казалось, было в рабочем состоянии, хотя бы в общем. Налобная фара фонаря была разбита, а стальной корпус (*блока питания, наверно, прим. К.Б.С.*), достаточно прочный и надежный, был сплюснен грудью. С большим трудом я исхитрился выжать слабый лучик из его лампы.

Ферно́ сделал героическое усилие и встал.

— Сможешь вылезти?

— Думаю, да.

Не имея веревки, я привязал его к веревочной лестнице, которой мы потом смогли бы его подтягивать, помогая подняться, затем снова поднялся сам. (*а обрывки веревки связать не могли или уже боялись? Прим. К.Б.С.*).

— Мужайся, старина, мы тебя вытащим.

Петцль, теперь самостоятельно, подошел к лестнице и полез по ней вверх. Почти на самом верху силы оставили его, но благодаря дополнительной лестнице мы смогли вытащить его ступенька за ступенькой.

И вот он с нами. Но как же нам пройти с ним через извилистые меандры?

Пока он отдыхал, мы свернули 73 метра лестниц — в полной темноте, потому что приходилось экономить свет, который начинал нас подводить.

Уже наступила полночь, когда, примерно через три часа после аварии, мы были готовы отправиться в путь. Мы перераспределили снаряжение, которое приходилось нести, сделав три упаковки. Дюбóст пошел первым с двумя большими мешками, я последовал за ним, помогая Ферно́ и неся третий.

Затем началась попытка 182-метрового меандра. У Дюбóста это заняло три часа, а у нас — пять. От Ферно́, непрерывно терзаемого болью, слабостью и сильным желанием спать, каждый метр даже менее сложных участков требовал значительных усилий. Мне приходилось помо-

гать ему, подставляя то спину, то плечи для опоры в своего рода каминном лазании (на распорах).

Каждые плюс-минус три метра нам требовалась передышка. На всем протяжении нашего паломничества (*длительного пути, прим. К.Б.С.*) мы могли слышать, как Дюб́ст скребет по стенам, все более отдаляясь. Потом мы услышали, как он вышел на голосовой контакт с ожидающей нас вспомогательной группой. Но наше собственное продвижение было по-прежнему удручающе медленным, и одна бедная лампа, которую мы делили на двоих, давала лишь слабый красноватый свет, в котором хоть что-то было видно не дальше, чем в метре от нас. Когда мы подошли к Маятниковому колодцу, Дюб́ст вернулся встретить нас с зажженной свечой в руке, и нам пришлось на несколько секунд закрыть глаза, чтобы привыкнуть к ее свету, слепящему нас, как свет маяка.

Пока Фернó отдыхал, лежа на земле, Дюб́ст рассказал о своем путешествии назад, и мы коротко обсудили все с Бабéт и Франсуа. Как мы и договорились, они вернулись к устью колодца немногим позже десяти часов вечера. Чтобы скрасить ожидание, они перебрали весь свой репертуар вокальной музыки, от гимнов до студенческих песен, с экскурсами в царство великой оперы. Но прошли часы, и их беспокойство усилилось.

Франсуа как раз излагал оптимистическую теорию о том, что мы, вероятно, совершаем полный круговой тур через Ги-Морт, когда ближе к двум часам ночи они услышали первые далекие шорохи и скрежет о камень, а еще через час Дюб́ст подошел ко дну колодца и кратко рассказал о ходе событий:

— Мы соединили . . . соединение хорошее . . . но Фернó попал в аварию, он может ходить, но передвигается очень медленно.

Вскоре Дюб́ст поднялся наверх, и я последовал за ним, причем довольно комфортно.

Теперь нас было достаточно, чтобы оказать Фернó эффективную помощь. Мы сбросили вниз страховочную веревку, но она не дошла до дна, и нам приходилось сбрасывать ее снова и снова, а Петцль никак не мог ее увидеть. Мы не слишком беспокоились об этом, списывая все на его полусонное состояние и невнимательность — тогда как на самом деле веревка просто застревала в лестнице. Однако, в конце концов, он был готов подняться, а мы тянуть, ступенька за ступенькой, со всей возможной тщательностью следуя его движениям. И это ужасное восхождение длилось добрые полчаса.

Пока остальные сматывали лестницу, мы с Фернó пошли дальше, чтобы осилить 45 метров извилистых ходов последнего меандра. Они были намного уже тех, что мы преодолели ниже, и нам предстояли еще два часа невероятного напряжения.

Галлюцинации стали преследовать меня одна за другой. Я прекрасно знал, что в этой трубе только один путь, и все же раз двадцать пугался, что сбился с пути. Хотя в глубине души я был убежден, что ошибки нет, но снова и снова возвращался удостовериться, что не уполз в какой-то неизвестный боковой ход.

Полагаю, мы были на грани безумия в этой адской трубе.

В конце концов, мы добрались до главной галереи, где Петцль смог растянуться и наконец-то действительно отдохнуть.

Но вскоре нам пришлось двигаться дальше. Мы оставили тут все снаряжение, намереваясь забрать его через несколько дней. Поддерживая нашего друга, мы медленно, но легко прошли большую галерею, Фонарный колодец, входную галерею.

В 2.15 по полудни, почти через двадцать девять часов после входа под землю, мы наконец вышли на свежий воздух.

Фернó отдал все силы борьбе за выход на поверхность, и теперь поклялся, что больше не может сделать ни шагу. Однако мы так упрасивали его, что он еще раз собрался с силами, хотя ему стоило огромного труда добраться до шале Айес (*Ayes chalet*), откуда его верхом на лошади спустят в Сонт-Илер (*Saint-Hilaire*).

Пробило одиннадцать (23-00), прежде чем его доставили в Студенческий Госпиталь (*Students' Hospital*), где, наконец, осмотрели и обеспечили надлежащую медицинскую помощь со стороны директора по медицине Доктора Дуади (*Doctor Douady*, в смысле Доктора медицинских наук, прим. К.Б.С.), и остального персонала.

В течение всех страданий, в том числе мученического двадцатичетырехчасового обратного пути, одна нетленная мысль не оставляла и поддерживала его: Гляз побежден, соединение — найдено!

ЧАСТЬ II

Тщетные усилия

7. В Пропастях Плато

Итак, после шести лет интенсивной борьбы с более беспощадной чередой препятствий, чем в любой другой из известных пещер, которые удавалось исследовать — мы победили эту грозную Систему.

В результате Система, с общей глубиной 427 метров заняла почетное место среди самых глубоких пропастей мира, одновременно, к зависти всех спелеологов в стране, побив рекорд Норбёра Кастерё для Франции, удерживаемый им благодаря пропасти Мартёля (*Martel Chasm*, 303 метра).

Кастерё воспринял наш успех, как настоящий спортсмен, хотя и пообещал, что нам не позволят долго им наслаждаться. Фактически, в принципе возможное соединение пещер Пропась Мартёля — Сигалёр (*Martel Chasm — Cigalere Cavern*) может дать перепад между самой верхней и самой нижней точками в 481 метр.

И Кастере до сих пор держит как бы в рукаве пещеру Инё Морт (*Henné Morte — Мертвой Женщины*, прим. К.Б.С.), также в Пиренеях (*Pyrenees*), и ее великолепные размеры вызывают очень большие надежды. На момент написания этих строк в Инё Морт работала уже не одна экспедиция, но трудности, создаваемые водопадами, настолько велики, что до сих пор никто не смог пройти глубже 450 метров.¹

С нашей частной точки зрения Петцль вовсе не был обескуражен аварией, и, хотя в итоге потерял обоняние, но не лишился вкуса к спелеологии. Им владело страстное желание — восстановиться: и я не стану делать вид, что его семья — особенно жена — действительно все это одобряли.

В свою очередь, я, хоть и пресытился всем, что касается обводненных колодцев, но теперь, безусловно, лучше понимал гидрогеологию Дон-де-Кролля и хотел узнать об этом больше.

1

¹ Дно пропасти было достигнуто летом 1947 года, на глубине минус 445 метров. (Автор).

Примечание: это число меньше упомянутых выше 450 метров, потому что минус отсчитывается от входа в пещеру, а не от самой высокой точки плато над ним, прим. переводчика на Английский.

Первоначально мы думали, что вода, приходящая из колодцев верхнего уровня, сначала текла через первый ярус (уровень входа) Гляз, а затем, в соответствии с законом «прогрессивного поглощения» Марте-ля, проработала залы и галереи второго (нижнего) яруса, и впоследствии ушла из них в нынешние водотоки.

Я нашел эту гипотезу слишком упрощенной и вскоре нащупал другую, придя к выводу, что существуют две совершенно разные системы: древняя, охватывающая две основные галереи Гляз, и активная, которая все еще находится в процессе развития. Она начинается на плато бесчисленными притоками и вытекает из Ги-Морт. Эти две системы случайным образом пересекаются, поскольку обе естественным образом использовали, одна раньше, другая позже, одни и те же зоны пересечения тектонических разломов Дон-де-Кроль.

Функционирование древней системы еще предстояло объяснить, и, если получится, обосновать. Например, направление потока и происхождение воды пока объяснений не имели. Я столкнулся с различными неправдоподобными теориями, и единственный путь предлагала гипотеза, которая в то время казалась мне смелой до самонадеянности (и такой некоторым кажется до сих пор). Фонарный колодец, связующее звено между двумя ярусами Гляз, образовался не сверху вниз, как, казалось бы, требует логика, а от своего основания вверх. Это равносильно предположению, что образование Гляз осуществлялось напорными водами: водой, под давлением нагнетаемой через определенные каналы, что отличается от обычного процесса углубления русел рек или — по аналогии, активной системы, где вода течет свободно.

Эта новая гипотеза объясняла все аномалии, и каждый из моих последующих визитов в Гляз приносил новые доказательства в ее подтверждение.¹¹

Если это окажется в моих силах, дальнейшие исследования будут посвящены двум отдельным направлениям: активной и древней системам.

Мы уже были знакомы с нижней частью активной части — той, что лежала между обводненными колодцами Гляз и известной частью Ги-Морт. Перспектива изучения её верхней части, лежащей между плато и Гляз, казалась очень заманчивой, и это было первым на очереди.

Однако, восхождение по главным колодцам Гляз, видимые части которых представляли собой отвесные скалы высотой от 20-ти до 40-ка метров, казалось слишком амбициозной затеей.

¹ Специалисты по гидрогеологии считают, что существование таких пропастей, как система водотоков Гляз — Ги-Морт, заложенных в разных слоях друг над другом, объясняется тем, что в разные эпохи подземные водотоки проваливались на нижележащие уровни, а также перекрывались обвалами. Отсюда и обилие сифонов, прим. переводчика на Английский.

Но и расчистка завалов, перекрывающих уже известные нам пропасти на плато, была слишком трудоемкой для наших физических и финансовых возможностей.

На этом этапе разработки планов у меня возникла идея. Почему бы не попробовать что-нибудь типа дымовой шашки в сочетании с тягой воздуха, которая уже так хорошо нам послужила? К сожалению, как я уже объяснял, воздух тянет вверх и выходит наружу через продушные отверстия (*blow-holes*) на плато только в холодную погоду, когда все отверстия перекрыты снегом. Поэтому основным условием было, чтобы зима наступила резко, с сильным похолоданием, но без снега.

Такие условия сложились в конце ноября 1941 года.

За первой узостью Гляз, действительно оживляемой сильной струей воздуха, мы подожгли две большие дымовые шашки по 10 килограммов каждая. В течение часа они будут испускать густые клубы черного смоляного дыма. Как только шашки загорелись, мы заметили заметное усиление просасывания воздуха: «сквозняк» был первоклассным. Затем мы поспешили обратно на плато, где двое наших товарищей следили за вещами, пока мы поджигали дымокур.

Когда мы поднялись наверх, то отчетливо почувствовали запах гудрона, но легкий ветерок помешал нам установить точное направление, откуда он доносился. И сколько мы ни напрягли зрение, но так и не смогли увидеть следов дыма, несмотря на сияние великолепно ясного, холодного осеннего утра. Возможно, он полностью сконденсировался на стенах пещеры.

В апреле 1942 года мы попробовали еще раз, на этот раз используя хлорид титана, но плато было в глубоком снегу, и мы снова не узнали ничего нового. Все продушные отверстия были забиты снегом. Сквозняк был как никогда сильным, и как-то он ведь проникал сквозь снежный покров, создававший эффективный барьер для дыма и запаха.

Мы снова потерпели неудачу и вынуждены были перейти к более прямым методам.

На неделе после Троицы (*Whitsuntide*, 3 — 4 мая 1942) мы сделали еще один выезд с составным штурмовым шестом, чтобы попытаться взойти по колодцам верхнего яруса Гляз — подробнее об этом дальше.

Наши усилия привели к некоторому успеху, так как мы взойшли по двум, следовавшим один за другим стволам: третий выглядел отталкивающе, и к тому же мы начали чувствовать, что никогда не преодолеем 250 метров, отделяющие нас от плато наверху. Возможно, в конце концов, нам все же лучше попытаться расчистить одну из заваленных верхних пропастей (*gulfs*). В итоге нам пришлось смириться с тем, что летние

лагеря 1942 и 1943 годов на плато придется посвятить этому самому утомительному из занятий.

Какой из провалов выбрать? Наиболее ярко выраженный на местности, а также самый глубокий мы называли Р.40.

Мы нашли его 5 августа 1936 года с Лябуром и Бренó. Р.40 — это превосходный провал (*pot-hole*) с чрезвычайно узким входом, в который только-только проходит тело человека, но дальше (около 20-ти метров) его поперечник составляет примерно 4,5 на 9 метров. Огромные эрозионные борозды прорезают его стены сверху донизу.

В 1938 году нам пришлось отказаться от попытки его расчистить из-за отсутствия времени, и теперь (1942), по прошествии четырех лет, мы снова были тут — Гиймá, Рюэ (*Ruet*), Петцль и я.

В самой нижней части мы начали энергично разбирать крутой глыбовый навал, который забивал все дно колодца. За первый день мы расчистили вход в вертикальную узость.

На следующий день мы значительно расширили этот проход и смогли продвинуться по нему вниз на метр или два в небольшую полость.

На третий день мы убрали на полу этой полости все мешавшие камни и вскрыли глиняное ложе, которое быстро сдалось под натиском лопаты.

На четвертый день суглинок (мергель) начал уходить куда-то вниз большими кусками, и мы вскрыли горизонтальный свод. Мы представили себе, что это, должно быть, засифоненный ход, и что после него, наверняка, будет галерея. Но в конце дня хлынула вода и затопила нашу работу. Дождь шел уже несколько дней, и теперь вся вода, казалось, устремилась в самую нижнюю точку Р.40. Это вынудило нас прерваться до той поры, когда у нас появятся более существенные надежды на успех.

С этого времени мы упорно работали в Р.40, но он не уступал.

1 ноября 1942 года мы восьмером поднялись на плато по снегу и планировали всю ночь работать попеременно, так как у нас была только одна маленькая палатка на всех. Но ни у кого не хватило смелости разбить ее на поверхности в зубах шторма, поэтому, когда наступила ночь, все спустились в колодец. Там, по крайней мере, не было ветра и пронизывающего холода.

Для вычерпывания воды мы отрезали верх у двух канистр от бензина и приделали к ним ручки. Получились идеальные ведра, которые было легко вписать в узости и почти невозможно расплескать. Мы потратили целый час, чтобы вычерпать воду из ямы, передавая ведра по цепочке и опоражнивая подальше. По мере отчерпывания мы продвигались вниз по Р.40, пока уровень воды не опустился достаточно, чтобы

можно было продолжить раскопки. Но, увы, за время небольшого перерыва в работе для отдыха вода вернулась почти к первоначальному уровню.

Так что пока экспедиция оставалась совершенно бесплодной.

Теперь надо было попытаться устроиться на ночь на дне Р.40. Двухместную палатку установили на осыпи, имеющей уклон в 30°. В ней собирались поместиться пять человек, как сардины в банке, хотя это не сулило даже маломальского отдыха.

Трое оставшихся тщетно искали место посуше. Но где бы они ни приткнулись — вода тонкими струйками стекала на одеяла, и всё постепенно промокало.

Всю ночь, промокие и дрожащие, мы озирались в поисках какого-нибудь занятия. Было проверено еще одно место скопления обломков, где мы толкались, мешая друг другу, в страстном желании разгребать камни, более чтобы согреться, чем в надежде открыть проход. Но постепенно мы обнажили незначительную трещину, достаточно широкую, чтобы засунуть руку.

Еще один плюс к сумме впустую потраченных усилий, только и всего.

Если бы мы тогда мы знали, насколько близко были к тому, что искали! Как яростно мы должны были прорываться и царапаться в эту трещину! Но в тот момент нашей единственной целью было просто немного согреться, кажущимся бессмысленным трудом. А когда цель была достигнута, усталость, холод и сырость быстро погасили наш пыл. Часы тянулись бесконечно, пока, наконец, не начало светать.

Наступил день, принес с собой неотложную задачу — сухая одежда внизу, в Сонт-Понкрас.

И мы, спасаясь, бежали туда сквозь ветер и дождь.

В начале лета 1943 года к нам вернулся энтузиазм, достаточный для того, чтобы продолжить раскопки в Р.40. В нашей команде было несколько новых членов — в том числе трое новобранцев решительного характера, способных укрепить моральный дух двойки Шёвальё — Петцль, который после двух лет непрерывных разочарований начал проявлять некоторые признаки затухания.

Среди них был Жан Трёмю (*Jean Trémeau*), девятнадцатилетний огромный бургундец, настолько крепкий, насколько они бывают, всегда добродушный, всегда готовый к нудной и тяжелой работе, никогда не жалующийся — вид товарища по команде, о котором можно только мечтать. Но Шалон (*Chalon* — *наверно, городок, откуда был Трёмю, прим.*

К.Б.С.) был далеко, и, если вы были молодым человеком двадцати лет, в 1944 году было неразумно слишком часто путешествовать.

Долгое затмение лишило нас его участия...

Оккупация ...

Маки ...¹

Работа, от которой никуда не денешься . . .

Затем был Шарль Петі-Дидье — Шарлі (*Charles Petit-Didier — Charly*) — двадцати пяти лет, молодой инструктор по альпинизму. Он был из восточных регионов. Когда Шарлі приходит в голову идея, ничто на земле не собьет его с курса, сколько бы другие ни пытались его переубедить. Так получилось, что Гляз, как и всё, что тесно или отдаленно связано с горами, сразу захватил его воображение, и казалось совершенно естественным, что он станет третьим столпом нашей команды. Работа привела его в Гренобль, и поэтому он всегда был под рукой, если только его не вызывали по службе. Этот факт был особо ценен в то время, когда путешествия были почти невозможны. Невысокий, худой, как сельдь, он был той комплекции, что позволяла просачиваться в любые лазы, и его всегда отправляли первым при работе с штурмовым шестом, если существовал риск его поломки. Помимо всего он обладал физической выносливостью, мало вязавшейся с его внешностью. Он мог работать, преодолевая препятствия, не останавливаясь до полного истощения. И мы не раз видели, как заявив, что он скорее мёртв, чем жив, Шарлі внезапно и почти непринужденно подхватывался и снова впрягался в работу, если вдруг замечал, что тот, кто его подменяет, не справляется должным образом.

Анет Бушакүр (*Annette Bouchacourt*) работала над диссертацией по географии и была очень заинтересована в научной стороне наших исследований. Пока мы повсюду искали соратников, она горела желанием сопровождать нас, но не любила просить. С тех пор как она присоединилась к нашей группе, ее устремленность и то, как она справлялась с трудностями, завоевало наше общее восхищение. Она никогда не жалела себя в том, что касается спелеологии, потому что любила эту работу и всегда подталкивала нас к новым экспедициям. Но иногда ее чрезмерное безрассудство ужасало, и нам повезло наслаждаться ее компанией всего один короткий год ...

¹ *Maquis (Маки)* — анти-немецкая боевая деятельность партизан-макизаров во Франции, Название этого партизанского движения изначально происходит от вида местности, в которой начали действовать партизанские отряды, — «маквиса», типа возвышенностей на юго-востоке Франции, покрытых труднопроходимым вечнозелёным кустарником ... прим. К.Б.С.

В феврале 1944 года несчастный случай, которого вполне можно было избежать, повлек за собой ее гибель в полном расцвете молодости и увлеченности спортом и учебой, оставив семье и друзьям мучительную скорбь.

Лагерь 1943 года предварила неделя в пещере Ла Дью, Пармелон (*La Diau Grotto, Parmelan*), где мы с Букэ (*Bocquet*) присоединились к небольшой схоженной группе из Анси (*Annecy*). У нас было несколько трудных и счастливых приключений, включая 35-часовую экспедицию по подземной реке, где у каждого была возможность показать, на что он способен.

10 августа (1943) тяжело нагруженный караван поднялся от Сонт-Понкрас на верхнее плато. Мы несли палатки, припасы на неделю, различное снаряжение и, в дополнение, необычный специальный агрегат этого года — комбинированную помпу принудительного откачивания для Р.40. На каждого из нас пришлось по два увесистых мешка, с которыми мы медленно поднимались по крутым склонам Дон-де-Кроль. Самый быстрый из нас управился за четыре часа, а одному, непривычному к нашим непосильным нагрузкам, понадобилось даже девять.

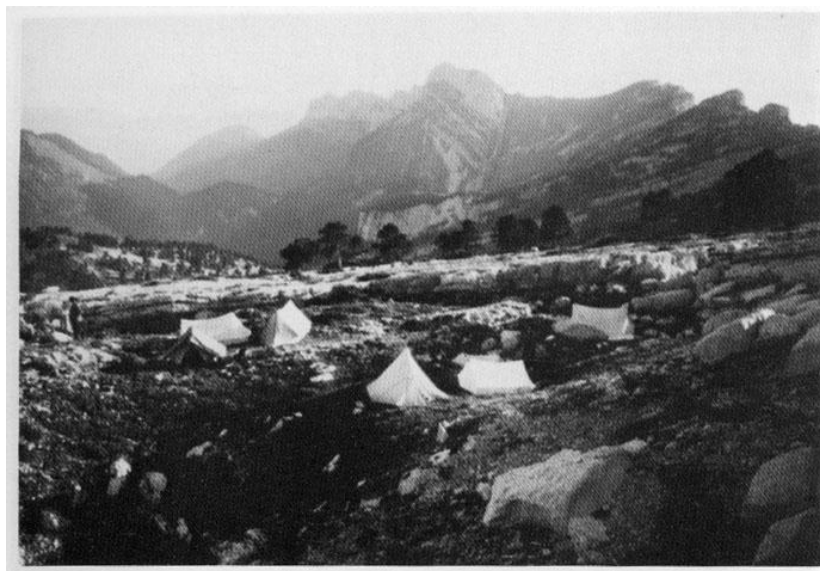

Фото 11. Наш лагерь 1943 года рядом с колодцем Р.40

В тот же день мы установили помпу и приступили к работе. Три человека, управлявшие ей, распределились по 6-метровой вертикальной стене колодца (вспомогательная группа сменит их после 4 часов откачивания).

У дна колодца один человек, полусидя на корточках в воде, наполнял наши старые канистры жидкой глиной и присматривал за всасывающей трубкой.

Второй, посередине, управлял всей работой, одной рукой качая рычаг помпы (она была прикреплена к массивной перекладине), а другой — направляя ведра, которые поднимал третий человек, стоявший наверху. Этот последний вытаскивал наполненные ведра, опустошая их где-нибудь в другом месте на дне, а также присматривал за выпускной трубкой.

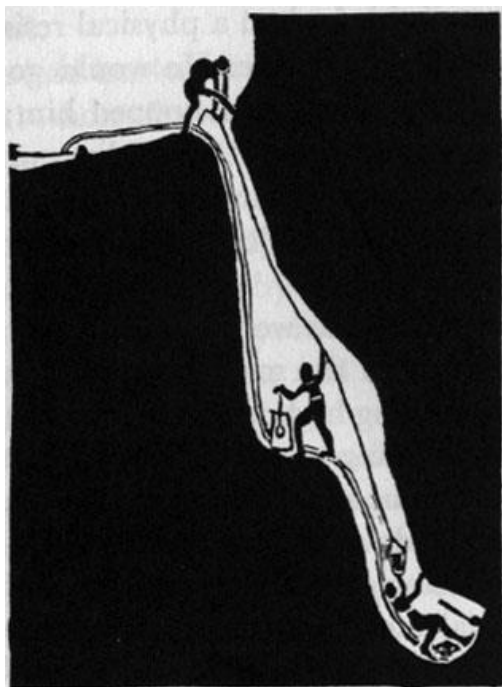

Рис.7. На дне Р.40

Сначала все шло гладко, хотя и несколько медленно, но с течением времени помпа начала довольно часто забиваться, и человек на дне, работая в воде, то и дело получал на голову ту же порцию грязи, которую только что старательно добывал из глубины.

При каждой смене уходящая на отдых команда становилась все более усталой, грязной и менее оптимистичной. Все жаждали окончания чистки этой канализации, которая при любом результате должна была закончиться к вечеру третьего дня. Этот момент ознаменовал бы сотый час нашей работы в Р.40, и никто не смог бы сказать, что мы не вышли за рамки нормального терпения и настойчивости.

Но... снова поражение, и все мы пребывали не только в состоянии крайней усталости, но и в отвратительном настроении, совершенно удрюченные этими бесконечными неудачами.

8. Подземные Восходители

Когда наши эксперименты с дымом в 1941–1942 годах ни к чему не привели, я решил попытаться штурмовать главные восходящие колодцы Гляз. Очевидно, это был самый верный способ найти путь к плато.

Но первый опыт восхождений дал мне некоторое представление о вертикалях, с которыми нам предстояло столкнуться, и у меня не было иллюзий по поводу ожидающих нас испытаний.

Верхний ярус Гляз заканчивается в Купольном Зале — образованной эрозией большой полости, свод которой теряется в высоте. В достаточно хорошую погоду этот основной ствол остается сухим. Вода поступает из ряда узких трещин, простирающихся вертикально параллельно стволу.

Перед самым концом верхнего яруса вправо отходят две слабо извилистые галереи, одна — старое, другая — современное русло ручья, приходящего из Душевого Зала. Последний вполне заслуживает свое название, поскольку его основание размерами 4,5 на 9 метров орошается водопадом, поливающим со свода в 24-х метрах вверх.

Водотоки Купола (*Dome*) и Душа (*Shower*) встречаются в Спиральном колодце (*Snail Shaft*) и образуют Извилистую реку, течение которой мы проследили в 1940 году.

Наконец, с этими двумя полостями соседствует третья, гораздо меньших размеров и сухая — Польский колодец (*Pole Shaft*, см. *Карту 2 на стр.26, прим. К.Б.С.*).

На неделе после Троицы, 3-4 мая 1942 года, я смог собрать команду, достаточную для нашей первой крупномасштабной попытки восхождения с помощью разборного штурмового шеста.¹

В нее вошли ветераны Петцль, Гийма́ и Дюбóст, а также Ферсью́ (*Ferciot*) из молодых восходителей — они сформировали штурмовую группу: наши ударные войска, если можно так выразиться.

Вейтэ́ (*Weite*) из Мунбельяра (*Montbéliard*) и четыре новобранца из Лиона — Булэ́ (*Boullay*), Ганьё́р (*Gagneur*), Клюпфёр (*Klopfer*) и Пруньи́ (*Prunier*), приехали, чтобы помочь с транспортировкой снаряжения и работе с шестом.

¹ Именно об этой экспедиции Автор обещал рассказать на стр.97, прим. К.Б.С.

День начался плохо.

Под проливным дождем мы поднялись от Сонт-Понкрас до перевала Айес, где в горной хижине пришлось просушить каждый стежок одежды и дожидаться, пока кончится дождь. Задержка жутко раздражала, но, когда в перспективе ожидается такая долгая и сравнительно малоактивная работа, было, несомненно, правильнее начинать ее совершенно сухими.

Мы пошли прямо в Купольный Зал, так как уже убедились, что Душевой слишком высок для успешной работы с нашим шестом. Дождь на поверхности, вдобавок к обычному таянию снега, очень осложнял условия работы. Помимо ручья по стене, к которому мы уже привыкли, сегодня вода сочилась еще в одном месте, приходя с потолка зала и орошая каждый его сантиметр. Поэтому нам не потребовалось много времени решить, что сегодня в Куполе делать нечего.

Тут нам ничего не светило — и пришлось отступить к колодцу, расположенному между залами (*надо понимать, к Польскому колодцу, прим. К.Б.С.*). Единственное опасение вызывала вероятность упереться над ним в непроходимые узости.

Наш 9-тиметровый шест вполне годился для Ги-Морт, но был слишком короток для Гляз, поэтому мы добавили еще 6 метров. Шест стал 15 метров длиной, и мы не могли не задаваться вопросом, как теперь с ним управляться. Будет ли сборка достаточно жесткой? Не приведет ли большой вес (60 кг) к тому, что шест согнется в бесполезную дугу? Удается ли нам установить его вертикально? И, последнее беспокойство: хватит ли его длины, чтобы достичь верха колодца?

Ответов на все эти сомнения у нас пока не было.

Польский колодец вообще-то не выглядел многообещающе. Насколько мы могли судить, его устье по вертикали было как раз над дном, но большой выступ на одной из стен мешал установить шест сразу напрямую.

Для начала мы поднялись на уступ примерно в 6-ти метрах от дна, и с этого места начали поднимать шест. После одного или двух фальстартов мы подняли около 12 метров надежно состыкованных секций с гибкой лестницей, еще в самом начале прикрепленной к верхушке.

Я заметил на противоположной от выступа стене узкую полку, довольно легко добрался до нее по лестнице шеста и оттуда смог осмотреть дальнейшую вертикаль.

Напротив меня, и все еще очень высоко, зияла черная дыра, которая являлась устьем этого колодца. Под ним просматривалось несколько метров не очень широкого полу-камина.

Конечно, наш шест был слишком короток, чтобы подняться туда за раз! Поэтому теперь нам позарез нужно было добавить к шесту два оставшихся звена (от которых пришлось временно отказаться, так как мы повредили их во время транспортировки). Затем нам пришлось приподнять шест на несколько метров и установить на крохотную наклонную полку, где едва могли поместиться двое.

Понадобилось всего несколько строк, чтобы описать то, что, казалось, никогда не закончится.

Я находился на небольшой полке над всеми и мог помогать сборке шеста и установке его в направлении узкого полу-камина. Но затем я оказался совершенно отрезан, и мне пришлось больше часа проторчать там в ожидании.

Верхушка шеста доходила только до середины полу-камина. Петцль поднялся, расклинился между его стенами, но обнаружил, что дальше подняться не может. Каждый раз, когда он пытался опереться на вершушку шеста, тот отклонялся от стены, угрожающе раскачиваясь. Поэтому к нему поднялся Дюбóт и смог подсадить Петцля вверх по полу-камину до ближайшего места, где тому удалось закрепиться. Затем мы послали ему запасную лестницу, молоток и несколько скальных крючьев, чтобы Фернó мог соорудить прочные опоры для ее навески.

В конце концов и я смог покинуть свой опасный насест — на сдвоенной веревке широким маятником качнулся к лестнице и присоединился к уже поднявшимся на верх Польского колодца.

К моему удивлению, я почувствовал слабое дуновение сквозняка. Что ж, этот маленький колодец оказался интереснее, чем мы думали.

Пройдя несколько метров по небольшому разлому, мы вышли в полость диаметром до 3,5 метров, оказавшуюся дном следующего колодца, аналогично предыдущему, высотой около 20-ти метров. Он был похож на огромный колокол, и его устье, чернеющее прямо в зените, выглядело недоступным (*Колокольный колодец, прим. К.Б.С*).

Дальше без шеста мы идти не могли, поэтому начали разбирать его на части. К самому нижнему звену привязали веревку, за которую мы сверху осторожно приподняли всю сборку, чтобы снять с наклонной полки и опустить на дно колодца. Когда это было сделано, мы начали отделять звено за звеном, обстукивая стыки молотком и одновременно нанося продольные удары по поперечным окантовкам на концах. Поскольку, чтобы быть уверенными в цельности и безопасности, мы собирали надежно и от души, разборку едва ли можно было назвать детской забавой. В воздухе раздавался оглушительный звон и грохот от ударов по трубам, наводя на мысль о котельной мастерской, работающей в

полную силу. Наконец все было разобрано, и мы втащили звенья на верх Польского колодца.

Когда все было готово для второго восхождения, прошло шесть часов с тех пор, как мы начали первое. Мы в лидирующей группе, лихорадочно занятые, времени не замечали, но парни, ожидавшие внизу, очоценили от холода и уже не стремились присоединиться к нам. В частности, один из них, магистр теории, часами читал остальным лекции, подробно объясняя различные вопросы, относящиеся к подземным исследованиям. Но и его энтузиазм, пусть даже просто словесный, к настоящему времени уже приближался к нулю.

Оказалось, что по нижней части стены Колокольного колодца можно взойти обычным лазанием, а выше доступ к уходящему горизонтально щелевидному окну обеспечил шест. Пока Дюбóст удерживал шест за середину, так чтобы тот не пружинил назад (*наверняка веревочной оттяжкой, прим. К.Б.С.*), я добрался до окна, которое оказалось настолько узким, что пришлось в него протискиваться.

Как только я забил скальный крюк и закрепил лестницу, Дюбóст и Петцль поднялись ко мне, и мы обнаружили еще одну вертикаль, высотой 6 метров, которая, наконец, привела нас к самой высокой точке Колокольного колодца.

Еще через несколько метров мы застряли в тесной маленькой не продуваемой трубе — очевидно, второстепенной. Но Дюбóст, оставшийся позади, решил проблему. После еще одного траверса лазаньем — над провалом Колокольного колодца, он вошел в извилистый ход, гораздо более просторный. Ход шел в две стороны: наклонно восходя влево и уходя вправо вниз.

Разумеется, нас интересовала восходящая область, и через несколько метров в полу галереи оказался провал. Внизу, примерно в 25-ти метрах под нами, сияли лампы оставленных позади товарищей.

Мы были над главным колодцем. (*то есть, наверху Купольного зала. См Карту 10 на стр.182, хотя на ней этого Купольного зала как раз и нет, прим. К.Б.С.*).

Перебираться на другую сторону провала над Купольным залом пришлось на распорах, причем несколько метров прямо над ним — малейшее соскальзывание стало бы катастрофой. Далее тридцать с чем-то метров меандра привели нас в полость шириной в 3,5 метра: дно нового колодца. Позже мы назовем его Полночный колодец (*Midnight Shaft*).

Мы поднялись на несколько метров на стену, противоположную меандру, через который вошли, и обнаружили, что ход продолжается, но недолго, так как вскоре вышли на узкий балкон, выступающий в середине стены какой-то полости, выглядевшей колоссальным колодцем.

Его сечение, примерно эллиптическое, имело размеры никак не меньше 6 на 9 метров. Мы едва могли разглядеть дно примерно в 15-ти метрах ниже, а что над нами, было невозможно и предположить. Распыляясь в тонкую туманную водяную взвесь, оттуда падал водопад, и все, что было видно, это метров 30 уходящей вверх отвесной скалы без полок, до которых мы могли бы добраться.

Этот Балконный колодец (*Balcony Shaft*) был удручающе негостеприимен.

Обсудив ситуацию, мы решили спуститься и снять за собой все снаряжение. Здесь (в Балконном колодце, прим. К.Б.С.) не было возможностей для экспериментов с шестом, а лестницы были нужны для дальнейшей работы нашей экспедиции. Так что делать было нечего — если по случаю нам понадобится сюда вернуться, то придется повторить все нынешние маневры.

Все были снова внизу к восьми часам вечера. Мы спустили звенья шеста вниз по Фонарному колодцу, поскольку хотели использовать их в нашей атаке на колодцы второго (нижнего) яруса, в частности, «Часовню» (*'Chapel'*) над уступом P.L.4. (вниз по основному ходу над и не доходя уступа P.L.4, см. Карту 7 на стр.88, прим. К.Б.С.). Мы взошли на первый отвес, но места над ним было недостаточно для маневров с шестом. Не пытаясь сделать невозможное, мы ретировались, оставив шест там для будущей экспедиции.

В октябре 1942 года, воспользовавшись наличием шеста внизу, мы опробовали начала нескольких восходящих колодцев на втором (нижнем) ярусе Гляз. В этот выезд для транспортировки и манипуляций с шестом нас было всего четверо — Фернó, Ганьёр, Клюпфёр и я — и это было жестко.

Сначала мы были побеждены системой галерей, лежащих над P.60, потом восходящей трубой над «Озером» (*'Lake'*), а затем верхней частью P.36. Все колодцы были либо слишком обводнены, либо имели такие жалкие маленькие полки, что даже когда мы до них добирались, они были бесполезны для нашей тактики.

1943-й год. Ввиду наших неудач на втором (нижнем) ярусе у нас не было другого выбора, кроме как попробовать еще раз в Польском колодце или в Купольном Зале. Последний был на наш взгляд слишком мокрым в начале сезона, поэтому мы решили возобновить прошлогоднюю работу, полагая, что если мы справимся с Полуночным колодцем с помощью шеста, то можем избежать восхождения в Балконном колодце, пока считавшегося нереальным.

На Пасху я встретился в Гренобле с Гиймá, Дюбóстом и его другом Петí-Дидьé (Шарлí). На железнодорожной станции в уголке стоял какой-то гражданский в плаще, надвинутой на глаза мягкой фетровой шляпе и в темных очках. Украдкой, держась ближе к стенам, он подошел к нам: это был Фернó.

В последнее время у него все складывалось очень плохо — он получил предписание на отъезд в Германию и тотчас же уехал из Сонт-Исмье в Гренобль: в настоящее время сносное временное укрытие и место, откуда он все же мог продолжать работать. Но он не хотел рисковать, пойдя с нами, потому что после недавних волнений в Кролле (*Crolles*) долина постоянно подвергалась обыскам и облавам. С помощью Петí-Дидьé Дюбóст попытался замаскировать его под молодежного инструктора по альпинизму, но в итоге им не удалось подделать удостоверение личности в тот же день, и Фернó отказался от мысли присоединиться к нам.

Мы добрались до Гляз в воскресенье 25 апреля (1943) в 9.30 утра. Забрав секции шеста, сложенные в октябре 1942-го под первым уступом Фонарного колодца (*P.L.1*), мы снова попали в лапы той же старой пытки передвижения по галереям с низкими потолками: спины дугой, колени болезненно согнуты. Тут я завидовал более низкорослым: зачастую они справляются с подобным гораздо лучше.

Наконец мы были в Польском колодце. Поскольку процедура была знакома, то продвигались довольно быстро. Мы привязали скальный крюк к основанию шеста — чтобы затруднить его соскальзывание по наклонному полу. Как только шест был прочно установлен, Дюбóст поднялся по лестнице, нашел опору (*stake* — *буквально, «столбик»* — *сталагмит?* Прим. К.Б.С.) и все очень надежно закрепил.

Теперь пришло время снова разбирать шест. Когда было достаточно места, обычно хватало двух-трех человек, чтобы держать сборку за предыдущее перед последним звено, пока кто-то энергично выбивал концевую секцию, чтобы она вышла из гнезда. Но здесь было тесно и неудобно, и шест приходилось удерживать веревкой сверху.

Мы отделили уже две секции и просто приспускали сборку через страховочный крюк, когда она развалилась на две половины. Верхняя часть застряла концом в трещине на краю колодца и повисла над нами, как дамклов меч, весивший более 27 килограммов. В страшном нервном напряжении, стараясь сдержать раскачивание клиновидного наколечника, я пытался снова вставить нижнюю часть шеста в верхнюю... После долгой возни и нащупываний, отдававшихся холодным ознобом в спине, дело было сделано.

К пяти часам дня мы подошли под Колокольный колодец и приступили к восхождению по нему. В прошлый раз мы не поднимали снаряжение, но на этот раз мешки, лестницы и звенья шеста надо было перенести к следующему этапу, и это заняло ужасно много времени.

И даже когда все снаряжение было наверху, нам пришлось придумывать способы его транспортировки по нескольким десяткам метров извилистых ходов, сражаясь вшестером с 20-ю местами груза. Первые несколько метров были самыми хитрыми, поскольку пролегали над Колокольным колодцем, а щель в полу достаточно широка, чтобы в нее мог ускользнуть мешок, завершив путь глубоко вниз.

Так как львиную часть времени отнимала мелочевка, мы подумали, что лучше всего скомпоновать трубы, рюкзаки и тому подобное в примерно одинаковые упаковки и передавать их друг другу по цепочке.

Когда эти ходы остались, наконец, позади, наступило одиннадцать вечера, и мы были измотаны напрочь. Пора было плотно подкрепиться — тем более, впервые с десяти утра.

К полуночи мы почувствовали себя лучше, и нам понадобилось всего несколько минут, чтобы установить шест в середине Полночного колодца. Поднявшись до половины стены, я забил скальный крюк. Это позволило нам закрепить середину шеста и предотвратить его чрезмерные колебания. Убедившись в этом, я продолжил подъем и высоко вверх прикрепил вершину шеста к скальному выступу.

Мне удалось подняться лазанием еще на пару метров и найти очень хорошее место для закрепления. Даже находясь не на самом верху колодца, я был достаточно близко, чтобы увидеть, что дальше ничего нет. Ничего, кроме скудных мелких трещин, которые были совершенно непроходимы.

Очередная наша атака была отбита.

В итоге, мы пошли посмотреть на Балконный колодец, и восхождение в нем показалось столь же безнадежным, как и раньше (см. *Карту 10 на стр.182, прим. К.Б.С.*).

На противоположной стене колодца на уровне выше наших голов чернела квадратная дыра, и мы раздумывали, сможем ли до нее добраться. Было похоже, что за ней находится небольшая площадка, которая вполне может оказаться дном более узкого колодца, идущего параллельно Балконному — и в нем, вероятно, намного легче добиться успеха!

Мы сразу же приступили к реализации этого проекта и, используя скальные крючья по мере лазания вдоль узкой полочки над колодцем, преодолели траверсом несколько метров, но дальше стена шахты становилась гладкой и непроходимой. Казалось, нет никакого способа прелезть на противоположный балкон, к тому же мы все еще были

метров на 7 ниже него. В следующий раз нам следовало запастись снаряжением для «наведения мостов». А сейчас пришлось ограничиться спуском на дно Балконного колодца. Его пол, являвшийся также руслом водотока, наклонно сбегал к очень большому, орошаемому каплей колодцу.

Это уже известный нам колодец или что-то новое? Судя по нашему местоположению, это мог быть как колодец над Душевым залом, так и место зарождения системы колодца Р.36. *(то есть, откуда начинается вертикальная часть вниз к Р.36, прим. К.Б.С.)*. В надежде прояснить эту проблему мы сбросили вниз две пустые консервные банки и покрасили воду небольшим количеством флуоресцеина.

Несколько часов спустя мы обнаружили банки в Душевом Зале.

Но пока мы все еще не понимали, что это за система, куда нам удалось перевалить, хотя прямое восхождение по ней снизу явно было сочтено невозможным — этот колодец имел непрерывно восходящую почти на 25 метров вертикаль и был сильно обводнен.

Конечно, уходя, мы оставили на месте все снаряжение: шест в Полуночном колодце и лестницы в Колокольном и Польском колодцах, поскольку надеялись довольно скоро вернуться.

Через месяц (29-30 мая 1943 года) мы возобновили атаку.

Чтобы перейти через колодец *(Балконный — на противоположный балкон, прим. К.Б.С.)*, Шарли разработал систему прикрепленных к центральной крестовине растяжек, конструктивно предназначенную для обеспечения жесткости шеста *(См. Фотографию № 14, прим. К.Б.С.)*

На этот раз смог приехать и Ферно, так как ему удалось урегулировать с немцами свое положение и найти удобную работу, которая избавила его от необходимости скрываться. Теперь он был пожарным в округе городка Сонт-Исмье. Эта должность (которой он, кстати, поделился с невероятным количеством коллег) требовала от него, в первую очередь, обслуживания похоронных процессий, с обязательной оставкой в каждой таверне района. По его словам, это было забавно, но очень утомительно. К счастью, масштабных процессий было не много и случались они редко.

Петі-Дидье (Шарли), весьма очарованный своим первым выходом с нами, большую часть свободного времени посвящал разработке с Ферно новых проектов — этот новобранец действительно и по-настоящему увлекся. В этот раз он прибыл со своей девушкой и одним из друзей, плюс с нами были Ганьер и Трёмю.

У нас было всего два свободных дня, поэтому мы встали в шесть, чтобы успеть на первый поезд до Гренобля, и как только добрались до Сонт-Понкрас, тут же отправились к Гляз.

Когда мы вошли в пещеру, было почти семь вечера. К счастью, колыдцы были уже навешены, поэтому продвигаться можно было быстро.

Мы были на Балконном колодце незадолго до полуночи. В час ночи мы начали собирать новое устройство Шарли, перед тем как пронести его через последний из меандров. Наконец, мы натянули последнюю из растяжек. Одновременно мы перебросили хорошую веревку через небольшой выступ примерно в 3,5 метрах выше — это должно было помочь стабилизировать шест, пока его перекидывали через зияющую пустоту.

Момент был волнующий, так как если подготовительные работы сделаны плохо, шест рухнет с 15 метровой высоты на дно колодца, увлекая за собой все наши большие надежды. Постепенно верхушка шеста медленно приближалась к противоположной полке . . . еще два метра . . . еще полметра или около того . . . и вот она на месте, цела и невредима.

К 2.30 утра мы завершили установку: наш 7-метровый мост был перекинут через колодец. Конечно, шест был слишком слаб, чтобы выдержать наш вес — и, как обычно, он просто служил опорой для лестниц. Шарли спустился на дно колодца, чтобы подняться по длинной лестнице с другой стороны. Все шло хорошо, шест не дрогнул.

Момент перехода с лестницы на полку всегда неприятен, но Шарли справился успешно.

— Ну, давай самое худшее, — кричали мы, — Что там дальше?

Он не отвечал, внимательно всматриваясь вверх, при этом недовольно скривившись. Наконец:

— Лезьте сюда и смотрите сами. Возможно, мы сможем это сделать.

Я поднялся к нему и обнаружил, что мы находимся на дне узкого, до 3-х метров в диаметре, ствола с отвратительно гладкими стенами. Несколько выйдя из-под контроля, Шарли хотел пролезть первые несколько метров скальным лазаньем, хотя я настойчиво возражал. Но поскольку отговорить его не удалось, я дал ему попробовать. Возбравшись метра на 3, он начал понимать, что между подземным и альпийским лазанием мало общего, и спустился обратно.

— А как насчет шеста? — настаивал он. — Почему бы не разобрать его и не попробовать здесь?

— Это вариант, но хватит ли его длины? Здесь метров 25 отвеса и нигде ни намек на полку.

Так что мы отступили, расстроенные.

Тем временем Фернó и Ганьёр периодически задрёмывали на первом балконе, в опасной близости от края колодца. От наших воплей они неохотно проснулись, чтобы сфотографироваться (фото 14), а затем мы присоединились к ним, и все вместе принялись разбирать шест.

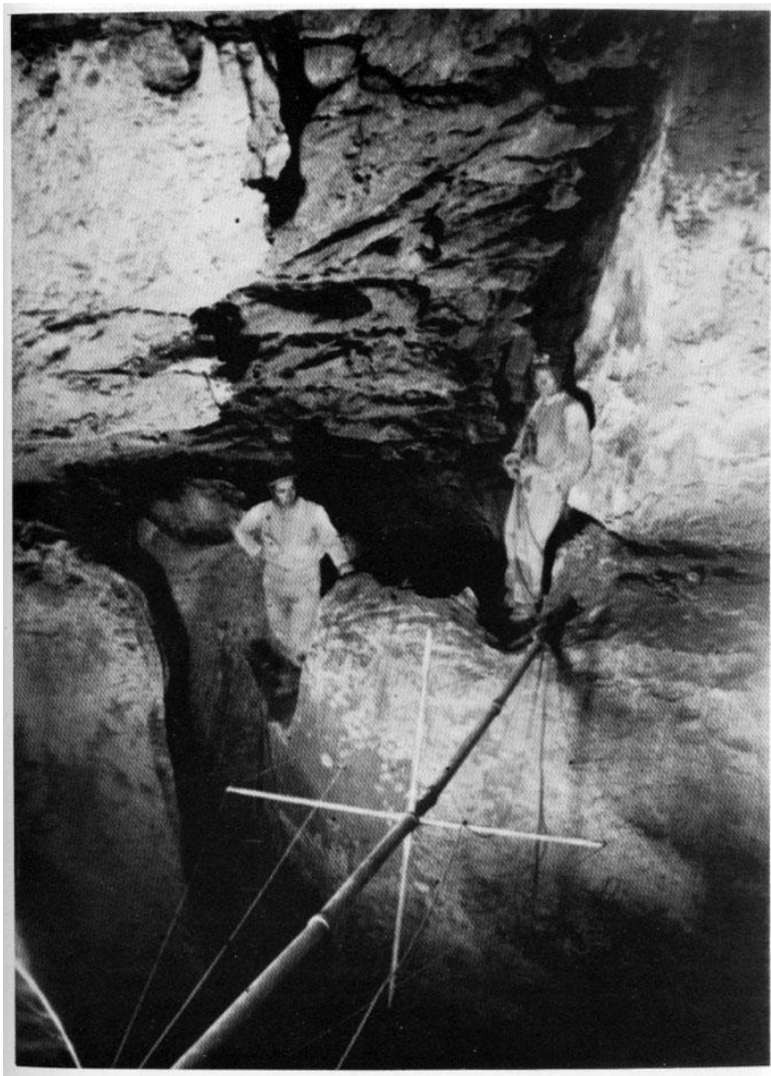

Фото 12. Фернó (слева) и Ганьёр просыпаются и позируют для фото.

Постепенно наше снаряжение беспорядочно скапливалось в Полудном колодце. Мы сматывали веревки и лестницы. Измученные бессонной ночью и подавленные неудачей, мы во второй раз приняли едино-

душное решение больше не предпринимать попыток в этом ужасно трудном районе.

В следующей экспедиции лучше попробовать Купольный Зал.

Это означало, конечно, что придется снова снять наше снаряжение с колодцев и унести с собой.

К 6-ти утра в дело пошла бутылка грога (*grog* — ром с водой и сахаром, прим. К.Б.С.). За пару кругов она опустела, но укрепила наш дух. Теперь мы чувствовали, что сможем протащить все снаряжение через лабиринт, хотя нам предстояло сделать две ходки: одну с шестом, вторую с мешками.

Мы опробовали новую схему транспортировки секций шеста, нанизав трубы на веревку. Этим мы надеялись избежать падения какой-нибудь из них на дно меандра, откуда ее едва ли удастся достать.

На третьем переходе Шарли подошел к провалу над устьем Колокольного колодца. Вдруг мы услышали позади ужасный шум. Одна из труб свалилась в меандр, а остальные, лежавшие гармошкой на хорошо и плотно уложенной куче мешков, потянулись за ней по общей веревке. К счастью, после ряда акробатических трюков вниз головой Ферно удалось-таки втащить наверх одно звено, а затем мало по малу все остальные.

Затем я расклинился в распоре над Колокольным колодцем, и Шарли помогал мне вывешивать трубы одну за другой. Когда девять или десять секций болтались в пустоте, их вес начал доставлять беспокойство: под грузом веревка растянулась, и каждая следующая секция уже с метр просто падала бесконтрольно. Это приводило к хорошему рывку как на меня, так и на веревку. Порвется или не порвется? Но, наконец, последняя секция благополучно вывешена, и мы позволили веревке скользить в руках, пока всё не оказалось внизу.

В восемь утра мы вернулись после первой ходки к Полночному колодцу и обнаружили, что подруга Петі-Дидье совершенно безутешна и практически уверена, что ее бросили.

Вот, подумал я, это то, чего больше допускать нельзя!

Надо признать, что для первого раза ей не повезло.

Вторая ходка транспортировки прошла без происшествий, после чего мы спустились в оба колодца — в Колокольный, а затем и в Польский.

В час дня 30-го мая (1943) мы только-только управились, поэтому оставили шест на входном уровне и помчались со всех ног, опасаясь пропустить последний поезд до Лиона.

9. Система Купола

Гренобль, площадь Нотр-Дам (*Place Notre-Dame*). Ферно́ и Шарли беседуют среди густеющей толпы. Время от времени они опускаются на корточки, рисуют на земле какие-то линии, делают быстрые вычисления, а затем, привставая на цыпочки у стены дома, предаются интригующим гимнастическим упражнениям. После нескольких часов таких занятий, идея, которую я, не будучи уверенным в своих силах, предложил им в письме, получила воплощение.

Ферно́ времени не терял: он приступил к работе, и когда я присоединился к ним в июле 1943 года, показал мне превосходную деревянную платформу.

Идея этого проекта совершенно проста. Как мы помним, Купольный Зал был слишком высок для восхождения с помощью одной установки нашего штурмового шеста. С помощью скальных крючьев мы намеревались подвесить платформу на середине стены колодца и уже с нее предпринять вторую установку, которая, если все пойдет хорошо, приведет нас на самый верх.

Ферно́ с трудом дотаскивал громоздкую конструкцию до Купольного Зала. По ходу она периодически служила нам сухим сиденьем на время перекусов. Это так и осталось единственным ее применением, поскольку нам удалось полностью обойтись без нее.

Сначала мы осмотрели место появления воды. Вода приходила из расщелины в скале, до которой было легко добраться, поднявшись примерно на 9 метров по вертикали. Расщелина была узкой, но все-таки проходимой. Я только осмотрел её — прелести водопадов уже некоторое время меня не привлекали, поэтому я не упорствовал.

Сменив меня, Тремю́ пролез в расщелину и вышел на дно совсем узкого колодца, обильно обводненного.¹ Отличные зацепки в форме весьма острых отслоев облегчали подъем, но вскоре поток воды залил его ацетиленовую лампу. Наступила кромешная тьма.

Аннет, шедшая за ним, отдала Жану свою электрическую, не без пары ласковых, конечно, так как она давно уже сама хотела пойти первой. Промокший еще до завершения подъема, под водопадом, пробирающимся водой через рукава и воротник до самых ботинок, Жан продолжил подъем, так как теперь ему нечего было терять.

¹ Этот колодец называли потом колодец Тремю́ (*Trémeau Shaft*), см. Карту 7 на стр.88, прим. К.Б.С.

Когда до верха оставалось около 14-ти метров, ему пришлось совершить быстрый рывок через каменную плиту, чтобы уйти из-под сильного напора воды, после чего ему удалось подняться еще примерно на метр. Выше было небольшое эллиптическое окно, из бассейна за которым текла вода. Но до окна было около 2-х метров по вертикали, а боковые стены были стекольно-гладкими. Раз десять Жан пытался подняться на распорах «ноги-плечи», но ботинки скользили, и он снова и снова сползал.

Наконец он оказался на уровне окна и одной рукой в нем. В безумной борьбе ему удалось протиснуться в окно до пояса, при этом запрудив собой ручей, что вызвало ослабление потока, совершенно для нас необъяснимое.

Постепенно он продвигался и, в конце концов, смог выбраться из этой ванны. Теперь, в 35-ти метрах от пола Купольного зала, он находился у подножия 9-метрового колодца.

Мы не видели никакой возможности поднять туда наш штурмовой шест. Да и вся команда промокла бы еще до начала восхождения. Это было очень печальным фактом.

Жан снова спустился, в конце разочарованный и совершенно неспособный к дальнейшей работе. Ему ничего не оставалось, как вернуться на поверхность, чтобы высохнуть на солнце, и до той поры его не было с нами несколько часов.

Во время его отсутствия мы установили штурмовой шест в другом углу Купольного зала и взобрались на приличную полку примерно в 9-ти метрах над дном. К нашему удивлению, это оказалась не просто полка, а окно в короткий ходок. В нескольких метрах дальше перед нами вниз открылся колодец, и мы оценили его глубину за 40 метров.

Над коротким ходком, по которому мы только что пришли, оба колодца соединял еще один ход, и его свод имел идеально стрельчатую форму. Такой тип хода и форма этого нового колодца объясняли, где мы находимся — мы оказались в древней системе, из которой потом возник верхний ярус Гляз. Наконец-то нам представлялась возможность выяснить, откуда он начинался.

Страхуемый веревкой, Ферно спустился в 40-метровый колодец и сообщил о находках — он попал в Часовню над P.L.4!¹

Теперь вся схема была ясна. Оба яруса имели общий исток, но разделялись на две разные ветви только на участке между Часовней-P.L.4 и верхом Фонарного колодца.

¹ Часовня — *Chapel, P.L.4*, см. Карту 7 на стр.88, на схеме верхняя часть этого более чем 40-метрового колодца называется *Готический колодец (Ogive Shaft)*, а нижняя — *Часовенный колодец (Chapel Shaft)*, прим. К.Б.С.

Следом за Ферно спустилась Аннет, за ней пошел Жан, вернувшийся к нам более или менее сухим. Когда он спускался, веревка, на которой был узел, застряла в узкой трещине, а Жан был только на полпути вниз по стволу. Я дергал. Он дергал. Ничего не получилось: веревка хорошо и по-настоящему застряла. Жан висел, сидя на ступеньке лестницы, терпеливо ожидая, пока я найду выход из ситуации.

И тут на него обрушился серьезный камнепад, так как я слишком резко рванул веревку. Ослабленная долгим воздействием влаги, она оборвалась в узле, и я упал назад. Этой веревке предстояло занять место в нашем хорошо заполненном морге пеньковых веревок, почивших в Гляз, сгнив еще до того, как вышли из строя из-за износа.

Подобные неудобства, неизбежные при использовании пеньки, будут обременять нас еще несколько месяцев, и только потом мы получим истинное благо для спелеологии: нейлоновую веревку — неподверженную гниению, износостойкую: идеальную веревку для подземных работ.

Но вернемся к нашему Готическому колодцу. Сдернутый веревкой камень разбил ацетиленовую горелку Жана, после чего в полной темноте ему пришлось освободиться от порванной веревки, все еще заклиненной узлом в трещине, и спуститься вниз оставшиеся 18 метров.

Петцль любезно встретил Аннет и Жана на нижнем (втором) ярусе, после чего они присоединились ко мне.¹

В тот день мы не продвинулись дальше и покинули Гляз.

Ночь была бесподобно прекрасной, когда мы добрались до постелей на конюшне в Сонт-Понкрас, которые должны были оставить еще до рассвета.

¹ Как присоединились? Шёвальё, конечно, достаточно просто вернулся из Купольного зала к верху Фонарного Колодца. Но Ферно, Аннет и Жану пришлось бы подняться по трем не маленьким уступам Фонарного колодца (P.L.3, P.L.2, и P.L.1), причем без помощи навески, так как они ведь не навешивали их предварительно... — не очень простые уступы, по моему мнению. Или они вылезли вверх по лестнице, на которой только что застрял Жан?

И только на стр. 124 выясняется, что снаряжение в Готическом колодце осталось навешенным, так что скорее всего именно по нему Аннет, Жану и Ферно вновь взобрались наверх, оставив навеску в колодце. Прим. К.Б.С.

В начале ноября 1943 года у нас было три свободных дня на День Всех Святых (*All Saints*). Транспортные условия становились все хуже и хуже, поэтому я хотел воспользоваться этой лучшей из наших возможностей и спланировал две экспедиции одну за другой: первую с штурмовым шестом в Купольный Зал, вторую, также с шестом, в пещеру, которую мы обнаружили на Восточной стороне Дент де Кролль (мы еще вернемся к этому позже, см. стр.141).

В последний момент меня свалил скверный приступ гриппа. Мне удалось добраться до шале Коль дез Айёс (*Col des Ayes*), и тут я решил, о-очень неохотно, позволить товарищам идти без меня. Это была первая экспедиция, которую мне пришлось пропустить. И хотя я надеялся, что ко второму выезду оклемаюсь, все же мои надежды не оправдались, и мне пришлось отказаться от обоих.

Как мне рассказали, в тот день в Купольном Зале Шарли не было никакого удержу! Они с Аннет были полны решимости форсировать восхождение. Ферно́, его брат Эдмун (*Edmond*) и Ганьёр прекрасно возглавляли группу.

За две превосходные установки шеста Шарли добрался до верха колодца (колодец Петі-Дидье — *Petit-Didier Shaft*).

Первая — с Готической площадки (*Ogive platform*),¹ позволила совершить наклонное восхождение на другую сторону Купольного колодца до узкой полочки.

Вторая — вертикально, примерно на 9 метров, привела к удобной площадке. Вверх с нее он поднялся скальным лазанием, затем прошел 18 метров меандра и достиг круглого основания колодца со значительным водопадом. Сюда же приходил снизу самый верх колодца Трёмю (*Tremeau Shaft*).

Вот так мы победили Купольный Зал.

Неделю спустя Шарли привел в Гляз четырех юных инструкторов (по восхождениям) с целью их спелеологического посвящения и развил свой успех: траверсировав по верху устье колодца Трёмю, он с помощью штурмового шеста преодолел два до того не пройденных вертикальных участка (*и дошел до Тронного зала под Тронным колодцем — Throne Shaft, прим. К.Б.С.*)

¹ Готическая площадка — это площадка окна перед верхним из двух ходов ведущих из Купольного колодца к верху Готического колодца — *Ogive Shaft*: 40-метрового колодца вниз к Часовне над P.L.4, о котором было рассказано выше на стр.116, прим. К.Б.С.

Дальнейшее его продвижение остановила слишком узкая расщелина, после восхождения в общей сложности на 73 метра.

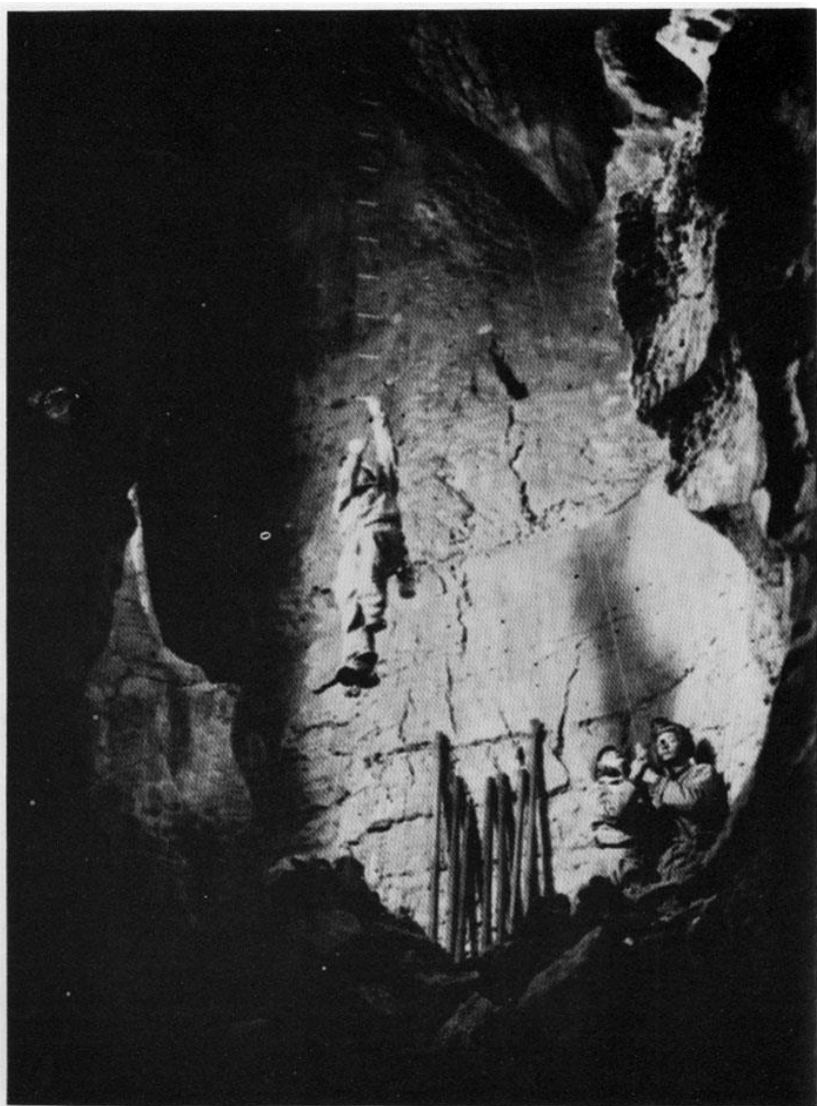

Фото 13. Подъем Петй-Дидье на обратном пути из пещеры

(лестницу, по которой он лезет, вытянули веревкой: a final rappel — последнее продергивание, и теперь вдвоем удерживают противовесом; у стены разобранный штурмовой шест, прим. К.Б.С.).

Летом 1944 года, воспользовавшись очень сухим сезоном, мы отправились в наш последний штурм. В течение долгого времени я волновался, что нас будет слишком мало для затеянного, но, к счастью, в последний момент вместе с Шарли и Ферно пришел Пютод (*Putod*), молодой член Лионского отделения С.А.Ф. (*S.A.F. — Французского Альпийского Клуба, прим. К.Б.С.*), став незаменимым четвертым человеком в работе с шестом.

Чтобы набрать форму перед экспедицией, как-то к вечеру наша четверка предприняла восхождение по восточной стене Дон-де-Кроль.

Фото 14. Взлет Восточной Стены Дон-де-Кроль

Хотя мы отлучились ненадолго, нас ждал неприятный сюрприз: наш лагерь под восточной стеной был обворован, и мы лишились надувного матраса, фотоаппарата и некоторых других вещей.

На следующий день Шарли и Ферно отправились в Сонт-Илер, чтобы навести справки, но, хотя у нас были прекрасные отношения с полицией и Маквисой (*Maquis — партизанами, прим. К.Б.С.*), ни единой вещи найти не удалось. Они вернулись сытыми всем по горло.

Что было делать? Если мы уйдем из лагеря и начнем какую-то экспедицию, что станет с нашим имуществом? Любой мелкий воришка в округе сможет «угоститься» оставленным. Мы решили, что лучше всего сделать так, чтобы со стороны наша стоянка выглядела как укрепленный военный лагерь, и спрятать самые ценные вещи глубоко в пещере.

В девять часов вечера 7 августа 1944 года мы вошли в Гляз, неся шест. В Колодце Петі-Дидье (*Petit-Didier Shaft*) снаряжение висело уже восемь месяцев. Мы основательно проверили лестницы, натягивая, и рывками, и посчитали, что они в удовлетворительном состоянии. Поэтому мы поднялись по ним, втащили трубы и мешки и обошли траверсом устье колодца Тремю.

Две установки шеста привели нас к Тронному Залу (*Throne Chamber*), которого Шарли достиг в ноябре 1943 года.

Было два тридцать утра 8 августа 1944 года.

В прошлый раз с помощью опор, зацепок и других приемов скального лазания Шарли поднялся до остановившей его расщелины, но штурмовой шест позволил нам преодолеть весь главный ствол и добраться до полки в 11-ти метрах выше на краю очень глубокого бассейна.

Вторая установка шеста дала еще около 8-ми метров по вертикали и позволила достичь хорошей площадки, достаточно обширной, чтобы вместить нас всех (Полка Пютóда — *Putod Shelf*).

Мы находились на высоте более 80 метров над Купольным Залом. Ход продолжался вверх и изобилдовал препятствиями. Прямо перед нами восходил колодец диаметром до 5-ти метров, по противоположной стене которого водопадом шла река. Место, откуда она изливалась, выглядело входом в меандр примерно в 10-ти метрах над нашими головами.

Чтобы попасть туда, нам надо было пересечь колодец к его противоположной стене, и по счастливой случайности в своей верхней части этот колодец был очень узким. Два расположенных со смещением «бутылочных горлышка» вполне могли поддержать наш штурмовой шест, поэтому, даже установленный под углом 45 градусов, он не должен был сильно сгибаться.

Шарлі первым отодвигал границы неизвестного. Он достиг меандра, отправился на разведку и вышел к серии небольших подъемов, где шест оказался не нужен, поскольку система была достаточно узкой для обычного скального лазания. Я последовал за ним, Ферно — за мной. Пютóда мы оставили внизу, так как кто-то должен был придерживать основание шеста.

Четыре или пять уступов, высотой около 2 метров каждый с большими водопадами, вскоре вывели нас на более высокие уровни. Мы поднялись выше отметки 110 метров над Купольным Залом, когда Шарлі объявил, что кто-то из нас тут не пройдет. Ход, и до того достаточно тесный, ужасно сузился, и в том, что касалось моего продвижения, на этот раз все было кончено. Я протискивался, как мог, но пролезть не удавалось. Если бы стоило того и было нужно, я бы разделся полностью, но в данный момент я воздержался.

Ретиrowавшись, я уступил место Ферно, и дальше они с Шарлі пошли без меня. Судя по всему, у них получалось крайне медленно, потому что в течение их двухчасового отсутствия я постоянно слышал, как они скребли о стены меандра. Всего они продвинулись метров на 40, последовательно преодолев три стенки, высотой от пяти до десяти метров.

Я всегда надеялся, что когда мы достигнем орбитолиновых мергелей¹, то найдем новую систему галерей. Теперь эта надежда быстро угасала, потому что ход становился все уже и уже.

В девять утра 8 августа 1944 года оба мои компаньона были вынуждены повернуть обратно. При спуске один из колодцев оказался настолько «плотно откалиброван», что Ферно не смог нормально обвязаться веревкой для спуска. В итоге он небрежно обмотал ей бедро и ступню одной из ног и сам не понял, как через пару секунд оказался внизу — благо, что невредимым.

По ходу того, как мы уходили вниз, неожиданные трудности преподнес спуск снаряжения по Тронному колодцу. Шарлі, взявший на себя ответственность за груз, хотел за один раз спустить все сразу с полки Пютóда до верха колодца Тремю.

Мы были разделены огромным расстоянием, и оглушительный рев водопада, не говоря уже об усталости после изнурительной долгой работы, не давали нам прийти к согласованным действиям.

¹ Мергелевый слой орбитолины — *orbitolina* — вид палеораковин, который дает название соответствующим слоям осадочных пород, прим. К.Б.С.

Вдобавок Ферно́ оторвался слишком далеко, и у него возникли проблемы со светом под водопадом над колодцем Тремю́. В результате ему пришлось обходить траверсом устье этого колодца абсолютно без света и совершенно вне голосовой связи с нами.

Но в конечном итоге — не без обмена парой-тройкой острых высказываний — все кое-как уладилось.

В семь вечера 8 августа 1944 года мы покинули Гляз. Наиболее удаленная точка, которой мы достигли, была на 147 метров выше Купольного Зала, в результате чего разница по высоте между ней и источником, вытекающим из Ги-Морт, составила 533 метра.

Но выйти когда-либо за пределы конечной точки того дня перспектив не было — эта система закончилась. Она никогда не сможет вывести нас на плато, все еще лежавшее сотней метров выше.

Внешне все выглядело как успех, но на самом деле это был очередной провал.

ЧАСТЬ III

На Восточную сторону

=====

10. Галерея 43

Завершение истории Лагеря 1943 года:

— мы закончили трехдневный каторжный труд на дне Р.40 (*см. стр.101-102, прим. К.Б.С.*).

— мы оставили всякую надежду добиться успеха в активной системе Гляз: как на нижнем, так и на верхнем уровнях все наши усилия ни к чему не привели.

Исследование Гляз близилось к концу, и мы подумывали закончить его, так и получив полного удовлетворения от достигнутого.

А проблема древних систем все еще ожидала решения.

В июле 1943 года открытие Готического колодца показало нам, что оба яруса галерей Гляз были двумя ветвями одной и той же системы, приходящей в основном из колодца Ферно́. Мы были в полном неведении относительно происхождения этой древней сети. Начиналась ли она из карровых трещин (лапияз), как это делала уже известная нам система? Выходила ли где-то в скалах Восточной стены Дон-де-Кроль? Все это было загадкой.

Лучшая из возможностей решения этой проблемы представлялась в том, чтобы вернуться к колодцу Ферно́ и поискать там продолжение главной галереи, вероятно, забитой какой-нибудь пробкой.

Утром 30 августа (1943 года) мы из лагеря на плато отправились в Гляз, чтобы с этим разобраться. Но с момента входа в пещеру даже самые оптимистичные члены нашей группы должны были признать, что все идет не так, как надо. Возможно, не оправившись полностью от усталости предыдущих трудных дней (*раскопки в Р.40, прим. К.Б.С.*), возможно, из-за слабеющего боевого духа в придачу, но перед уходом из лагеря мы не слишком тщательно проверяли свое снаряжение.

В результате наши налобники светили настолько плохо, насколько это вообще было возможно, и мы обнаружили, что у нас всего две переносные ацетиленовые лампы на всех — а было нас пятеро: Аннет, Шарли́, Трёмю́, мой старый товарищ по восхождениям в горах Соувáж (*Sauvage*) и я. Что ж, теперь суетиться было поздно. Впрочем, мы ведь только собирались посмотреть, можно ли преодолеть завал в галерее, а с этим вполне можно справиться и с тем, что у нас было.

Снаряжение, навешенное в Готическом колодце месяц назад, оставалось на месте (см. *Карту 3 на стр. 43, прим. К.Б.С.*). И теперь мы могли использовать его, чтобы спуститься на второй ярус.

Как ни странно, в группе только я знал колодец Ферно́, поскольку Петцлю на пару дней пришлось уехать в Гренобль. Оставив лишнее снаряжение, мы спустились по 24-метровому колодцу Ферно́ и отправились вдоль центральной галереи, которая через 50 метров заканчивалась тупиком. Я не сомневался в том, что вода когда-то поднималась через колодцы Ферно́ и Фонарный и, следовательно, она некогда приходила из нынешнего тупика центральной галереи.

Едва добравшись до входа в галерею и подняв взгляд, я увидел проход. Прямо под потолком нависала над пустотой заметная полка. Поскольку до сих пор мы искали путь вниз, а также из-за плохого света налобных ламп, мы не замечали эту полку в предыдущих посещениях.

Это был не самый удобный путь. Время от времени полка прерывалась (в ней появлялись провалы), и нам приходилось проявлять предельную осторожность, продвигаясь по ней. По большей части пол был покрыт глиной, образовавшейся в результате разрушения известняка, осыпавшегося здесь и там, а зацепки на стенах были сомнительной прочности. Но сам факт наличия этой полки был для меня достаточным доказательством тому, что когда-то здесь существовала галерея, пол которой на каком-то этапе исчез, и что этот путь наверняка куда-то приведет!

Пятьдесят метров «траверса» вывели нас за пределы последней известной нам точки, и мы оказались примерно в 15-ти метрах выше нее. Впереди проход сужался, но наша полка, обретя пол и превратившись в галерею, все также продолжалась по прямой, простираясь по разлому. Раньше вода здесь должна была течь под давлением, и галерея имела характерную для этого форму: достаточно постоянное направление со случайными резкими поворотами влево или вправо.

На протяжении следующих ста метров ход изобиловал распорными участками и бутылочными горлышками (*bottle-neck tubes*).

Мы все время чувствовали очень слабый ток воздуха. Его направление озадачивало: он приходил из Гляз (*дул им в спину, прим. К.Б.С.*) и устремлялся, одни Небеса знают, куда.

Пропади оно пропадом! Может, мы были на новом пути к пещере Ги-Морт? Едва ли, так как продвигались на юг. Однако, если мы все-таки приближались к Восточной стене, то ветер должен был иметь обратное направление. Все это было непонятно, но тогда я не мог уделить этому нужного внимания.

Фото 15. Вдоль по полке по-над пропастью

Исследовательский азарт охватил нас, и мы соперничали друг с другом в новых открытиях — одни взбирались на распорах метра на 3 вверх, в то время как другие изо всех сил пробивались вперед в глубинах разлома.

Естественно, взволнованный, как никто другой, я был не в состоянии сдерживать всеобщее рвение. Но наше продвижение было прервано неожиданным препятствием — колодцем. Мы были убеждены, что будем все время подниматься, и вдруг — надо спуститься на более

низкий уровень. Было похоже, что гипотеза Ги-Морт получала подтверждение...

Что за невезение преследовало нас!

Остановить Аннет не представлялось возможным: она была уже на полпути вниз. Строго говоря, это был не колодец, а продолжение разлома, уходившего вниз к неизвестному, — еще один ход, некогда сформированный движением напорных вод снизу вверх.

В 3-4 метрах ниже разлом расширялся, и Аннет начала понимать, что ее затея не слишком перспективна. Мы очень настойчиво убеждали ее вернуться и, наконец, она согласилась, поднявшись к нам с достаточным трудом.

Мы бросили несколько камней и убедились, что глубина здесь превышала 18 метров. Без лестниц делать было нечего. К сожалению, мы оставили их далеко позади над колодцем Фернó. Кроме того, наши две лампы с самого утра не получали свежего карбида, а сейчас было семь вечера.

Некоторое время мы колебались.

Потом кто-то сказал:

- Сколько времени нужно, чтобы сходить туда и обратно?
- Если хорошо постараться, часа полтора.
- Тогда давайте.

Фото 16. В основании Диаклазы Аннет
мы ищем путь вперед через Гляз

В итоге за необходимым снаряжением пошли Шарлі и Трёмю.

Начало было неудачным — лестница застряла в трещине.

Уже через пару метров спуска наша одежда попадала в когти бесчисленных буйных конкреций в форме цветной капусты.¹

Еще ниже вода убегала в трещину.

Снова достигнув земли, мы обнаружили ход, но он был завален. Следующий был проходим, но, войдя в него, мы тут же вымокли под водопадом.

Мы спустились еще метров на 5 и подошли к карнизу.

Кто-то крикнул:

— Давайте быстрее! Галерея!

Это была победа. Теперь мы находились над продолжением Гляз: под нами галерея, 3,5 метра в ширину и от 2 до 3-х высотой, уходила вверх в южном направлении.

Это был очень волнующий момент, преисполненный острой радостью — один из тех слишком редких случаев, способных искупить частые разочарования и обманутые надежды, которые сопутствуют спелеологу.

Аннет все время спускалась первой — она это, безусловно, заслужила, считали мы. Я догнал ее идущим следом Шарли только перед последним уступом. Меня не оставляло сильное чувство, что группа должна держаться вместе как один человек. Но этих двоих было не унять, поэтому я послал их осмотреть галерею вниз по течению, где отсутствовала тяга воздуха. Вскоре они вернулись, сообщив, что через 50 метров галерея заблокирована аллювиальными отложениями.

Когда мы собрались под спуском из «Диаклазы Аннет» (*Annette Diacalse*) и, наконец, пошли все вместе, то продвигались медленно, опасаясь пропустить что-нибудь интересное и едва сдерживаясь, чтобы не припустить бегом, как малые дети.

Первое препятствие: галерею расщепил маленький неглубокий колодец, но за ним было хорошо видно продолжение. Шарли попробовал обойти колодец слева, сначала ползком. В этой затее не было и намека на безопасность — все было чрезвычайно опасно. Но одним огромным шагом он преодолел последнюю расселину и оказался на другой стороне.

¹ В Геологическом Музее, Южный Кенсингтон (*Geological Museum, South Kensington*), есть прекрасный образец «конкреции цветной капусты», прим. переводчика на Английский язык.

Фото 17. Траверс над колодцем (колодец Траверса)

После этого колодца Траверса (*Traverse Shaft*) нас остановил другой колодец: более значительное препятствие, чем предыдущий. На этот раз продолжение галереи за ним находилось метрах в 4,5 выше. Горловину колодца обойти было довольно легко, но потом предстояло залезть на стенку. На ней были один или два отсоя, которые могли бы послужить опорами, но, едва кто-нибудь пробовал хоть немного их нагрузить, они отваливались.

С хорошей поддержкой Шарли, прижимавшего меня к стене, я медленно поднимался, стараясь ничего не нагружать на отрыв. Наконец, я выбрался наверх этой трухлявой стенки, веревка сделала восхождение остальных более безопасным, и мы пошли дальше.

Дальше система стала сложнее. На развилках мы оставляли пирамидки из камней, каждый раз выбирая галерею, в которой поток воздуха чувствовался сильнее. Мы все еще продвигались на юг.

Перед нами открылся еще один колодец, и на этот раз обхода не было, поэтому в него предстояло спуститься. Судя по звуку брошенного камня, можно было предположить глубину около 30 метров. Поскольку лестниц у нас не было, оставалось лишь отложить этот спуск на следующий раз.

Увы, время лагеря почти заканчивалось, и послезавтра нам предстояло перебираться в другое место. Точнее, завтра, (*то есть 15-го августа, прим. К.Б.С.*), потому что время было уже за полночь.

На обратном пути мы с большим интересом осматривались — ходов было много — одни уходили вверх, другие вниз.

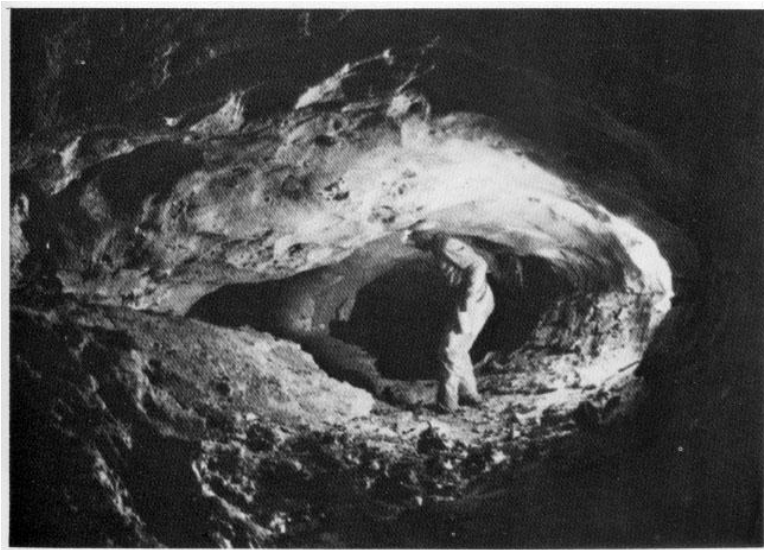

Фото 18. На обратном пути мы осматриваем каждую галерею

14 августа 1943 года в восемь утра мы вышли из Гляз и, усталые, но счастливые, поднялись к нашему лагерю. Этот выход длился двадцать три часа.

Мы падали от усталости и недосыпа — но только более ловким ребятам, чем мы, было бы под силу заснуть с такой оравой друзей, требу-

ющих мельчайших подробностей о неожиданных результатах экспедиции. Кроме всего, мы ничего не ели со вчерашнего утра, и благодаря искусству мадам Соувáж (*Madame Sauvage*) и Сюзáн Тремю (*Suzanne Trémeau*), для нас был организован грандиозный пир.

Герó и Нуáр шумно требовали огласить протяженность нашего перепрохождения. Я наскоро подсчитал по записной книжке и сообщил:

— 1307 метров новых галерей, не считая колодцев.

Все заплодировали, восклицая и восторженно топая ногами.

Мы были так измучены, так сыты по горло всеми событиями последних дней, что контраст получился замечательным. Общий подъем настроения вытеснил желание, все больше овладевавшее нами — а не бросить ли все это? — совсем не редкое в последние два года.

— А вчера ты говорил, что в Гляз ничего хорошего больше не светит!

Но я был так рад, что мог выдержать любые подначки. И когда Эдмýн Петцль сказал, что его брат Фернó обещал прийти в лагерь этим вечером, я принял решение: было немыслимо сворачивать лагерь — мы останемся еще на один день.

Усталость? — Ее можно перетерпеть.

Выспаться? — Как-нибудь в другой раз.

Если уж началось подобное, не было и речи, чтобы ждать еще месяц. Завтра же после обеда мы вернемся в «Галерею 43» (*Gallery 43, надо понимать, «Галерея 43» — это «Галерея 1943 года», прим. К.Б.С.*) и спустимся в этот последний колодец. Это решение было единодушно одобрено, и мы навалились на еду, поглощая ее с огромным аппетитом.

В это время было очень туго с продуктами, но нам крупно везло. В этом году на Дон-де-Кроллé паслось стадо овец, чего не было лет двадцать и что едва ли повторится в обозримом будущем, так как пастух теряет слишком много животных в таком труднопроходимом районе (лапиаз), как этот. Мы воспользовались этим обстоятельством и в первый же день лагеря купили овцу, каким-то образом получившую увечья. Эдмýн Петцль и Герó оказались очень компетентными мясниками, и туша, разделенная по всем правилам, была зарыта в плотный снег самой большой снежной воронки — идеальный естественный холодильник. Никаких жалоб на постоянную баранину при каждой трапезе не было.

Вдобавок мы были особенно рады избавиться еще и от кулинарных забот во время редких периодов досуга.

(В памяти всплыл случай во время лагеря прошлого лета. Когда однажды вечером мы вернулись из Р.40, то обнаружили, что на ужин была отвратительная похлебка — в бульоне подозрительной черноты плавали не опознаваемые куски и обрезки, а вилки вытаскивали цельные нечищенные овощи, некоторые даже с длинными не обрезанными корнями. Что-то было разварено напрочь, что-то наполовину сырое. Когда мы учинили допрос, виновник признался, что просто вытряхнул содержимое сумки в котелок с водой. В тот день его не убили только потому, что у нас просто не было на это сил.)

Сегодня все было совершенно иначе. Нам оставалось только почтительно склоняться и восторженно аплодировать качеству и количеству блюд, приготовленных мадам Соувáж на костре из сушняка. Один за другим мы отползали, объевшиеся и обессилившие.

Поспать толком не удалось. Наиболее азартным из нас хотелось знать, где мы точно остановились. Быстро набрасывая эскизы, я составил черновой план по записям прошлой ночи и смог довольно точно определить достигнутую точку.

От колодца Ферно́ мы продвинулись на 500 метров в южном направлении. Но пройдя следующие 200, мы должны были оказаться точно под вершиной Дон-де-Кро́ль. И это сильно отодвинуло нас от маршрута нашего восхождения по Восточной стене — места, которое мы ранее считали выходом-источником древней системы.

Пришедший в тот вечер Ферно́ был обрадован и удивлен нашим успехом, но не мог скрыть разочарования тем, что не участвовал в работах такого захватывающего дня. Идея завтрашней экспедиции его немного утешила: все-таки он получит свое.

Ферно́ принес с собой два сообщения — просьбы о срочном возвращении Шарли́ и Аннет. Но адресаты вряд ли обратили на это внимание.

Во время второго посещения Галереи 43 Петцль и Нуáр заменили Соувáжа и Тремю́ — первый должен был уйти, а второй остаться, к его великой печали, из-за ужасных болей в животе. Что касается Аннет, Шарли́ и меня — мы не отказались бы от места в команде и за все деньги мира.

Наше возвращение по известному маршруту не было ознаменовано никакими происшествиями. Мы вошли в два часа дня (15 августа 1943) и пять часов спустя были у колодца глубиной 30 метров, который скоро будет известен как Обвальный колодец (*Grog Shaft*).

После долгих поисков Шарли нашел подходящую трещину, и вскоре мы услышали обнадеживающий звон скального крюка, хорошо входившего в скалу под ударами молотка.

Мы закрепили лестницы. Наскоро расчистив усыпанный обломками край, я спустился вниз. Едва оказавшись на дне, я быстро осмотрелся, убедившись, что продолжение есть, а затем прокричал вверх добрые вести, и остальные последовали за мной.

Последней спускалась Аннет, пока все, собравшись под навесом, ожидали ее прибытия, чтобы снова отправиться в путь. Внезапно мы услышали крик, затем вниз обрушился град камней, с грохотом рухнувших на дно шахты. Встревоженные, мы готовились к глухому удару падающего тела...

Но ничего не произошло, и мы принялись кричать, окликая ее.

— Что случилось? — ответила она с непередаваемой невинностью.

Оказалось, что она сбросила неприятный кусок камня, крикнув, чтобы нас предупредить. Все образовалось, но наваяло нам с Ферно такие болезненные воспоминания, что мы с трудом сохранили самообладание. Так что, когда Аннет спустилась к нам, аплодисментов не последовало, и она долго не могла понять, чем мы так расстроены, приставала с расспросами и от души подсмеиваясь над нами.

И мы двинулись дальше. Сначала мы прошли над небольшим колодцем с осыпающимися стенами, что требовало осторожности и благоразумия. Затем глыбовый завал, который удалось достаточно комфортно преодолеть ползком, хотя он и выглядел непроходимым.

Здесь мы обнаружили, что галерея значительно расширяется. Пол покрывала мягкая глина — настоящая выючная тропа, удобная для ходьбы. Это было выше наших сил. Мы с Ферно и так немного обогнали остальных, а теперь сорвались в галоп. Мы уже наверняка должны пройти под вершиной Дон-де-Кроль, но все еще продвигались на юг. Продолжая в том же духе, мы должны были выйти к его стене.

На ходу я спросил Ферно:

— Не припомнишь, может, видел какие-нибудь дыры, когда проходил вдоль этого участка горной стены?

— Я? Я никогда там не был.

— В смысле?

— Ну, вообще-то, я думал, это ты знаешь тут все насквозь!

Вот такие дела. За много лет мы побывали практически везде, но оказалось, никто из нас никогда не исследовал подножие Восточной стороны Дон-де-Кроль в районе южного отрога.

Теперь мы шли прямо к этой зоне. И где мы должны появиться?

Было похоже, что мы вот-вот выйдем прямо на восточной стороне Дон-де-Кролля — в окно на его скальной стене, через которое, радостно изумленные, увидим сияющий солнцем день — или, скорее, прекрасный лунный свет, поскольку день-то уже закончился.

Наше стремительное продвижение оставляло позади метр за метром — но в галерее снова начинались знакомые нагромождения разрушенных обвалившихся скал.

Мы преодолели первый завал, но следующий был тяжелый, и тут требовались раскопки. Однако тяга воздуха оставалась, и это нас ободряло. Валуны буквально порхали по воздуху, и камин, который я раскапывал снизу вверх, постепенно открывался. Прошло четверть часа, и я смог проскользнуть в просвет. Проход был отвратительно узким, но я мог видеть, что немного дальше он расширяется.

Вскоре мы снова побежали и оказались на гулком натечном полу. Потолок все понижался, и теперь мы передвигались на четвереньках. Затем свод совсем навалился на спины, и мы распластались на животе. Потом со скрежетом заклинил мой шлем. Мне пришлось его снять, но даже так я не мог продвинуться ни на сантиметр. Поэтому я предложил Ферно идти к Восточной стене одному. Он продирался, как мог, но очень скоро тоже застрял — носом в пол, спиной в потолок — сплюснутый так, как это вообще было возможно. А эта обманчивая тяга воздуха, столь мимолетно неуловимая, все также бросала нам вызов, неудержимо исчезая в направлении следующего ближайшего завала (*barrier-wall*).

Это поражение было настолько неожиданным, что нам не удалось принять его философски. Ошеломленные и обескураженные, мы развернулись на 180 градусов и отступили.

Подошла остальная часть группы, горячо и справедливо упрекая нас в том, что мы оставили их, и мы позволили этому шторму пролететь над нашими головами, слишком расстроенные, слишком жестоко потрясенные крахом нашей золотой мечты, чтобы оказать какое-либо сопротивление. Растерянный, я просто сидел и ждал, пока остальные долго и старательно искали выход. Шарли и Нуар осмотрели главный ход, Аннет и Ферно по очереди залезали в каждое «сжатие» и «сплющивание»¹, какие могли найти.

¹ Интересно, что в английском языке есть логичное терминологическое различие в классификации узостей: «сжатие», вертикальная в сечении — *squeeze*, и «сплющивание», горизонтальная в сечении — *flattener*... прим. К.Б.С.

Нигде не было ничего — кроме косточек летучих мышей и мельтешни моли, обитающей в пещерах (*cave-loving*), что говорило о близости к поверхности.

Что же касается нас — нам предстояло возвращаться через Гляз.

В час ночи (16 августа 1943) мы отправились в обратный путь.

К пяти часам утра мы закончили топографические измерения, охватывающие около 800 метров новых галерей, и вернулись под Обваль-ный колодец.

Здесь мы предприняли еще одну атаку — на участок галереи, перекрытый завалом. Мы пробивались в него пять долгих часов, но и тут нам не повезло. Время от времени кто-то из нас падал от усталости, чтобы максимум через полчаса проснуться от холода.

В одиннадцать утра я дал сигнал уходить.

У колодца Траверса — единственное обводненное место во всей Галерее 43, мы надолго остановились, чтобы поесть. Каким же мрачным это возвращение было для нас, замерзших до мозга костей и страдающих от боли в каждом суставе. Должно быть, мы выглядели как обитатели дома престарелых (*Old Folks' Home*), плетущихся спать по сигналу «отбой».

Полусонные, мы поднимались довольно медленно.

В десять часов 16 августа (1943), после тридцати двух практически бессонных часов под землей, мы вышли из Гляз.

На выходе с нами расстался Ну́р. Завтра с утра он должен был сесть на пригородный поезд до Сонт-Понкрас, и у него не было причин снова подниматься в лагерь. Помимо личных вещей, он унес тяжелую ручную помпу весом более 9-ти килограммов. Ну́р исчез из виду на спуске тропы к перевалу Айес. Но добраться до станции в ту же ночь ему было не суждено. Совершенно измученный слишком изнурительной экспедицией, он прикорнул где-то на пути вниз и опоздал на свой утренний поезд.

Остальная часть группы достигла палаток в **одиннадцать** и приготовила отличную трапезу. Здесь мы снова собрали хороший урожай упреков, поскольку нас ожидали с раннего утра. Но мы не стали оправдываться или приносить извинения — в конце концов, нас ожидали не позднее **одиннадцати**, а сейчас было как раз **одиннадцать** часов!

(Мы были очень осторожны, чтобы не указывать: «утра» или «вечера»)

11. Пещера Шёвальё

Покидая лагерь 1943 года, мы уже слишком запаздывали, чтобы иметь возможность осмотреть Восточную сторону Дон-де-Кролля. Поэтому мы договорились встретиться в одно из ближайших воскресений и 10 сентября снова были на пути к Сонт-Панкрас.

Между этими выездами я, конечно, составлял топо-схему Галереи 43. Перенесенная на крупномасштабную карту, она дала расположение конечного лаза очень близко к южному отрогу, а его высоту, кажется, более или менее соответствующую основанию горной стены. Вооруженному такими данными, мне не терпелось хорошенько осмотреть эту стену.

Когда мы добрались до плато Петі-Рош, день был в самом разгаре.

— Вон там, смотри! Прямо у подножия стены, скажем, в 200-х метрах от южного отрога — видишь эту тень? Это вход в пещеру?

— Так пойдем и узнаем.

Была одна деталь, которая немного меня смущала — расстояние от отрога. Согласно моему рисунку, выход должен находиться ближе к нему.

Единственное, что нужно сделать, это пойти и посмотреть.

Фото 19. Вид на Дон-де-Кролля из Сонт-Понкрас

Два часа спустя мы подошли к скальной стене. Портал, который предстал перед нами, имел довольно приличные размеры — метров 6 в диаметре, и легко мог оказаться чем-то более значительным, чем обычная ниша в стене.

Пришедшая прямо из Сонт-Илер Аннет, поднявшись первой, ожидала нас чуть ниже портала.

— Здесь холодно, — крикнула она, — И с тягой все в порядке.

— Тогда это точно оно.

Мы присоединились к ней — Эдмун и Ферно Петцль, Гай Лябур и я.

Вход приводил в широкий замкнутый со всех сторон зал с крутонаклонным полом. Пол был усыпан обломками обрушений со стен.

Мы обошли весь зал. В его глубине, на уровне пола, в одном или двух местах была заметна слабая тяга. Поколебавшись, откуда начать, мы принялись, кто где, перекладывать обломки и валуны.

Воздушный поток заметно усиливался. Мы работали с нарастающим энтузиазмом, по мере продвижения сообщая друг другу о достигнутом прогрессе. На мою голову сыпалось немало шуток по поводу точности моей топографии, ведь отклонение относительно отрога было более 100 метров.

Работа продолжалась.

— Я могу пройти, — сказал самый худой из нашей команды.

— Сделай отверстие побольше, и пройдем все.

Несколько минут спустя мы оказались в темной маленькой полости, площадью всего в несколько квадратных метров. Ее усыпанный щебнем пол наклонно сбегал из-под наших ног, а в самом низу, на уровне низкого свода стлался, еле дышал сквозняк.

Требовались дальнейшие раскопки.

У нас было маловато освещения: только один электрический налобный фонарь. В Гляз мы оставили ацетиленовую лампу и немного карбида, и Аннет с Эдмундом вызвались сходить за ними, пока мы продолжим расчищать завал. Бедняги — самоотверженный поступок лишил их безусловно сенсационной «премьеры»!

В течение получаса мы преодолели второе «бутылочное горлышко» и продолжили движение под уклон.

Все еще ослепленные солнечным светом мы ничего не видели вокруг: ни стен, ни свода, а ведь наша электрическая лампа — изделие военного времени — работала очень хорошо, поскольку батарея была довольно новой. Пришлось обшаривать пространство по сторонам, чтобы обнаружить стены.

Ширина галереи была до 10-ти метров. Удивленные, мы пробрались в ее дальний конец — ах, понижение — должно быть, тот самый плоский (ползучий) лаз, к которому уже мы подходили с другой стороны.

Однако, тут было просто понижение свода, почти сразу же поднимавшегося. Завал закончился, и теперь мы фланировали по галерее высотой до 4-х метров и такой же ширины.

Но где та «ползучка-плющилка», которую мы искали? Ведь прошли мы, должно быть, поболее 100 метров. Теперь все выглядело так, будто моя топо-схема «Галереи 43» была совершенно нереалистична — понимание этого меня взволновало, так как неприятно задевало самолюбие. А между тем мы очень быстро продвигались, не встречая никаких, даже незначительных препятствий.

В двухстах метрах от входа наше недоумение еще более возросло. К этому времени глаза привыкли к темноте — но опять-таки не было никаких признаков стен или потолка. Спотыкаясь и оступаясь среди беспорядочной массы валунов, мы пытались оценить размеры внушительного зала, шириной до 30 метров и с потолком метрах в 15-ти над нашими головами. Зал простирался, насколько хватало глаз, и луч нашей фары тонул во мраке.

И вот тут, с вашего позволения, искать маленький тесненький лаз? На что мы надеялись?

Этот отъявленный мошенник Дон-де-Кроль уже преподнес нам немало неприятных неожиданностей — но как раз когда казалось, что мы заходим в полный тупик, он дарит нам столь славное открытие, какого только можно пожелать!

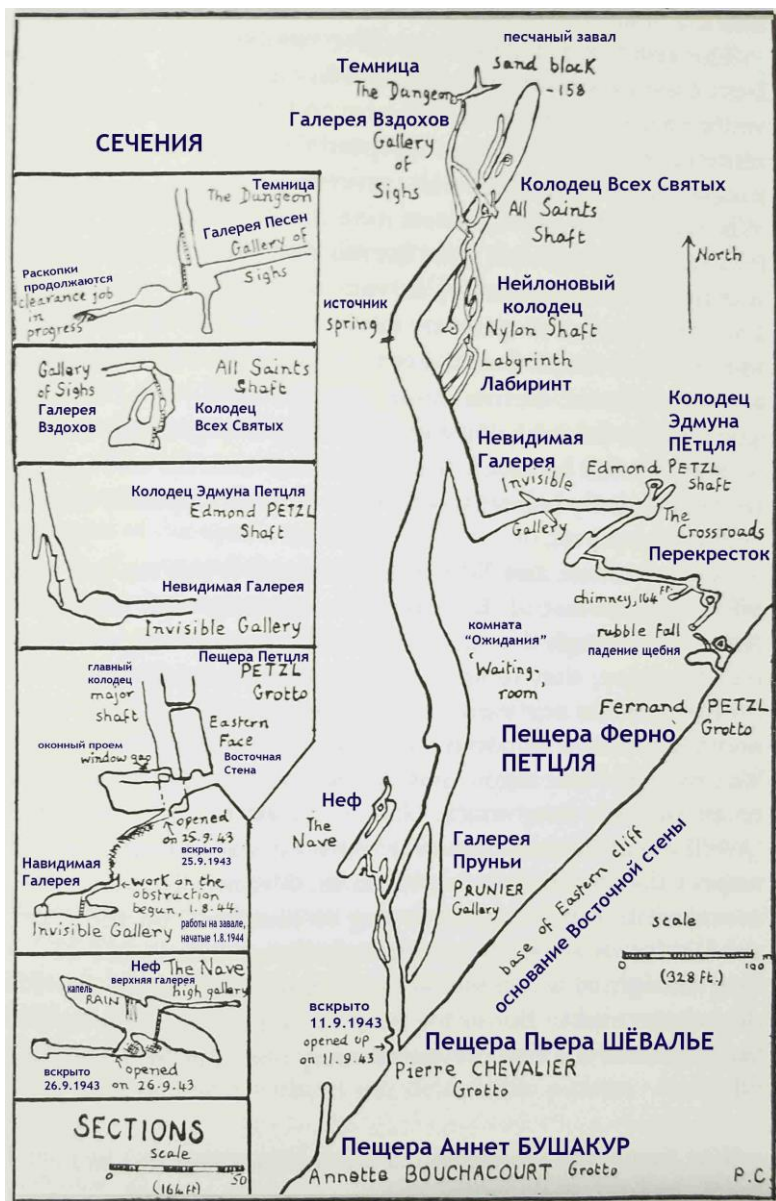
Но куда это все ведет? Наш нисходящий курс был направлен на север, склон оставался довольно крут, и путь был усеян колоссальными плитами, упавшими со свода. На протяжении сотен метров галерея оставалась обширной: до 20-ти метров в ширину и 10-ти в высоту.

Сейчас мне трудно описать то наше состояние — смесь безумного веселья, страха, что все это внезапно закончится, и безграничного изумления.

Затем пошла пещера, которая была совершенно не тронутой ¹ — что встречается в пещерах так же редко, насколько распространено в пропастях. И что это за звук — может быть, это вода?

¹ Странно. А до этого пещера была уже кем-то «тронута»? Ведь они раскопали завал, чтобы попасть сюда, а это значит, что с самого начала тут никто, кроме них, не был.

Еще 90 метров, и мы натолкнулись на источник, льющийся с левой стены и исчезающий, просачиваясь, среди гальки. Это было более чем кстати: мы смогли вволю и досыта напиться, прежде чем двинулись дальше.

Карта 8. Пещеры Восточной стороны Дон-де-Кроль

Еще через 180 метров свод опустился до уровня пола резко и бескомпромиссно. Не нашлось даже самой несчастной трещины, чтобы пройти, и не было тока воздуха: абсолютно неприступное препятствие, преодолеть которое не было ни малейшей надежды.

Фонарь начинал капризничать. Время от времени он угрожал погаснуть, а мы, торопясь вперед, не побеспокоились о запасной батарее. Из-за этого мы со всей возможной скоростью ретировались по своим следам, лишь очень приблизительно измеряя шагами длину пройденных галерей.

Пройдя почти 825 метров, мы уткнулись в сплошную стену, полностью преградившую путь. Несомненно, тут мы еще не были.

Напрасно мы искали проход. Периодически мы обменивались очень тревожными взглядами: свет дышал на ладан. Нам позарез нужно было как можно скорее выйти на известную тропу.

Вернувшись на 457 метров, мы наконец добрались до начальной галереи и вышли на дневной свет и свежий воздух без дальнейших происшествий.

Взгляд на часы показал — и мы с трудом в это поверили — что прошло уже два часа с тех пор, как мы вошли в портал.

Когда Аннет и Эдмунд вернулись, было уже слишком поздно снова отправляться в путь: продолжение экспедиции следовало отложить на завтра. Разумеется, они не поверили ни слову из рассказа о нашем открытии, посчитав это замысловатым розыгрышем.

В ответ на наши рассказы они сообщили, что нашли еще одну пещеру в ста метрах ближе к отрогу — с просторным и низким входом, но заглянуть в нее не успели.

— По виду очень похоже на Галерею 43, — добавила Аннет.

— Хорошо, завтра посмотрим, — был наш ответ: теперь пришла наша очередь подозревать, что нас разыгрывают.

Тем временем, дабы по ночи не спускаться с горы, мы разбили временный лагерь у пещеры, пытаясь устроиться на небольших площадках, поросших травой и усыпанных галькой, но достаточно длинных, чтобы поместиться. Что же касается сна ...

Думаю, лихорадочное возбуждение от нашей находки помешало уснуть каждому из нас.

Первое, что мы сделали, когда очухались, это пошли взглянуть на соседнюю пещеру (на следующий год ее назвали пещерой Аннет Бущакюр — *Annette Bouchacourt Grotto*).

Рядом с ней была превосходная терраса, где мы могли расположиться в десять раз удобнее. Здесь будут располагаться наши лагеря 1944, 1945 и 1946 годов.

Пещера углублялась примерно на 55 метров в северном направлении. По размерам она действительно очень напоминала «Галерею 43» и заканчивалась довольно просторной полостью с засыпанным обломками полом. Но единственным признаком возможного расширения был слабый ток воздуха в одном из углов, едва заметный.

Вернувшись в первую пещеру (мои товарищи по команде называли ее в мою честь — пещера Шёвалье), мы снова отправились в ее глубины, по мере продвижения составляя точную съемку и используя шнур (*string*) для измерения расстояний.

Следующей целью была проверка всех второстепенных галерей, которые мы могли вчера пропустить из-за плохого освещения. Нам особенно хотелось проследить ток воздуха, явно более сильного, чем до того, как мы расширили проход. По пути к самой дальней точке ничего примечательного замечено не было, но сквозняк исчез. Все были уверены, что ничего не упустили, поэтому наиболее вероятной гипотезой было существование какого-то прохода в самом своде.

Встретившись, мы разделились на две группы, каждая из которых занялась исследованиями, двигаясь вдоль одной из стен. Внезапно мы поняли, что больше не слышим вторую группу и не получаем ответа, когда их зовем. Мы подождали какое-то время, а затем, испугавшись, что они могут остаться без света, вернулись и двинулись за ними вдоль их стены.

К нашему изумлению, мы наткнулись на вход в галерею. Галерея была почти такой же обширной, как главная, но частично скрыта обвалившейся глыбой. Мы шли по пути наших друзей, и в этой Невидимой Галерее (*Invisible Gallery*) появился наш ток воздуха, приходивший из восходящего колодца значительной величины. Без нашего разборного штурмового шеста дальнейшее продвижение было невозможно.

Осенью 1943 года мы трижды возвращались в пещеру Шёвалье, открывая новые галереи с помощью раскопок или штурмового шеста.

25 сентября (1943), вместе с Тремю и Ганьёром, мы открыли проход в Неф (*Nave*)¹, красивую полость, которая со временем будет обеспечивать водой наши летние лагеря.

¹ **Неф** (франц. *nef*, от лат. *navis* — корабль) — вытянутое помещение, часть интерьера (обычно в зданиях типа базилики), ограниченное с одной или с обеих продольных сторон рядом колонн или столбов, прим. К.Б.С.

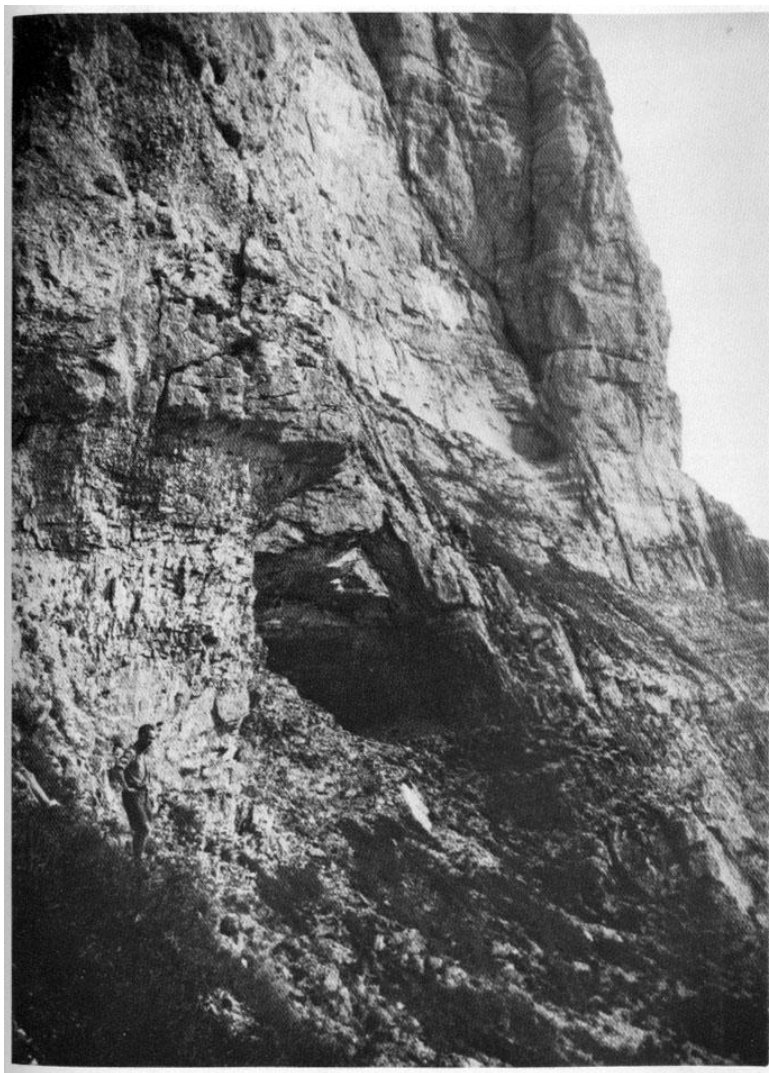

Фото 20. Входной портал пещеры Шёвальё

1 ноября (1943), благодаря штурмовому шесту, мы исследовали последовательно галерею над сводом Нефа, очаровательный маленький лабиринт примерно в середине Пещеры (*Шёвальё, прим. К.Б.С.*), и колодец Всех Святых (*All Saints Shaft*), в котором нам удалось подняться на 27,5 метров.

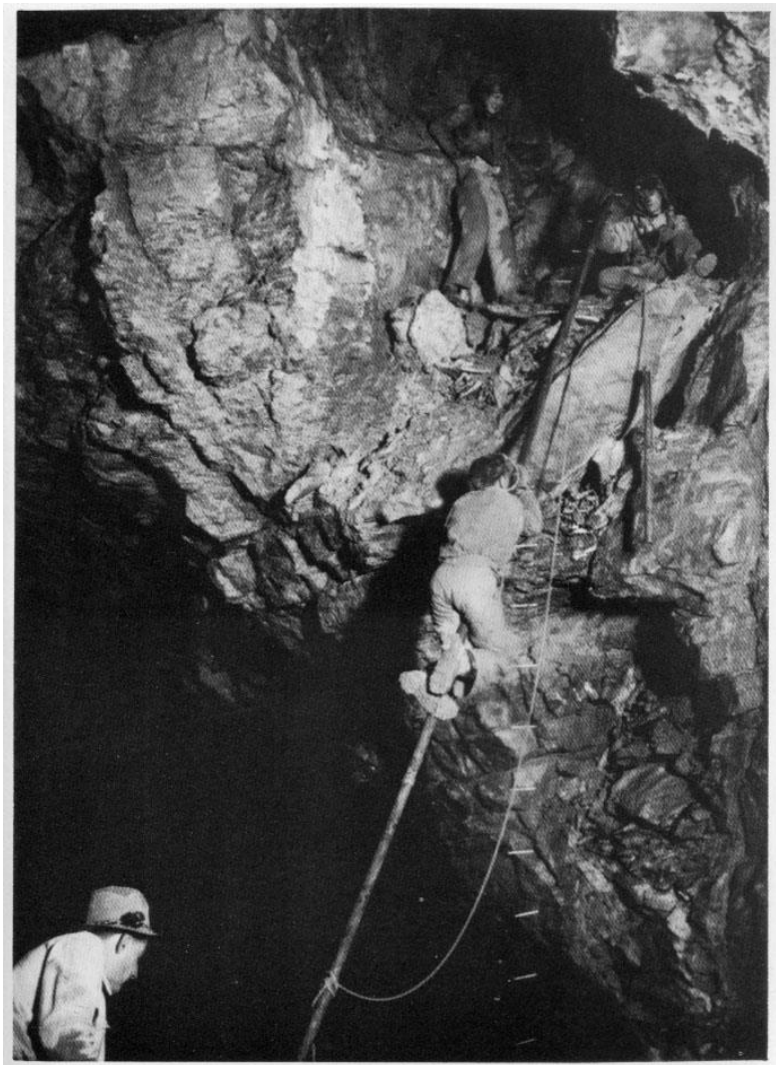

Фото 21. Колодец Всех Святых

Это дало доступ еще к одной галерее, в которую мы с Фернó вскоре и проникли. Пройдя немного, мы остановились перед неглубоким, всего в несколько метров, колодцем, который назвали «Темница» ('Dungeon').

Повернувшись к нему спиной и попробовав в другом направлении, мы вползли в зигзагообразную маленькую полость с низким потолком, которая резко заканчивалась на дне колодца, по которому если подниматься, то только с шестом (*Нейлоновый колодец - Nylon Shaft, прим. К.Б.С.*).

На обратном пути у нас начались проблемы со светом: один из налобников (карбидный) был на последнем мерцании, а другой, не многим лучше, постоянно гас, когда мы ползли по низким лазам. Пробиваясь на ощупь в темноте, при каждой смене направления мы были вынуждены зажигать спички, чтобы не сбиться с пути.

И вдруг мы услышали голос. Наконец-то, подумали мы — кто-то с нормальным светом. Голос отдалился, затем снова стал громче, но слова все еще оставались неразборчивы. Когда мы выбрались за последний поворот этого хода, все прояснилось.

— Можете светом поделиться? — спросил кто-то.

Это оказался Эдмунд, тоже попавший в кризис с лампой. К счастью, ему нужны были только спички, и уже без лишнего нервов мы вернулись к остальным, ожидающим у колодца Всех Святых.

13 ноября (1943) Аннёт, Ферно́, Шарли́, Пруньё и я провели тщательное исследование новой галереи, притащив штурмовой шест, чтобы подняться в колодец в ее конце (*в Нейлоновый колодец, прим. К.Б.С.*). Эта галерея — Галерея Вздохов (*Gallery of Sighs*), получила свое название из-за непрерывно звучащих в ней в тот день полновесных проклятий, вызванных необходимостью протискиваться с трубами и снаряжением через узости, следовавшие тут длинной чередой.

В частности, один из нас — молодой джентльмен, чью воспитанность мы воспринимали как должное (поскольку в критические моменты он обычно ограничивался легким «О, Боже!»), на этот раз выдал репертуар, о наличии которого у него мы даже не подозревали.

«Темница» — колодец под Галереей Вздохов, закончился тупиком. Точнее говоря, «Темница» состояла из небольшой округлой полости с 12-метровым тупиковым колодцем посередине.

Слева был восходящий колодец, в которой мы с помощью шеста поднялись более чем на 27 метров, так и не дойдя до верха (*см. Карту 9 на стр. 159, прим. К.Б.С.*)

Справа галерея расширялась, украшенная странными конкрециями, но внезапно заканчивалась, полностью замытая песком. Мы решили вернуться сюда в следующем году и попытаться расчистить проход.

В крайнем верхнем конце Галереи Вздохов мы поднялись с шестом по Нейлоновому колодцу (*Nylon Shaft*). Шарли́ взобрался наверх и в

паре метров выше конца шеста ввинтился в сложную извилистую трубу. Однако дальше пробиться никакой надежды не было. Но когда он, пытаясь вернуться на шест, коснулся его ногой, шест покачнулся.

Это был критический момент. Спасла ситуацию нейлоновая веревка: пропущенная в двойную петлю на мизерной опоре и туго натянутая снизу, она позволила Шарли вернуться на шест «контролируемым спуском» (*'controlled descent'*).¹

На Пасху 1944 года мы снова попытались взойти по колодцу Эдмунда Петцля (*Edmond Petzl Shaft*), где ранее потеряли след тока воздуха из «Невидимой галереи» (*Invisible Gallery*).

Фото 22. Пасха 1944 года в пещере Шёвальё
(наверно, ледяные сталагмиты, как пасхальный свечки, прим. К.Б.С.)

Первые две установки шеста были довольно просты, третья потребовала более серьезной акробатики. Мы снабдили основание шеста скальным крюком, не скользившем по скале, и установили его в маленькую чашеобразную выемку, выбитую молотком. Эдмунд поднялся довольно успешно, но сообщил, что не может идти дальше: выше следовал вертикальный взлет без видимых полочек или площадок.

² *'controlled descent'* — «контролируемый спуск», похоже, что у нас это называлось «пустили мешком», прим. К.Б.С.

В тот день мы обнаружили среди огромного скопления валунов продолжение Невидимой галереи. Оно приблизило нас к Восточной стороне Дон-да-Кролля, в районе, где мы уже знали небольшую пещеру. Мы дали этой пещере имя моего друга Ферно́ Петцля и очень надеялись когда-нибудь найти связь между ней и пещерой Шёвалье́.

Как-то летом следующего года мы действительно установили звуковой контакт между этими пещерами, но, поскольку между ними оказался колодец, забитый более чем 15-метровым завалом, предвещавшим тяжелую и опасную работу по расчистке, мы отказались от идеи присоединения этой пещеры к основной системе.

Главной целью всех этих экспедиций было соединение пещер Шёвалье́ и Тру-дю-Гляз. План новой пещеры показал нам, что от начала до конца ее развитие было параллельно Галерее 43, проходящей над ней на расстоянии от 18-ти до 49-ти метров по вертикали. Казалось невероятным, что нет никакого соединения между этими двумя «наложенными» друг на друга галереями. И все же все усилия найти его были безуспешны.

Когда другие варианты потерпели неудачу, мы вернулись в Галерею 43 и попытались расчистить завалы, забивающие редкие в ней колодцы.

17 июня 1944 года нам пришлось признать поражение по всей линии.

Все мои слабые надежды возлагались теперь на извилистый ход, ведущий из колодца Траверса, — ужасно узкий, но только тут была вероятность выйти в колодец Темницы (*Dungeon Shaft*). Однако, вернувшись туда в 1945 году, мы обнаружили, что этот бесконечный извилистый путь уходит намного глубже, чем пещера Шёвалье́, и, должно быть, является еще одним притоком Ги-Морт — а поэтому не представляет для нас дальнейшего интереса.

Эта последняя попытка убедительно показала, что не существует легко проходимой системы, которая позволила бы нам соединить обе пещеры (*Шёвалье́ и Гляз, прим. К.Б.С.*).

Несмотря на все это, я не мог отказаться от убеждения, что они являются частями единого целого, и что в прежние времена вода поступала из одной пещеры в другую в восходящем направлении через колоссальный сифон, который приводил ее со дна пещеры Шёвалье́ к колодцу Ферно́. Я не мог найти никакой другой интерпретации гидрологии Дон-де-Кролля, и моя гипотеза объясняла все явления, отмеченные до сих пор.

Я уже говорил, что пол пещеры Шёвалье́е покрыт массой огромных валунов, которые невозможно сдвинуть. Галерея Вздохов, перекрытая завалом очень близко к этой точке, но расположенная на несколько более высоком уровне, была занесена песком, а не валунами, и поэтому ее легче было расчистить.

Чтобы вытаскивать грунт во время раскопок, мы использовали своего рода плоскодонное корытце (*flat-bottomed boat* — *салазки*, прим. К.Б.С.), сделанные Ферно́. К каждому его концу была привязана веревка для перетаскивания в обе стороны.

Песка было очень много. За два длительных приступа мы открыли траншею длиной около 9-ти метров, но так и не обнаружили перегиба сифона. Так что пришлось временно отказаться от этого изнурительного труда.

И снова мои мысли вернулись к возобновлению раскопок в лодке Ферно́. В день нашего возвращения к этому месту, осмотр когда-то обвалившихся огромных плит почти лишил нас надежды. Без особого энтузиазма мы бродили по этой вакханалии валунов.

Вдруг кто-то воскликнул:

— Кости! Я нашел несколько старых костей.

— Не говорите вздора.

— Я уверен в этом. Я как бы это не кости медведя в придачу.

Мы все сбежались к этому месту. Скелет частично находился под скальным навесом — и выглядел не поврежденным. Медведь лежал на боку, почти похороненный в глине, оставшейся при растворении известняка.

Но как сюда попали эти кости!

Позвоночник превращался в мелкую пыль при малейшем давлении пальцев, даже зубная эмаль рассыпалась при прикосновении. Поскольку у нас не было возможности унести его, мы сделали несколько измерений: голова была длиной 50 см, большие клыки — чуть меньше 12-ти — великолепное существо.

Но что делал медведь в этом конкретном месте? Прежде всего, как он сюда попал?

Это была душераздирающая проблема.

В тот момент мы находились в несколько не подходящем месте — в самом сердце горы, как бы в центре тяжести Дон-де-Кроль. Я подсчитал, что стены горы были на расстоянии 400 метров, а плато находилось примерно на таком же расстоянии над нашими головами.

Медведь определенно не мог пройти по маршруту, который обычно выбирали мы — от входа в пещеру до колодца Ферно́, включа-

ющему 300 метров галерей, 50 метров колодцев, кошачий лаз, более 900 метров последующих галерей и еще 24 метра колодца!

Нет, это было немыслимо.

Мог ли он попасть сюда непосредственно по одному из колодцев, открывающихся на плато? Такое объяснение было столь же маловероятным, как и первое: 396 метров по вертикали не приводили свободно вниз, и у медведя было бы слишком мало шансов прибыть в целости. И кроме всего, колодец Фернó не продолжался вверх, к плато.

Мог ли он прийти через Галерею 43? Ни за что на свете. Для этого понадобилась бы хорошая пробежка в 1200 метров, потом подъем по почти 30-метровому Обвальному колодцу, а затем марш по 800-стам метрам галерей, с лазанием в конце по Диаклазе Аннет.

Каково же объяснение?

Все терялись в догадках, и когда я выдвинул предположение, оно было принято в штыки. Медведь, должно быть, использовал соединяющий ход, который мы сейчас искали. Находясь здесь, он оказался очень своевременным доказательством существования былой связи между пещерой Шёвалье́ и колодцем Фернó.

Медведь легко прошел бы по широкому коридору от пещеры Шёвалье́. В подземных районах нередко встречаются настоящие кладбища медведей на очень больших расстояниях от входов. Так что он мог живым и здоровым преодолеть этот путь до места соединения с дном колодца. От этой точки, чтобы достичь своего нынешнего местоположения, ему пришлось бы как-то попасть на самый верх колодца, причем строго по вертикали, так как горизонтального пути туда не существует. Так что за сила подняла его на такое существенное расстояние?

Это была вода.

В этой системе, без стока в нижней точке, любые дожди на поверхности вызовут затопление. Исключительно сильный паводок мог бы вознести нашего медведя на более высокий уровень, где он мог застрять на какой-нибудь полке или уступе.

В наводнениях такого масштаба нет ничего необычного — на самом деле, часто бывают и более мощные. Например, в Веркоре подъем уровня воды реки Вернезón (*Vernaison*)¹ в ее подземном течении может достигать 250 метров, что вызывает катастрофические потоки, изливающиеся из пещеры Люйёр (*Luire Grotto*).

¹ Вернезон или Вернессон — небольшая французская река, протекающая в горном массиве Веркóр на севере департамента Дром, в региональном природном парке Веркор. Это суб-приток Роны через реки Борн и Изер. Пещера Ла Лу́йр или Луйер (*La grotte de La Luire*) находится в долине Вернезон, в городке Сен-Аньан-ан-Веркор, недалеко от перекрестка автодороги D 518 и места под названием «Ле Пассаж», прим. К.Б.С.

Я задавался вопросом, сможем ли мы когда-нибудь вскрыть проход, запечатанный десятки тысяч лет назад, чтобы подтвердить эту гипотезу?

Это было маловероятно. Подобное предприятие не по силам такой команде, как наша, и не такая это проблема, чтобы заинтересовать достаточно спонсоров.

Возможно, как-нибудь мы могли бы попытаться восстановить медведя, терпеливо склеивая кусочек за кусочком. Но нам уже никогда не получить полный скелет. Жан Ну́ар, вандал, попытался забрать один из клыков. Не имея других способов защитить его, он положил клык в кист.

Но по выходу из Гляз, Ну́ар тщетно искал свой трофей — негодяй скурил его, потому что зуб рассыпался в пыль!

12. Замурованные.

Контакт с Восточной Стеной.

В 1943 году у нас было много успехов. До завершения исследований сделать предстояло еще немало, но все это только в достаточно легкодоступных районах Системы.

Транспорт и путешествия по стране были труднее, чем когда-либо, но, несмотря на это, мы провели много уикендов в пещерах. Если мы были достаточно предусмотрительны, чтобы загодя отправить велосипеды, всегда была возможность получить их в Гренобле. Если мы садились на поезд из Лиона в субботу утром, так или иначе к концу дня мы могли добраться до Гляз. После чего могли посвятить работе следующие восемнадцать или двадцать часов, оставив достаточно времени, чтобы забрать велосипеды в Сонт-Понкрас и успеть на последний поезд в воскресенье.

О сне приходилось забыть — мы к этому привыкли. Если кто-то из нас падал от усталости, его относили в какой-нибудь уголок и продолжали работу. Пробудившись от холода, даже не полностью отдохнувший и готовый к чему либо, он все же снова мог быть полезен с малость прояснившейся головой. Поскольку нулевой час никогда не наступал одновременно для всех, то если нас было довольно много, ротация устанавливалась автоматически.

Но в 1944 году возникла другая проблема.

Тремиу пришлось залечь на дно, чтобы скрыться от С.Т.О.¹, поэтому он не мог бывать с нами регулярно.

Ганьёру, работавшему сейчас за пределами Лиона, приходилось всю неделю использовать свой велосипед, а потому он никак не мог заранее отправлять его в Гренобль и тоже оставил нас.

Трагическая потеря Аннет на Мон-Дор (*Mont-Dore*) лишила нас самого энергичного, самого пылкого участника.

В команде оставалось шесть или семь человек.

Начиная с Пасхи полное нарушение средств сообщения привело к тому, что мы редко добирались до Гренобля. Поскольку я был полон решимости присоединиться к Фернó и Шарли на неделе после Троицы, то отправил свой велосипед в четверг, но из-за бомбардировки Лиона в субботу, 26 мая, поехать не смог.

¹ С.Т.О. — *Service du Travail Obligatoire*, или Организация по принудительному труду: набор немцами молодых французов для работы на них либо во Франции, либо в Германии.

На следующей неделе я оказался на пути к Шамбері (*Chambéry*).¹ Когда после различных злоключений я, наконец, добрался до Гренобля, мне пришлось сразу же вернуться на велосипеде в Лион, всего несколько минут поговорив с Петцлем.²

Оставшись вдвоем в качестве последнего резерва, два моих друга (Ферно́ и Шарли́) решили, что начнут заниматься завалом в пещере Аннет Бушакүр. Следует напомнить, что эта пещера длиной от 27 до 30 метров заканчивалась полостью около 6-ти метров в диаметре, заваленной почти до потолка. Очень слабый ток воздуха показал, с чего начать, и после дня работы они выкопали в завале ход около 2 метров глубиной, ведущий к перпендикулярной ему стене на противоположной стороне полости.

Летний отпуск (1944) я надеялся посвятить продолжению этой работы, но линия до Гренобля (*жел-дор, надо понимать, прим. К.Б.С.*) была прервана. Поэтому мне пришлось отправиться в объезд по Восточной от Лиона линии — маленькой извилистой железной дороге, которая в этом году обслуживала очень разнообразный ассортимент станций в Саво́йе (*Savoie*) и Дофинэ́ (*Dauphine*). Её конечной остановкой был Сан-Жени-сюр-Ги (*Saint-Genix-sur-Guiers*), где наша Ги (*то есть, вытекающая из пещеры Ги-Морт река прим. К.Б.С.*), ставшая уже внушительным потоком, впадает в Рону (*Rhone*).

Оттуда я ехал на велосипеде, нагруженный до предела снаряжением для пещеры, бивака и продуктами на 10 дней. Этот этап моего путешествия из Сан-Жени́ (*Saint-Genix*) в Перкюлё́ окончательно разочаровал меня в велосипеде как средстве передвижения. Подъем к Сан-Пьер де Шартрез (*Saint-Pierre de Chartreuse*) вверх по ущельям, в которых течет река Ги, был чистым мучением.

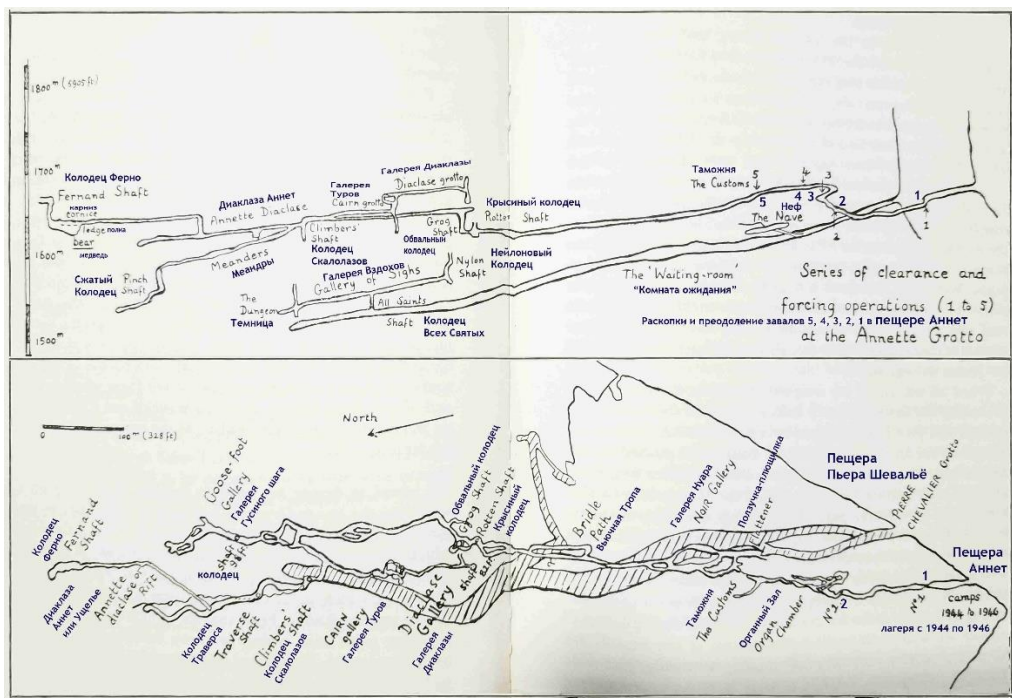
К вечеру я добрался до Коль-дез-Айес (*Col des Ayes*) на половине пути, но мои мокрые от пота плечи так болели, что пришлось остановиться возле шале и разбить лагерь.

На следующий день я был у пещеры Аннет, а через несколько часов ко мне присоединился Шарли́. Мы спустились в Сонт-Понкрас за остальной частью нашего снаряжения и вернулись в тот же вечер.

Ферно́ должен был прийти на следующий день.

¹ От Лиона до Шамбери 86 км, Шамбери находится севернее Гренобля на расстоянии 46 км, прим. К.Б.С.

² Расстояние от Гренобля до Лиона по автодороге — около 114 км, прим. К.Б.С.

Карта 9. Тру-дю-Гляз и Восточная Сторона Дон-де-Кроль

Площадка перед пещерой была превосходна для лагеря: с нее открывается вид на долину Грезивудон, а далее на всю территорию между вершинами Мон Блан и Мон Эгюй (*Mont Aiguille*). Единственным недостатком этого уникального места было полное отсутствие воды на этом склоне Дон-де-Кроль.

К счастью, мы могли добывать ее в пещере Шёвальё. Сам источник, в 70-ти метрах от входа, был слишком далеко, чтобы быть полезным. Но тоненькой струйки со свода в Нефе нам должно было хватить. Более того, там оставался массивный столб льда, нараставший зимой под действием воздушного потока, стекавшего по своду, и у него было недостаточно времени, чтобы растаять совсем. Так что у нас в запасе было более 100 литров воды, которыми мы могли воспользоваться, если потребуется.

Когда все было готово, мы взялись за завал, расширяя ход (*funnel*), уже выкопанный среди обломков. Мы работали быстро, воодушевленные заметным увеличением тяги воздуха. Через шесть часов мы на пару

метров углубились в завал и оказались в маленькой камере, образованной с одной стороны коренной стеной, а с другой — массивной плитой, удерживающей большую часть обломков. Излишне говорить, что в этой зоне мы передвигались очень осторожно, опасаясь стронуть огромную массу валунов, угрожавшую выкопанному ходу, который мы грубо укрепили широкой в основании каменной стенкой.

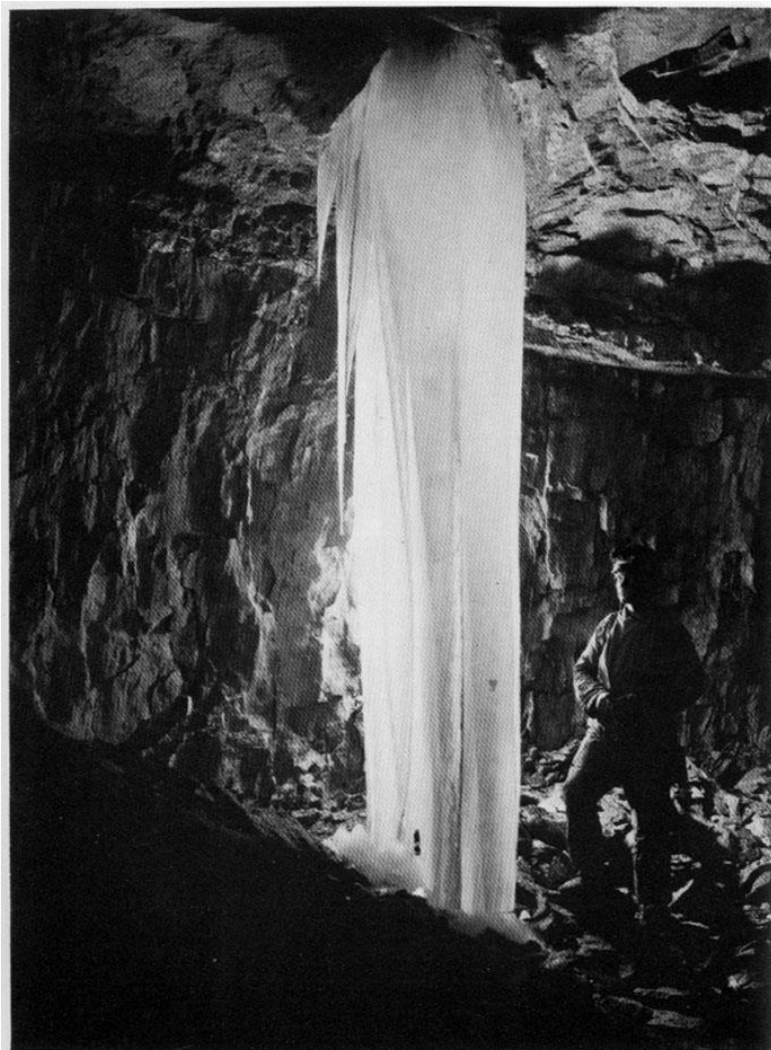

Фото 23. Огромная ледяная колонна в пещере Шёвальё

В семь вечера мы вышли немного перекусить, чтобы использовать немногие оставшиеся светлые часы.

Полные энтузиазма, мы вскоре вернулись в дальний конец нашего раскопа. Мы расчистили уходящую вниз узкую трубу достаточно широко, чтобы в нее пролезть. Работать приходилось цепочкой, передавая друг другу обломки камней. Это была долгая работа, но мы уверенно продвигались.

К часу ночи, когда был сдвинут последний большой валун, Фернó пролез и объявил, что галерея продолжается. Немного приведя в порядок отверстие, мы последовали за ним, и все вместе направились к неизвестному.

Примерно через девяносто метров громадный обвал свода перекрыл наш ход по всей его ширине. Так что лаза (из Галереи 43, как я понимаю, прим. К.Б.С.) мы пока не обнаружили. Надо было преодолеть еще и это препятствие.

Несколько дней спустя мы разбили лагерь (*летний лагерь 1944-го года у пещеры Аннет, прим. К.Б.С.*).

Напряженная экспедиция в Гляз вымотала нас, но мы вернулись (к раскопу в пещере Аннет, прим. К.Б.С.), чтобы посвятить часок-другой новому препятствию. Однако мы себя переоценили и после пяти часов работы сдались: это оказалось слишком тяжело.

Но почему-то нам не хотелось уходить. Было только 3 часа ночи, а у входа в пещеру наш юный друг Пютóд, наутро нас покидавший, крепко спал, завернувшись в одно из наших одеял. И у нас не хватало бессердечности прервать его сладкий сон. Лучше было подождать до утра, а оставшиеся часы использовать для укрепления и улучшения безопасности нашего раскопа. Больше всего мы боялись, что, если оставим все как есть, какие-нибудь бестолковые или неуклюжие посетители могут завалить все раскопанное и заставят нас начинать с нуля.

Выяснив, что совпадаем в этом мнении, мы вернулись к раскопу. Фернó остался наверху и принялся сбрасывать блоки под собой в трубу, которая служила нам проходом. Под ней, на склоне щебнистой осыпи, мы с Шарли расчищали мелочь, не отставая от него. Поскольку дело шло не так быстро, как мне хотелось, я намекнул Фернó, что он слишком осторожен.

Результат получился внезапным и поразительным: вдруг весь завал зашевелился, начал оседать и с глухим рокочущим звуком полностью запечатал трубу (*chimney*) и наш раскоп над ней.

Мы были отрезаны.

До нас едва доносились крики Фернó, из которых к нам долетали далеко не радостные обрывки информации. Фернó с трудом избежал захвата лавиной камней, успев метнуться в верхнюю часть маленькой полости, где смог удержаться в классическом «распоре» (*'opposition'*), в

то время как оползень, сорвав и погасив его лампу, с гулом покатился под ним вниз.

Затем в полной темноте Фернó отправился ко входу в пещеру взять запасной свет, и вернулся, чтобы прояснить ситуацию. Даже с помощью Пютóда освободить нас не было никакой возможности. Что еще хуже, на склоне над раскопом еле держались три огромные каменные плиты, в любой момент угрожая сползти. Этот новый завал надо было разбирать нам самим, снизу пробивая его основание.

Ломик остался у Фернó, но, к счастью, у нас были два звена составного шеста. Этими трубами мы могли с большой силой долбить завал, оставаясь на относительно безопасном расстоянии от валунов, которые падали при каждом ударе. После четырех часов отчаянного труда (мы очень боялись, что останемся без света) мы пробили новое отверстие, но оно было ужасно узким, и Фернó предупредил, чтобы мы протискивались с предельной осторожностью.

Поскольку существовал серьезный риск, что мы снова застрянем в трубе (каmine) из-за свежего обвала, я не стал слишком торопиться. Сначала мы попросили Фернó передать нам некоторое количество карбида и немного провизии, а потом рискнули.

Если Шарли, намного стройнее меня, сможет пролезть не раздеваясь, возможно, смогу и я.

С осторожность краснокожего индейца (*Red Indian caution*) он приблизился к отверстию... просунул голову... затем плечи... И вдруг молнией выстрелил обратно вниз. Оказалось, он увидел глыбу, сползающую прямо над его головой. Секунду спустя произошел новый обвал, и камин снова завалило.

Ситуация значительно осложнилась. Одна из огромных плит застряла прямо поперек камина, так что для нас этот путь был окончательно закрыт. Мы вынуждены были начинать все сначала уже с середины галереи, а это означало гораздо более значительные раскопки. Нам потребовалось еще четыре часа, чтобы отрыть адекватный проход.

Без кусков труб было бы куда хуже и, наверно, на это ушло в два-три раза больше времени. Мы оценили объем убранного в итоге камня примерно в 9 кубических метров.

Пока мы работали, Фернó подбадривал нас криками и регулярно сообщал о достигнутом прогрессе, то есть о скорости убывания толщины нашей тюремной стены. Как только отверстие было пробито, он помог, отодвинув плиты, до которых нам было не дотянуться, и постаравшись понадежнее закрепить куски «рояля», несущие слишком очевидную угрозу.

Когда мы выбрались, то были поражены картиной произошедших изменений. Знакомую нам горизонтальную поверхность сменила воронка от 3,5 до 4,5 метров в диаметре и глубиной почти 6 метров.

Опасность миновала, но мы все еще были в некотором шоке.

Летом 1945 года нас занимали другие проблемы, и дальнейшие раскопки в пещере Аннет не предпринимались. Но нам очень хотелось получить более четкое представление о размерах этого препятствия с помощью звукового тестирования (*sound-reception test*).

У нас уже были отличные результаты в пещере Петцля (*Petzl Grotto*), где мы смогли установить, что сквозь монолитную скалу удары молотка можно услышать на расстоянии до 30-ти метров.

Но на этот раз наши испытания не были информативны. В течение нескольких часов разные группы добросовестно стучали по скале, и никто никого не слышал. Было очевидно, что мы находились на расстоянии более 30-ти метров друг от друга.

В какой-то момент мы услышали отдаленный и независимый от наших действий рокот, который не имел никакого отношения к заранее установленному расписанию сигналов. Когда через двадцать четыре часа вернулась группа, работавшая в Гляз, Ну́ар вспомнил, что примерно в это время скинул большую, покотившуюся вниз глыбу, но большей точности в этом вопросе мы не добились.

Однако эта экспедиция обогатила нас одним фактом: пещера Аннет не имела соединения с конечным лазом (*flattener* — плющилкой) Галереи 43, но приближалась к нему в том месте, куда из-за обрушения глыбового навала стало почти невозможно попасть ¹.

И ток воздуха там теперь был намного сильнее, чем в 1943 году, что объяснялось отверстием, прокопанным нами в каменной пробке пещеры Аннетт.

В июне 1946 года мы расширили 4,5-метровый ход в концевом завале на уровне свода, и это позволило нам обойти очень большие скальные обломки.

В середине лета нам, наконец, удалось собрать достаточно много участников, чтобы сформировать две группы и продолжить разборку этого завала. Шассу́ (*Chassot*), будучи новичком в работе с лестницами и заинтересованный преимущественно в прохождении завалов, гарантировал, что работа будет вестись без остановки. Единственное, о чем он сожалел, причем очень остро, было отсутствие возможности использовать взрывчатку.

¹ В том месте, где Шевальё и Шарли́ были отрезаны, прим. К.Б.С.

29 июля (1946) мы потратили восемь часов на то, чтобы убрать с пути массивные скальные глыбы, разламывая их шахтерским ломиком и молотками, после чего, чтобы обезопасить продолжение работ, начали избавляться от большой насыпи обвалившихся камней, угрожавшей нам слева.

31-го весь бут был удален из раскопа, открывавшего проходимый лаз под самым потолком. Мы пробивались вверх между потолком и завалом ползком на животе, а неустойчивые камни продолжали оседать под нами вниз. Лидер продвигался руками вперед (*'hand over hand'*), по ходу сдвигая камни и распахивая их в стороны. Постепенно мы миновали два локальных расширения и вышли в гораздо более обширную галерею.

Второй завал был пройден.

Правда, через 29 метров снова начинались проблемы, но худшее было позади.

1 августа (1946) мы за три часа пробили брешь в следующем завале. Это был небольшой «конус», который мы прошли по диагонали снизу вверх (*3-й завал, прим. К.Б.С.*). Двое остались перед завалом, чтобы подождать результатов разведки, прежде чем ползти следом. Но когда через полчаса никто не вернулся, они присоединились к остальным.

Теперь мы продвигались легко и почти беспрепятственно. Сразу над местом выхода из раскопа мы обнаружили большую восходящую галерею. Закрученная спирально — после 45-метрового кругового прогона, она привела к развилке.

Вправо — уходил 45-метровый ход, кончавшийся плоским лазом. Без сомнения, это был другой конец того самого лаза из Галереи 43 (*flattener* — плющилка). Пройти было можно, но после определенных работ по расширению. Однако натечная кора на полу была столь плотной, что это занятие обещало стать долгим и трудоемким. Где-нибудь тут в другом месте наверняка должно было найтись что-то более перспективное.

Влево — короткий ползучий лаз привел нас к продолжению галереи, которое снова упиралось в огромную груды валунов — четвертый завал.

Мы вернулись к этому месту во второй половине дня и очень быстро пробили проход. Далее мы попали в просторную полость, украшенную натеками, — Органный зал (*Organ Chamber*). Теперь мы могли продвигаться вперед со всей доступной скоростью. Около 20-ти с чем-то метров большие объемы продолжались. Влево из зала галерея скатывалась под уклон. Ощутимой тяги тут не было, и проход почти сразу сужался, заканчиваясь тупиком, заросшим натеками. Прямо путь нам прег-

раждал пятый по счету завал, в котором наш путеводный сквознячок все еще скользил меж валунами. Тут Жан Трёмю взялся за поистине грандиозную работу, откатывая огромные глыбы одну за другой, пока Шарли и Шассу расчищали для них проход.

Но вскоре пришло время уходить. На следующий день была запланирована важная экспедиция в Гляз, и нам не следовало слишком поздно возвращаться в лагерь.

Как оказалось, из-за этого мы упустили свою удачу. Через два дня команда из оставшихся трех человек прошла последний завал менее чем за час.

В их числе был Шассу, который никогда не упускал ни минуты расчистки завалов, стараясь не слишком расстраиваться из-за того, что не мог «разбудить эхо» с помощью пороха (*to wake the echoes with gunpowder*), сражаясь с «очень большими мамочками» (*'great big mam-mies'*), как он называл огромные плиты, которые нужно было убрать.

Вторым был Нуар, бывший в неподходящей форме для очень изнурительной экспедиции к Балконному колодцу.

И, наконец, был Гийма, который только что прибыл.

В результате интенсивных раскопок, в ходе которых Шассу, лежа на спине, передавал камни назад, расчищая путь, — между тяжелыми валунами открылось небольшое треугольное окно. Поскольку через этот исключительно узкий «калибр» было совершенно невозможно пройти, не раздеваясь, позже мы назвали его «Таможня» (*'The Customs'*).

Калибр расширялся вертикально в маленькую полость. На правах старожилов Гляз Нуар и Гийма пролезли в нее первыми, выделив Шассу неблагодарную роль резерва: они посчитали, что лучше оставить кого-нибудь позади на случай обвала. Поэтому Шассу пришлось полчаса мерзнуть на леденящем сквозняке, курить трубку за трубкой, чтобы согреться, и ругать товарищей по команде.

Из троих только Нуар знал Галерею 43. Он прошел ее в оба конца, и когда вернулся, то с триумфом размахивал нашим шахтерским ломиком, оставленным в прошлом году в глубине галереи.

Таким образом, мы нашли прямое соединение между Гляз и Восточной стороной Дон-де-Кроль.

Отныне эту гору можно было пересекать насквозь: с одной стороны — на другую.

ЧАСТЬ IV

Все для мирового рекорда

=====

13. Ubi Voluntas

Где воля ...¹

Потерпев неудачу в восхождении над Купольным Залом, которое вознесло нас гораздо выше 500-метровой отметки, но печально закончилось непроходимо узкой системой трещин, мы были вынуждены снова вернуться к Балконному колодцу. Наши атаки там уже дважды заканчивались неудачно. Но всесторонне обдумывая проблему, я не был готов признать себя побежденным.

Я не сомневался, что эта система намного обширнее, чем система Купола (*Dome System*), и что если мы когда-нибудь сможем добраться до верха колодца, то дальше должны пойти гораздо менее внушительные препятствия. Питаемый этой уверенностью, я попытался мысленно представить различные способы восхождения, два из которых казались осуществимыми.

Первый был такой: со дна Балконного колодца, как отправной точки, взойти по каналу-руслу водопада, недоступному напрямую с Балконной полки (*balcony-ledge* — собственно Балкона, по которому колодец получил название, прим. К.Б.С.). Высота канала по вертикали составляла более 18-ти метров, по всей его поверхности текла вода, но, несомненно, должен был найтись какой-то способ добраться до площадки над ним.

Второй и более смелый план мне нравился больше. У меня было смутное воспоминание о каком-то контрфорсе (*отдельно стоящей опоре, связанной полуаркой с основной стеной, прим. К.Б.С.*) значительно выше Балкона, метрах в 9-ти над ним. Почему бы не попробовать до него добраться в надежде, что, на удачу, над ним окажется площадка? А что там дальше — ну, посмотрим.

¹ В названии использовано начало изречения на латыни:

Ubi voluntas, ibi via est («Уби волюнтас, иби виа эст») Где воля, там и путь. Полагаю, что «воля» — это сила воли, прим. К.Б.С.

Этот проект был реализован в ходе нашего летнего лагеря 1945 года. Для него нам предстояло выбрать одно из двух возможных мест — плато или пещера Аннет. У нас остались самые хорошие воспоминания о лагере 1943 года на плато. Но так как в этом году не было никаких планов, связанных с раскопками в каррах (лапиазе), и поскольку мы не питали иллюзий по поводу тяжести заброски, то проголосовали за пещеру Аннет.

Из-за того, что из пещеры дул холодный ветер, удобная для жилья площадь была ограничена, и ее надо было увеличить, так как в этом году группа намечалась многочисленнее. Нам удалось это сделать, построив защитную стенку на входе в галерею, чтобы перенаправить поток воздуха.

Проблемы с водоснабжением решались с помощью ручейка с потолка Нефа — более чем пропорционального снегу, таявшему на карровом плато.

С материальной стороной в этом году было вполне сносно. Основное продовольствие нам выделила Французская Федерация Горосхождений (*Fédération Française de la Montagne*), и Шарли, в частности, уладил немало проблем, получая гарантии, что наше жизнеобеспечение не будет скудным.

Что касается транспорта, все получилось наилучшим образом, благодаря новобранцу в Гляз Жану Бейи (*Jean Bailly*), чей «Скутер» Розенгарт (*'Scooter' Rosengart*), маленький, но лихой, высадил нас со всем багажом в Сонт-Понкрас. Однако Бейи смог пробыть с нами всего два дня, к своему и нашему сожалению.

Естественно, в команде были старые проверенные ветераны Шарли и Ферно́. Жан Ну́ар, совсем недавно женившийся, привел свою жену Сюзанн (*Suzanne*), и она без конца пеклась о том, чтобы уберечь его от мелких тягот лагерной жизни. Все остальные были окружены столь же самоотверженной заботой приехавших из Гренобля двух очаровательных подружек Шарли — сестер Трюфу́: Мари-Терез (*Marie-Thérèse Truffot*) и Реймунд (*Raymonde Truffot*). Целых две недели охрана лагеря, кулинария и шитье не оставляли им ни минуты свободного времени.

Удовольствие или полнейшая рутина? И было ли им в радость избавиться порой от нас на двадцать, а то и тридцать часов кряду? Может быть, даже очень. Но общее впечатление едва ли было слишком ужасным, так как на следующий год они вернулись уже вместе со своей третьей сестрой.

Периодами разной продолжительности группу усиливали Лябу́р, Пруньи и его друг Даму́н (*Damond*).

Две экспедиции, необходимые для тренировки перед решающим штурмом, завершались отступлением.

Первая — увидела гибель наших надежд пробиться из Гляз к пещере Шёвальё.

Вторая — упомянутые уже испытания звуком между Галереей 43 и пещерой Аннет, также бесплодные.

Но на этом наша «чёрная серия» (*black series*) закончилась.

4 августа (1945) мы вышли из лагеря в восемь утра — Пруньи и Дамун сделали с нами первый колодец, помогли донести трубы и установить шест, но завтра они уходили, так что пришлось им позволить нам идти дальше без них.

Пруньи был в ярости.

— Всегда одно и то же, — бушевал он. — Всякий раз, когда я на месте, не происходит ничего даже мало-мальски интересного. А сегодня, когда мне уходить, ты вот обязательно пройдёшь!

Шарли тщательно осмотрел собранный штурмовой шест — ведь часами проводя за токарным станком, он и не подозревая о масштабах своей работы.

— Могу вам сказать, что это последний раз, — сказал он. — Больше вы меня на такое не сподвигнете.¹

Результат был безупречен. Водопроводные трубы соединялись, как в сказке, шест был совершенно жестким, и восхождения в Польском и Колокольном колодцах проходили без затруднений и неприятностей.

В меандрах верхних уровней началась эстафета (*передача груза по цепочке, прим. К.Б.С.*). Над Колокольным колодцем две секции шеста положили весьма неустойчиво. Я попросил Нуара быть предельно осторожным рядом с ними. Двадцать секунд спустя эти секции грохнулись на дно колодца. По счастью, все уже были наверху, но Шарли пришлось спускаться, чтобы забрать трубы. Одно из звеньев пришло в негодность от деформаций при падении.

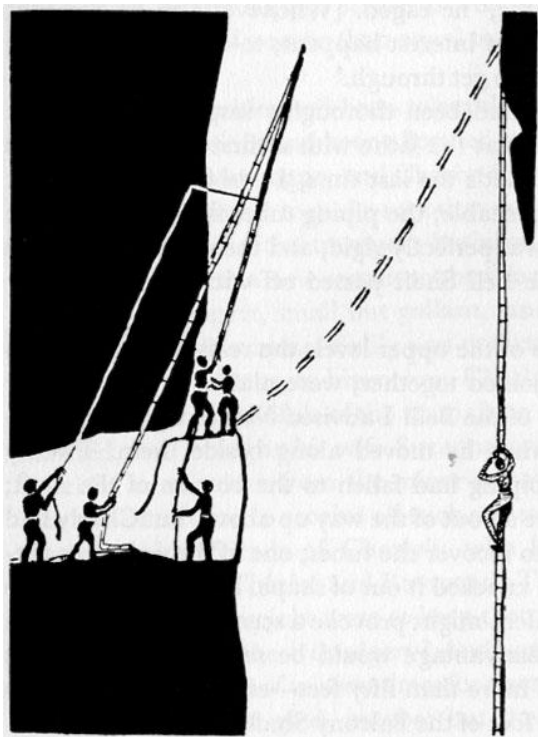
Какое-то время казалось, что это происшествие может спровоцировать скандал, но обошлось. Реальный ущерб проявится при необходимости подняться на высоту более 15-ти метров — это если придется начинать со дна Балконного колодца.

В шесть вечера мы были на Балконе (*balcony ledge* — Балконной полке).

¹ *That's the last time, I can tell you, ' he said. — в оригинальном переводе, и я точно не знаю, как это перевести, прим. К.Б.С.*

Справа от нас возвышался высокий целик — колонна (*towering pillar*)¹, заслонявшая собой водопадный каскад. Между нами и колонной, на высоте от 9-ти до 11-ти метров выдавался вперед нависающий выступ. Что скрывалось над ним — площадка? Узкая тесная полка? Или вообще ничего?

Я наметил небольшую выемку в нависании — нужно было собраться с силами, найти какой-нибудь способ поднять шест над пустотой и толкнуть его верхушку в эту выемку.

Это был ужасный маневр, потому что стартовая площадка была очень маленькой, а стена колодца нависала над нашими головами, мешая соединить все части шеста, прежде чем наклонить его к карнизу. Так что малейший просчет мог привести к падению всего сооружения в колодец.

И это был бы конец нашего шеста и всей попытки восхождения этого года. Поэтому каждый этап действий следовало тщательно продумать, ничего не оставляя на волю случая.

Рис.8. Балконный колодец: установка шеста.

Мы начали сборку с немного наклонной площадки. Она была около полуметра в ширину и до метра длинной — только-только для двоих. Пристыковывать секции шеста приходилось на метр ниже, между площадкой и ходом, и затем смещать их вверх.

¹ В горнорудном деле «целик» — часть залежи (пласта) полезного ископаемого, оставляемая нетронутой при разработке месторождения. В спелеологии — часть коренного пласта, оставшегося при образовании пещеры, прим. К.Б.С.

Чтобы шест с прикрепленной к нему лестницей не опрокидывался к середине шахты, надо было удерживать его примерно за середину полной поднимаемой вверх длины. Для этого с помощью того же шеста мы забили скальный крюк в трещину в 5-ти метрах над нашими головами. Затем к крюку пристегнули карабин (*snap-ring*) с пропущенной в него веревкой и получили оттяжку для поддержки шеста за его середину.

Один из нас должен был держать оттяжку, второй отвечал за лестницу, прикрепленную к шесту, и оставалось трое, чтобы установить шест: двое — приподнимали его, третий — присоединял снизу секции одну за другой.

Мы состыковали 10 метров шеста и вытолкнули его вверх под углом шестьдесят градусов над колодцем вдалеке от стен, оперев основанием на маленькую площадку. Но как только мы совершили этот подвиг, слишком тяжелый шест перевесил и упал вершиной на противоположную стену шахты. Было очень трудно вернуть его в прежнее положение и особенно сложно снова установить нижний конец на прежнюю площадку. Однако в конце концов это удалось.

Теперь штурмовой шест, надежно удерживаемый одним из парней, стоял наклонно над пустотой, и я в последний раз подал его вверх. Наши действия были хорошо скоординированы, веревка — выпущена в психологически нужный момент, и верхний конец шеста вошел в выемку в 12-ти метрах выше.¹

Мы потратили два с половиной часа на эту работу.

Затем несколькими хорошими рывками, мы проверили установку шеста и его опоры. Привязанный к веревке, я перелез на наклонную лестницу. Веревку выдавали, пока я маятником не откатнулся в точку прямо под выемкой. Теперь мы зашли уже достаточно далеко — прошло еще несколько минут... все было устойчиво и спокойно.

В полной тишине я медленно поднялся первые несколько метров и посмотрел вверх: все выглядело хорошо. V-образная выемка превосходно удерживала верхушку шеста.

В трех метрах от верха я немного отдохнул, поскольку на стене была большая опора для ног, затем продолжил восхождение. Последние несколько метров были самыми плохими. Как это постоянно случается, плотно прижатые к обрыву шест и лестница вошли в противоречие,² из-за чего попасть ногой в ступеньки было нелегко. Но в конце концов моя голова поднялась над краем — и, ура, площадка!

¹ А откуда тут уже 12 метров? Только что было 10 метров, и шест уронили на противоположную стену колодца... Потом добавили пару звеньев? Прим. К.Б.С.

² Видимо, в том смысле, что хорошо, когда верхушка шеста плотно прижата к скале, а вот когда прижата лестница — нет, прим. К.Б.С.

Я крикнул об этом вниз, но никто не отозвался. По-прежнему царила полная тишина.

Что, черт возьми, с ними случилось? Обычно им хватало, о чем поговорить между собой.

Казалось, мне никогда не удастся покинуть лестницу — на верхней плите не было никаких полезных зацепок, и пришлось очень постараться, чтобы, наконец, вползти туда на животе.

— Ты в порядке?

— Подождите. Отдышусь.

Обернувшись, чтобы посмотреть на остальных, я зацепил взглядом шест... По ходу моего подъема он изогнулся в невероятную дугу — чуть ли ни в метр от прямой.¹

Этим и объяснялось молчание — все со страхом ожидали поломки, но держали язык за зубами, опасаясь меня напугать. Будь я в момент поломки на самом верху или ниже, результат один — падение в пустоту.

Запоздалый ужас парализовал меня, и я почувствовал, что на сегодня с меня хватит. Казалось, весь мой боевой дух иссяк и доблесть угасла.

С площадки мне было мало что видно, но та малость, что я видел, обнадеживала. Я оказался на своего рода седле, площадью около 0,6 квадратного метра.² За ним 4,5-метровый спуск приводил к руслу с ручьем между двумя водопадными каскадами, которые пока были вне поля зрения.

Я закрепил лестницу на скальном крюке, Шарли присоединился ко мне, и мы спустились к ручью. Водопад над нами был больше 18-ти метров, но подъем с помощью шеста на первые несколько из них, вероятно, позволил бы потом взобраться на самый верх.

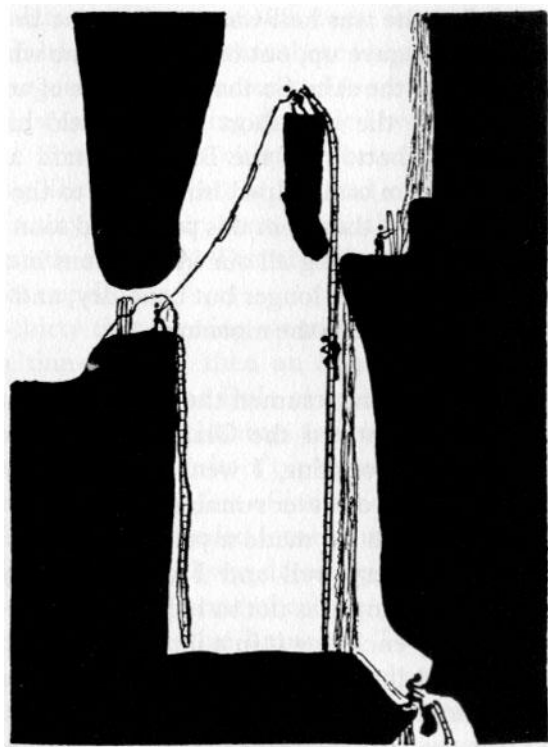
Теперь наш план состоял в том, чтобы разобрать шест, поднять все звенья на седло, спустить их к подножию этого водопада и тут снова установить шест. Заниматься транспортировкой секций шеста всем вместе смысла не было — Нуар мог справиться с этим один. Но работа в целом обещала затянуться, поэтому, как только шест разобрали, я отправил Ферно и Гая Лябюра на дно Балконного колодца, чтобы попытаться подготовить путь вниз через Душевой зал.

¹ Интересно, а почему они не держали шест за середину той же оттяжкой, уже привязанной к шесту? Удивление К.Б.С.

² Кто-нибудь может представить себе площадь = 0,6 кв. м? Конфигурация седла при этом возможна самая разная, но, допустим, для определенности: 0,7 x 0,8 метра, прим. К.Б.С.

Это занятие позволяло им не ждать и не мерзнуть, а главное преимущество состояло в том, что мы смогли бы довольно быстро убраться отсюда, если продолжение экспедиции превратит нас в подобие мокрых крыс. Ибо от дна Душевого зала до выхода было всего двадцать минут ходу.

Когда для сборки шеста все было готово, мы позвали Фернó помочь. Он поднялся и описал трудности, которые им пришлось преодолеть вниз.

Дело в том, что в течение часа мы слышали удары молотка, которые не могли объяснить. Оказалось, что они буквально долбили сквозь узость в плите, чтобы обеспечить спуск дальше от основной капли и место приземления, не столь щедрое на водяной душ. Теперь, благодаря этому, мы сможем избежать воды более, чем на половине колодца. И сам ход значительно улучшился, особенно для вытаскивания наверх снаряжения.

Рис.9. Маневры в Балконном колодце

Втроем мы быстро установили шест. У меня было большое желание этим сегодня и ограничиться, но Шарлі думал иначе. Он сказал, что любой ценой надо увидеть следующее препятствие, с которым мы столкнемся. Он даже не потрудился одеться в водонепроницаемый комбинезон, прежде чем прыгнуть на лестницу, и так как его налобная лампа не имела защиты от падающей воды, вскоре остался без света.

Но Шарлі продолжал подъем, пока не достиг верха лестницы, где сделал несколько тщетных попыток снова зажечь налобник. На самом верху лестницы, в кромешной темноте, он попытался очистить горелку,

но лишь еще больше засорил, так что в конце концов ему пришлось спуститься, промокнув насквозь и так ничего и не увидев.

Едва сойдя с лестницы, Шарли исправил лампу и сразу же пошел снова. Однако на полпути произошел тот же сбой. На этот раз Шарли сдался, как ради пользы дела, так и потому, что промок насквозь. Так что лучшим продолжением было дать ему пройти первым новый короткий путь к выходу.

Мы поддерживали Шарли веревкой, пока он не достиг дна Балконного колодца, где его принял Гай Лябур и помог спуститься в Душевой зал: мы знали, что оттуда он быстро выберется наружу.

Сами же, оставив все снаряжение на колодцах, вернулись обычным путем, более длинным, но сухим, и вышли из Гляз в половине пятого утра.

На следующий день (6 августа 1945) та же команда возобновила атаку, теперь уже уверенная в успехе.

В десять утра мы вошли в Гляз.

Около трех часов дня, одетый в водозащиту, я поднялся под вчерашний водопад. По шести текли струи воды, но водонепроницаемая одежда, сделанная из моих последних запасов, вела себя очень хорошо, и я поднялся наверх, оставшись достаточно сухим. Моей лампе досталось больше, хотя я и сделал ей дополнительную защиту, заключив горелку в консервную банку. Но первая же вспышка зажигалки ее оживила.

Я посмотрел вверх — все было хорошо: два уступа, не очень внушительные, а дальше пока не было видно. По моим расчетам верх колодца не мог находиться далеко за пределами второго уступа.

К счастью, я нашел хорошее место для крепления лестниц, чтобы остальные могли последовать за мной, не сражаясь с водопадом.

Длительные процедуры по разборке шеста, подъему секций наверх, новой сборке и установке (а от них некуда было деваться!) сменили одна другую, и чтобы хоть как-то ускорить дело, я начинал очередной подъем, не дожидаясь, пока все соберутся вместе. Два незначительных уступа, в общей сложности около 15-ти метров, с помощью шеста были пройдены быстро.

Потом еще один — последний. Теперь метрах в 15-ти над нами были ясно различимы окна ходов. Мы установили шест, я поднялся по лестнице и оказался у входа в новые меандры, почти в 110-ти метрах над Душевым Залом.

Мы покорили этот грозный колодец и оставили за собой более половины высоты, отделявшей нас от верхнего плато. Худшее осталось позади, поскольку осмотр скал Дон-де-Кроль показал, что в нем не было

другого слоя известняка с таким же однородным характером и столь же устойчивой структурой.

Пока остальные разбирали шест, я отправился на разведку. Сначала на распорах между стен я отвоевал что-то около 9-ти метров. Потом метров 14 полегче, и я оказался в крошечном гротике. За ним следовал резкий подъем, за которым лабиринт возобновлялся.

Гротик был самым подходящим местом для ужина. В шесть тридцать вечера все собрались тут и устроили пир консервами, а через час продолжили движение по меандрам, оставив в гротике личные вещи, смену одежды и водозащиту. Каждый из нас нес две секции шеста и долю самого необходимого снаряжения — 15 метров лестницы, несколько нейлоновых веревок и перекус.

Когда мы прошли какое-то расстояние ¹, проход раздвоился. Я уже начинал бояться повторения системы Купола (*Dome system*), когда (как вы помните) галерея вскоре начала ветвиться и в итоге превратилась в крошечные рукава. Одна из расщелин уходила вправо, превращаясь в удручающе гладкую трубу на пересечении разломов. Влево, в двух разных местах, нам преградили путь тесные маленькие каналы. Следовательно, выбора не было.

С помощью шеста и одной из коротких лестниц Фернó сумел взобраться по пересечению разломов — это был отвратительно узкий камин высотой около 18-ти метров. Дальше мы могли только ползти по извилистым ходам — но в них было тесновато.

В 80-ти метрах от Балкона² мы попали в другую полость. Хорошо, что мы взяли с собой секции шеста, без которого было не обойтись. Метрах в 8-ми над нами лабиринт возобновлялся — мы видели его начало.

Мы поднялись туда, благодаря уже знакомым маневрам с шестом и лестницами, но далее меандры сузились еще более, редко где имея пол, пригодный для передвижения. Мало того, что нам это не нравилось, так приходилось еще и передавать снаряжение по цепочке. Через каждый десяток метров мы складывали мешки и трубы, затем как-то перебирались через кучу и распределялись, чтобы снова передавать все это друг другу. Долгий и утомительный процесс.

Мы торопились, как могли, стремясь узнать, что же нас ждет в конце этого хода, но его конец казался все более и более труднодоступным.

¹ В английском переводе — *When we'd proceeded some hundred feet, a little less, ... несколько сотен футов или немногим меньше — это сколько: меньше 100 метров или больше? Прим. К.Б.С.*

² «В 80-ти метрах от Балкона ...» — по вертикали? Прим. К.Б.С.

Характер хода ухудшился, упаковки снаряжения растрепались, и становилось все труднее их восстанавливать и тащить.

Надо было что-то решать.

— Ну́р, давай вперед и сообщай нам, что увидишь, ладно?

Он ушел, периодически крича: «Десять метров!», «Двадцать метров!», «Тридцать метров! Ход все тот же».

Постепенно его голос становился слабее. Мы услышали «сорок» и «пятьдесят», а потом я крикнул ему остановиться и подождать, пока мы догоним. Решив оставить шест и идти только с мешками, я обнаружил, что без отвратительно громоздких труб мы можем лихо продвигаться раза в три быстрее. Время от времени я объявлял о набранной нами высоте ¹ — от входа в Гляз мы поднялись уже на 150 метров, побив рекорд прошлого года. Общая разница по перепаду между точкой, где мы сейчас стояли, и Ги-Морт составляла 536 метров.

И мы продолжали путь. Держась более или менее на дне прохода, мы проскребались меж близко сходящихся стен, хлюпая по мерзкой жидкой глине. Стены покрывали капли конденсата, и так как мы постоянно терлись о них, то полностью промокли, как если бы искупались под водопадом.

Когда мы были примерно в 65 метрах от последней кучи снаряжения, Ну́р наконец смог заметить изменение конфигурации хода.

Ход стал более запутанным, и нам пришлось взобраться на скальную стенку, чтобы выйти из мертвого сужения. Теперь мы набирали высоту без особых проблем, и поскольку это были манящие высоты, то выбирали первый же возможный вариант пути.

Разлом расширился, и после пары метров скального лазания мы поднялись в небольшой зал, оказавшийся дном колодца.

Сейчас мы приближались к той же высоте относительно уровня моря ², что и две величайшие пропасти в мире — Тонианская Бездна (*Tonion Gulf*) в Австрии и итальянская Буш д'Эол (*Bouche d'Eole*): еще несколько метров, и мы будем вторыми в списке.

¹ Интересно, как он это узнавал? В первый раз пробирался по меандру, причем не вертикально вверх, и каким-то чудом успевал измерять вертикальные углы и расстояния, быстренько рассчитывая превышения? Такое возможно только при современной топосъемке с помощью *Disto X2* и мобильного компьютера, да и то с большим навыком и трудом. Недоверие К.Б.С.

² *We were approaching now the same height in relation to sea level ... — а причем тут высота над уровнем моря? Насколько мне известно, в спелеологической практике не фиксируются высоты над уровнем моря, кроме разве что наиболее высоко расположенных над уровнем моря входов в пещеры. Вероятно, ошибся переводчик на Английский язык, перепутав суммарную денувиляцию (перепад высот между самой высоко и самой низко расположенными точками пещерной системы), с высотой над уровнем моря, прим. К.Б.С.*

Нет ничего зазорного признаться, что погоня за рекордом не оставляет вас равнодушным — это великое и великолепное чувство. Кроме того, наш успех давался нам не дешево.

Было близко к полуночи, и мы уже четыре часа сражались с этим проклятым меандром, продвинувшись всего на 236 метров. По сравнению с этим лабиринтом, ходы системы на соединении (Гляз и Ги-Морт) были бульварами.

Нуáр, которому в меандре впервые привелось идти первым в группе, ликовал больше всех. Он реально был вне себя и сейчас бросался на стену колодца, чтобы отвоевать еще метр или два, но столкнулся с довольно жестким нависанием, будто рассчитанным на то, чтобы стряхнуть немного позолоты с его пряника.

Это был не тот момент, чтобы настаивать на своем, не обращая ни на что внимания. Хотя наши аргументы Нуáра не очень впечатлили, тем не менее, он позволил попробовать более опытным скалолазам. Пока одному из них с трудом удалось преодолеть начальный участок, Шарлі, не сказав никому ни слова, принялся бродить по залу, и мы не сразу заметили, как он появился над головой опытного скалолаза, пройдя траверсом маршрут по разлому, на который мы едва потрудились взглянуть.

Шарлі поднялся на 9 метров и закрепил лестницу. Мы с Ферно́ поднялись к нему по лестнице, и Шарлі пошел выше. Над нами колодец сильно сужался, и в нем, казалось, не было тока воздуха. Но несмотря на наше беспокойство, Шарлі протиснулся между двумя гладкими скальными стенами и продолжил подниматься. На этом пути не было выхода, но вопреки нашим советам, он упорно продолжал подъем, однако вскоре устал, и мы почувствовали облегчение, когда он спустился к нам из этого тернистого хода.

Когда мы вернулись к группе, то устроили военный совет. Все устали, промокли насквозь и продрогли до костей. Однако здесь еще оставался негостеприимный узкий канал — продолжение хода, по которому мы пришли, и из него однозначно тянуло воздухом. Но ни у кого не оставалось сил протискиваться по его извилинам и пахать носом землю.

Мы все думали о возвращении, об ужасном испытании транспортировкой шеста, о 97,5 метрах колодцев, по которым предстояло спуститься: путь домой будет не менее жестоким, чем сюда, и это не оставляло времени на безрассудства. Кроме того, остальные, ожидая без дела, окончательно замерзнут. Так что ничего не оставалось, кроме как бросить эту затею.

Перед тем, как уйти, мы постарались очень тщательно сориентироваться. Первым делом мы отметили тонкий слой мергелей орбитолины (*orbitolitic marl*) с равномерной серой каймой вдоль граничащего с ними слоя известняка. К этому слою был приурочен весь лабиринт, и мы надеялись найти в нем область более широких залов и галерей, полагая, что глины и мергели будут размываться намного легче, чем окружающий известняк.

Но наши надежды были наивны. Ожидания быстрого продвижения на этом геологическом уровне теперь испарились.

Последний восходящий колодец мы назвали — Орбитолиновый (*Orbitolina Shaft*), и насколько нам было известно, спелеологи впервые достигли этого геологического слоя.

Отказались ли мы совсем от этого проекта?

Вернемся ли мы когда-нибудь сюда?

Пессимисты внутри нас твердили «нет», но каждый в глубине души знал, что это не ответ.

Я так долго и часто говорил, что с Гляз покончено полностью и навсегда.

Что с меня хватит.

Что ничего из того, чего мы могли бы достичь в будущем, не стоит слишком долгих, слишком трудоемких экспедиций...

Но мои коллеги прекрасно знали, что примерно через месяц, через день, а то и меньше, возможно, даже по пути назад к лагерю я разработаю планы новой кампании и намечу тактическую основу нашей следующей атаки.

А еще оставались Тремю́, Бейи́ и Пруньи́, которых сегодня не было, и они наверняка захотят достичь чего-то, что компенсировало бы их вынужденное отсутствие.

Но сегодня продолжение хода с его током воздуха не нашло своих сторонников, и мы, конечно, будем с сожалением обсуждать это всю зиму...

Мы были удивлены, обнаружив, что возвращение по меандрам оказалось не столь тяжелым, как первопрохождение. Даже на землю было ложиться легче — возможно потому, что мы не особо старались держаться подальше от луж.

Мы выбрали оставленный шест и возобновили утомительную эстафету транспортировки груза.

На полпути вниз по колодцу мы совершенно выдохлись, и, чтобы ободрить группу, я затынул «Песню пожарных» (*'The Fireman's Song'*).¹ Мы пели хором, все вместе, и немного ожили.

За этой последовали другие песни. Покидали колодец Пожарных (*Firemen's Shaft*) мы все еще с песнями: критический час — три утра, миновал.

Несмотря на усталость, мы возвращались без происшествий. Кто-то в спускавшей звенья шеста группе засыпал на самом краю 18-метрового колодца, а остальные трясли его и тормозили.

Иногда обменивались парой крепких словечек, если что шло не так из-за плохой организации, недопонимания или небрежности...

И как-то прошли часы.

Мы с Нуárom спустились через Душевой Зал, и приняли сверху все снаряжение. Остальные прошли длинным, но привычным путем.

В два часа дня все были на выходе из Гляз, полумертвые от истощения и засыпающие.

Мы пробыли под землей двадцать восемь часов.

¹ *Un casque de pompier
Ça fait presque un guerrier
Ça leur donne un air vainqueur
Qui sied pas mal à leur valeur.*

*Sous un casque luisant.
Ils ont l'air — épatants vraiment.*

*Пожарный шлем,
Почти воинский
Он придает им выигрышный вид
Который вполне соответствует их
доблести.*

*В блестящих шлемах
Они выглядят — просто потрясающе.*

Перевод мой, К.Б.С.

14 Атака на Рекорды

В конце июня 1946 года у пещеры Аннет состоялась большая встреча. К этому времени мы все вернулись к своим обычным занятиям и в свободное время могли делать, что хотели. Приятные воспоминания об ушедших лагерях, сожаления о том, что пропущены некоторые из захватывающих открытий, были частью тех магнитов, что притягивали всех отсутствовавших в прошлые годы. Не менее четырнадцати человек в лагере у пещеры Аннет — это был рекорд.

Пришлось как-то расширять наше пристанище. Разобрав построенную в прошлом году стену, мы передвинули ее дальше в пещеру — теперь при необходимости мы могли разместить и двадцать человек. Припасы хранили в глубине, используя свежую прохладу пещеры.

Мы не жалели усилий при подготовке к этому большому штурму. Предполагая, что исследования могут занять несколько лет, мы решили оборудовать нижние колодцы. Чтобы не оставлять под землей лестницы, поскольку даже стальные тросы в конечном итоге порвутся под водопадами, на каждом из колодцев мы установили систему шкивов и веревок, которые легче заменить. Вдвое пропущенная вокруг шкива толстая веревка несла кольцо, к которому прикреплялась лестница.

Это мало отличалось от нашей старой системы вытягивания-возвращения лестниц на отвесы (*rappel*), но имело улучшение. Поскольку не хотелось повторения истории на Р.36 в нашем первом выходе, место для крепления шкивов выбиралось очень тщательно. Единственным надежным средством для этого были вбитые в скалу шлямбурные крючья — операция сама по себе длительная, поскольку требует предварительной пробивки каждого отверстия с помощью пробойника.

Этот метод использовала группа Жаррёт д'Асьёр, когда оборудовала Фонарный колодец, и их работа значительно упростила нам доступ ко второму, нижнему ярусу Гляз.

26 мая (1946) Шарли и Ферно оборудовали Польский и Колокольный колодцы.

9 и 10 июня, учтя опыт по установке шеста в Балконном колодце наклонным мостом к «седлу», расположенному намного выше, мы сделали все намного безопаснее, закрепив веревкой середину шеста и этим исключив риск катастрофического прогиба, случившегося годом ранее.

В тот же день, для разнообразия и в надежде найти что-то новое, мы попытались проследить нисходящую часть верхнего лабиринта — галерею Гийма́ (*Guillemin Gallery*), служившую руслом реки, пока вода

не пробила Колокольный колодец. Почти 275 метров чудовищно извилистых ходов, несколько промежуточных сбросов и 27-метровый колодец в конце — да, это был путь не для респектабельных людей. Особенно нагруженных мешками и веревками: транспортировка снаряжения тут стала бы дьявольской работой.

Так как мы просто на удачу искали соединение Гляз и Ги-Морт, которое могло оказаться проще, чем другие, то не стали здесь перенапрягаться. Но если кто-то из любителей пещер заинтересуется, эту систему еще предстоит изучить.

29 и 30 июля мы открыли сезон 1946 года,¹ оборудовав Балконный колодец. Теперь все было готово к решающей атаке.

Поскольку в людях недостатка не было, мы до сих пор действовали двумя группами. Одна работала на завале в конце пещеры Аннет, другая — сначала в Гляз, а затем на плато, все еще продолжая поиск всасывающих воздух отверстий с использованием дымовых шашек. Все эти работы занимали больше времени, чем предполагалось, и не были достаточно скоординированы.

Поэтому 2 августа, когда планировалось начать атаку, мы были не в лучшей форме. Тем не менее, на мой вопрос, хочет ли кто-нибудь остаться, ответа не последовало. Таким образом, Гийма́ и Шассу́ предстояла их (любимая) работа по разборке завала. Остальные светились от предстоящего. Нас было девять, конечно, многовато, но ни одного добровольца невозможно было исключить из такой захватывающей экспедиции.

Однако в Колокольном колодце Ну́ар, понимая, что недостаточно подготовлен, волевым усилием решил отказаться от своих желаний и позволил нам идти без него. Наградой ему стал успех окончательного прохождения пещеры Аннет (*См. Конец главы XII.*).

В эту экспедицию мы еще и собирались слишком долго. Из-за накопившейся в последние дни усталости, мы встали позже, и бившее прямо на место лагеря солнце было неодолимо.

Но — о, эти восходы над Мон-Бланом!

По площадке, которая все же была маловата, нельзя было передвигаться достаточно свободно, особенно с мешками и снаряжением.

Да еще девушки занялись кастрюлями и чайниками, чтобы сделать приличный завтрак, но приготовили такую прекрасную трапезу, что она как-то неожиданно превратилась в солидное пиршество.

¹ *On July the 29th and 30th we opened our 1946 season by... — открыли сезон 1946 года: вот тут я не понял — то есть, подготовительные работы 26 мая и 9 - 10 июня 1946 года были не в счет? Или имеется ввиду, открыли Лагерь 1946-го года? Тоже как-то не вяжется, учитывая, что все успели сильно устать от разных исследований. Прим. К.Б.С.*

Так что наступил полдень, прежде чем мы были готовы выйти из лагеря. И конечно, это было слишком поздно, и нам предстояло подойти к ключевому моменту экспедиции как раз в ночной час «отлива» (... *low-ebb hour of the night* — *час отлива сил, к собачьей вахте, как сказали бы у нас, прим. К.Б.С.*)

Прошлой весной Шарлі изготовил легкий, устойчивый к коррозии шест из авиационных раскосов. Соединения звеньев осуществлялись специальными резьбовыми втулками, которые снимались полностью, чтобы не повредить резьбу при транспортировке.

Как и прежде, над Балконным колодцем мы поужинали в маленьком гротике в конце хода и оставили в нем запас продуктов.

Затем — беда! Шарлі хватился, что мы забыли резьбовые переходники. А без них экспедиция теряла смысл.

— Я уверен, что брал их, — настаивал Шарлі.

— Я их нигде не видел, — сказал Ферно́.

Мы обыскали все, но оказалось, что втулок ни у кого нет.

— Разве ты не помнишь? Они были в старой консервной банке, завернутые в бумагу, в сумке с инструментами?

Под Полночным колодцем мы готовили к подъему снаряжение и могли случайно оставить банку. Ферно́ наводил порядок и тоже мог выбросить драгоценный пакет в кучу пустых банок.

В конце концов, ради общего блага оба предполагаемых виновника, Ферно́ и Шарлі, вызвались спуститься до дна Полночного колодца, чтобы поискать злополучную банку.

Шарлі сразу предупредил, что после этой «небольшой пробежки» он наверняка выйдет из строя и с тем же успехом может оставить нас совсем.

Их выход двойкой не занял много времени, но на самой последней лестнице Шарлі повредил плечо. Однако и Ферно́, недавно потянувший мышцу, был не в лучшем состоянии!

Тем не менее Шарлі объявил, что с ним абсолютно покончено, и все же пошел с нами: «просто посмотреть, что будет».

Благодаря легким трубам шеста, в узких местах нам не приходилось передавать их по цепочке, и мы потратили всего три часа, чтобы дойти до конца исследованной части, тогда как в прошлом году ушло четыре.

Под Орбитолиной (*Орбитолиновый колодец, прим. К.Б.С.*) мы часок отдохнули. Мы оставили здесь всю еду, чтобы легче работать в предстоящем лабиринте.

В узость (*продолжение горизонтального хода со сквозняком, куда они в прошлый раз не пошли, прим. К.Б.С.*) протиснулся самый худой из нас, Гяр-

сиа (*Garciaz*), на пределе возможностей, без доли свободного пространства. При этом ему пришлось оставить за собой две секции шеста.

Пока он протискивался, мы с Шарли нашли более легкий путь и оказались впереди него. На какое-то время нас притормозило утомительное препятствие — угловатый валун, заклиненный в каньоне: не-большом, узком, но над валуном достаточно широком для человека, а за ним — приземление на грязный пол, скользкий от мокрой глины с неудобным уклоном.

Снова ползком, и вот мы на дне небольшого колодца.

Совсем рядом с его дном, после короткого хода с низким сводом, открывался колодец колоссальных размеров: широкий, высокий, пробиваемый каплей. А также с тягой воздуха.

У всего этого был и весьма непривлекательный аспект: дно большого колодца находилось не на нашем уровне, а в 5-ти метрах ниже, места приземления видно не было, и нигде было спрятаться от воды.

Отсюда установить шест не представлялось возможным — нашей единственной надеждой оставался меньший колодец, со дна которого мы сюда пришли.

Команда была совершенно подавлена. Было два часа ночи. Но мы решили собрать сюда все наше снаряжение и попробовать установить шест. Бей и другие сделали не менее трех ходок, пытаюсь найти недостающие звенья шеста, но их нигде не было. По всему выходило, что не хватает именно тех, которые Гярсиа пришлось оставить у первой узости, и в конце концов он вернулся, чтобы забрать их.

Эта задержка нас почти добила: лично я чувствовал себя ни на что не способным и на некоторое время прилег, спрятавшись под выступом плиты и пытаюсь хоть немного поспать, чтобы восстановить силы. Единственным результатом было то, что я ужасно замерз и утратил дееспособность на несколько дальнейших часов. Ферно и Трёмю были ненамного лучше. Наше физическое состояние было плачевным, а настроение настолько плохим, что мы с неприятием и скепсисом взирали на старания Шарли взойти по колодцу.

Что уже там дальше!

Боже всевышний, на что мы тут надеемся?

Шарли никогда не перестанет лазать?

Мы уже почти молились, чтобы он натолкнулся на что-то непреодолимое и немного умерил свой пыл. Но при всем том его старания увенчались успехом: 5 метров вверх по маленькому колодцу привели в расширение с вместительной площадкой.

Теперь Шарли нужна была помощь для дальнейшего, и ему удалось вывести нас из ступора. Мы неохотно последовали за ним, и к пяти утра собрались на площадке, все ввосьмером.

Шест приставили к гладкой стене, с удобной полкой метрах в 9-ти выше. Оттуда Шарлі, надежно страхуемый Прунь, траверсировал влево над опасной плитой.

Далее до половины видимого пути поднялся лазаньем Бейі.

Двойка Прунь-Шарлі продолжила восхождение, поднявшись с шестом еще на 9 метров по истекающему капелью камину.

— Мы на верху колодца, — сообщили они, прежде чем кануть в неизвестность.

И ничего не оставалось, как ждать — бесконечно, бесконечно... Время шло, и этому, казалось, не будет конца. Два часа ... три ... четыре ... все уже дремали, каждый в своем углу.

И наконец, на фоне вечного шума близкого каскада мы смутно уловили какой-то иной звук — царапанье о стены, скрежет, замогильный бубнеж человеческих голосов. Они возвращались.

Шум усилился, слабое мерцание вошло над колодцем, и они пошли вниз. Они спустились с первого участка и наконец освободили Бейі из его ужасного положения.

Мы встряхнулись и снова обрели способность действовать: все успели немного поспать, несмотря на холод и всепроникающую влагу, и я снова почувствовал себя в хорошей форме..., когда было уже слишком поздно.

К счастью, у нас был Шарлі, чтобы помочь сохранить самоуважение и привести к триумфальному успеху экспедицию, катившуюся к такому полному фиаско, какое только было возможным.

Покинув место, где мы их видели в последний раз, Шарлі и Прунь сначала взошли по трудному и сложному колодцу, а затем преодолели исключительно тесную вертикально вытянутую в сечении узость (*narrow squeeze*). Они были самыми худыми из нас и то едва пробились. Затем немного спустились и вошли в довольно высокую галерею шириной в 3,5 метра, в которой наконец могли выпрямиться в рост. В заключение они уперлись в большой каменный завал, и несмотря на все старания, Шарлі так и не смог прорваться сквозь него.

Однако, по его мнению, пройти можно — и это всего лишь вопрос времени.

Но в любом случае набранная ими высота не оставляла сомнений — они достигли отметки 600.¹

¹ 600 metres = 1,968 feet. Это примечание переводчика на Английский.

Видимо, над уровнем входа в Гляз. Позволю себе в очередной раз выразить удивление, каким образом при первопрохождении без современных топосъемочных методов можно с ходу определить превышение подземного хода столь сложной конфигурации, недоверие К.Б.С.

Мы приветствовали этот блестящий и неожиданный результат возгласами и аплодисментами — теперь мы должны были находиться менее чем в 50-ти метрах под уровнем плато. С осознанием этого наше воодушевление достигло головокружительных высот — мы вернемся сюда в самое ближайшее время.

Оставив все наши вещи, мы вернулись под Орбитолиновый колодец и время между полуднем и часом дня посвятили еде, которую там оставили. Мы так чудесно восстановились, что за два часа прошли меандры, и в пять часов пополудни, через двадцать девять часов после начала экспедиции, уже вышли из Гляз.

Когда мы добрались до лагеря, нас приветствовало рукотворное уведомление: стрелка, указывающая на пещеру Аннетт, и надпись:

To PERQUELIN, 5 KILOMETRES: до ПЕРКЮЛЁ — 5 КИЛОМЕТРОВ.

Это была оригинальная придумка наших друзей, сообщавшая нам, что последнее препятствие было пройдено. Рассчитывая, что мы вернемся ночью, с утонченной многозначительностью они подсунули мне в спальный мешок шахтерский ломик — однозначное доказательство их достижений.

Обе команды обменялись поздравлениями. Шарли даже застонал: ведь в ту ночь в пещере Аннет он был так близко и все еще так далеко. В то же время Нуár наслаждался мыслью, что мы еще не добились окончательного успеха в Гляз, и что он будет участвовать в этом через день или чуть позже.

Наша первая неделя в лагере подошла к концу под самыми добрыми предзнаменованиями.

Мы запланировали царский банкет, чтобы отпраздновать наш тысячный час исследований Гляз. Это был превосходный день, и мы имели удовольствие принять в нашем орлином гнезде родителей сестер Трюфү.

Банкету на двадцать человек предшествовал официальный визит-экскурсия в пещеру Аннетт, и месье Трюфү все беспокоился о том, пройдет ли он «Таможню» как по пути туда, так и на обратном.

После банкета мы устроили различные праздничные развлечения — песни, танцы более или менее классического характера, демонстрации фантазийных способов скалолазания и всякое такое. Завершилось все фейерверком, и, несмотря на робкие возражения Сюзан Нуár (*Suzanne Noir*), одним или двумя огромными крекерами.

5 августа (1946) мы еще раз обыскали плато. Теперь мы знали, что в 52-х метрах под нами тяга воздуха все еще существует и все так же единым потоком. Поэтому его должна была вызывать какая-то значительная точка поглощения на плато, которую мы обязательно найдем, если только будем достаточно упорны.

Наконец наш поиск увенчался успехом. В самый большой из снежных колодцев явно всасывался дым. Сразу же приступив к работе, мы в течение шести часов удаляли валуны, взрывая их. Последний, поистине колоссальный, сопротивлялся всему, что мы пытались с ним сделать, поэтому, долго не раздумывая, в него заложили всю оставшуюся взрывчатку — почти 3 килограмма.

Теперь оставалось только наблюдать. Запалив шнур, пиротехники отбежали назад, чтобы укрыться, мы все приготовились к взрыву, заткнув уши.

Три ... два ... один ... Чпок!

Несчастный, жалкий слабенький треск. Сработал только один детонатор — остальные, слишком старые и несвежие, рассыпались впустую.

Разочарованные и сытые по горло, мы вернулись в лагерь.

6 числа (августа) мы отдыхали весь день.

На этот раз готовились тщательно — все в четком порядке, по-слоино, как в яблочном пироге, вплоть до старта, более раннего, чем обычно удавалось. В этот раз нас было шестеро: Шарли, Дамун, Нуар, Пруньи, Трэмю и я.

Ферно пришлось вернуться в Сонт-Исмье. Лодыжка Бейи сильно распухла, и он отправился в Гренобль, чтобы ей заняться. Отпуск Гарсия закончился.

В девять утра 7-го августа (1946) мы вышли из лагеря.

К семи вечера мы поднялись по колодцу Трех Сестер (*Three Sisters Shaft* — названному так в честь сестер Трюфю) и достигли Галереи Йорк (*York Gallery*) — конечной точки нашей предыдущей экспедиции. Здесь мы хорошо подкрепились — мясные консервы «Йорк» (*'York'*¹ — наши обычные консервы в этом году), чашка кофе, капля бренди и — за работу.

Шарли объяснил, что и как. Задача заключалась в преодолении завала из валунов, которое лично для меня застопорилось метра через три. Два «бордюрных камня» сходились в форме V, и надо было протиснуться между ними, не заклинившись в этом калибре.

¹ *'York'* — американская консервированная свинина, которая вместе с *'M&V'* — консервированная тушеная говядина с овощами, заняла место свежего мяса в Лионе зимой 1945-46-го годов, прим. переводчика на Английский с моими пояснениями, К.Б.С.

— Мне никогда не пройти, — сказал я. — Тут слишком узко.

Шарли пролез с большим трудом. Трёмю попытался последовать за ним, но с ходу не смог, хотя и бился по-черному.¹ Ему пришлось снять большую часть одежды, чтобы, после отчаянных усилий, наконец, пройти.

На самом деле в таких кошачьих лазах, как этот, перспективы не было, поэтому, предоставив Шарли и Трёмю справляться с завалом за калибром, я попробовал найти более удобный проход. Позади меня Прунй и Дамун принимали большие куски камня, которые я им передавал. Через час с помощью Трёмю, на более поздних этапах работы помогавшего сверху, все было сделано. Пройдя завал и выбравшись из раскопа, я обнаружил прямо под рукой отверстие, которое выглядело проходимым.

— Сюда, Шарли! Здесь ход!

Он работал в другом месте, а проход находился практически рядом с ним.

И в этот момент меж двумя потолочными блоками к нам вдруг спрыгнул Нуар.

— А ты откуда взялся? — спросили мы его.

— Я пошел поискать проход в дальнем конце галереи Йорк — нашел восходящий камин, и вот только что прополз сужение и оказался тут.

Однако, в этом завале было много путей, причем весьма хитрых.

Теперь путь был свободен, и вся команда двинулась вперед лишь с небольшим снаряжением и шахтерским ломиком: я продвигался первым вместе с Шарли.

Первая маленькая полость, казалось, была запечатана со всех сторон, но мы прошли ее, откатив в сторону огромный камень, за которым скрывался маленький, будто секретный, ход.

Это был настоящий сборник сюжетов!

Ногами вперед мы вползли в неведомые регионы (районы без названий).

Потом начался хаос-путаница массивных «роялей» (*'grand pianos'*), затем зал, показавшийся нам гигантским. Мы все время поднимались. В конце зала свод понизился, и снова пошел ход, в котором нам пришлось передвигаться в приседе или низко согнувшись. Мы беспрепятственно прошли 10, 20, 30 метров ...

— Шарли, мой мальчик, — сказал я, — еще 45 метров, и мировой рекорд будет наш.

¹ ...worked like a black — буквально: работал как черный, усмешка. К.Б.С.

Но потолок над нашими головами все снижался — неужели мы приближаемся к полностью перекрытому тупику? Хотя ниточка сквозняка все еще присутствует...

Впереди, метров на 10 все еще просматривался ход с низким потолком, а дальше куча гальки, выглядевшая светлее. Плато должно быть совсем близко над нами, и это, без сомнения, дно какого-то колодца.

Я упорно продирался под плитами, перекрывавшими ход. Они были сильно раздроблены, и мало по малу я отрывал отслоения скалы. Шарли периодически меня сменял, затем мы уступили место товарищам по команде.

Снова начав по очереди лидировать, мы с Шарли постепенно продвинулись еще немного. Но в итоге скала перестала отламываться. Теперь один Шарли мог продвигаться дальше, но только раздевшись и распластавшись самым печальным образом. Сплюснутый меж плитами, он работал в ужасных условиях, камушек за камушком передавая назад обломки, которые удавалось свернуть.

Это было чистое безумие, и мы знали, что наши усилия безнадежны. Сколько раз нам придется возвращаться сюда, чтобы преодолеть это препятствие?

Возможно, мы снова попробуем дымовые шашки зимой, когда направление тяги воздуха изменится: по крайней мере, это подскажет, под какой из карровых расщелин (лапиаза) мы сейчас находимся, и в следующий раз мы пробьемся снаружи.

В три часа утра (8 августа 1946) Шарли и Трёмю сдались, расстроенные и совершенно измученные. Мы бились пять часов, чтобы пройти около 3,5 метров. Прунь попытался сменить их, но даже не смог добраться до места, где они бросили работать — для этогогодились только люди, изготовленные по специальному «нитяному» (*thread-shaped*) формату.

Мы не знали, что делать, но не могли смириться с поражением.

Нуár предложил компромисс.

— Оставим здесь шахтерский ломик, — сказал он. — Я вернусь и заберу его, если мы решим отказаться от этого варианта.

На обратном пути к вещам главным было немного прийти в себя и обдумать ситуацию. Мы только немного поспим, а там посмотрим.

В десятке метров вниз по тропе наше внимание привлекла куча камней. Эти камни заметно отличались от коричневатых скал вокруг — они были намного белее.

— Это дно колодца — или нижний конец воронки. И тут хорошее место для раскопок, гораздо проще, чем дальний конец этой галереи.

Мы прошли еще пару метров, и тут Шарли воскликнул:

— Гляньте на это! Скелеты!

Один был человеческий, другой летучей мыши, и мы осторожно приблизились к ним. К нашему удивлению, скелет был детский — маленький, однозначно, и он не мог находиться здесь долго, так как кости еще не совсем очистились. Несомненно, совсем рядом была расщелина, требующая расчистки, в которую, должно быть, упал в ребенок. И даже если её потом засыпало щебнем, пробка не успела стать очень толстой.

Ну́ар тоже что-то обнаружил и звал нас к себе. В отдалении от нынешней галереи, куда можно было добраться только продираясь ползком, находилось основание восходящей трещины, через которую дул мощный поток воздуха. Ребенок почти наверняка должен был прибыть именно оттуда.

Я поднялся метра на 4 по очень узкой щели, но меня остановило сужение. Ну, Шарли в любом случае сможет здесь пройти, и это было главное.

Вот и еще одно место для исследований в самое ближайшее время.

Наконец, мы с Ну́аром осмотрели замеченные им ранее в большом зале несколько входов в меандры. Но ни в одном не удалось продвинуться на сколько-нибудь значительное расстояние, хотя сквозняк был повсюду.

Мы вернулись к остальной части команды, ушедшей вперед, чтобы сделать кофе и приготовить еду. У нас был наш «Йорк», шоколад и сахар. Потом надо было хоть часок отдохнуть. Все пытались устроиться поудобнее: кто растягивался во весь рост, кто сидел на корточках, положив голову на колени, другие прислонялись спиной к спине, чтобы было теплее. Но все равно все и каждый дрожали от озноба.

В шесть (утра 8 августа 1946) я дал сигнал побудки.

Поистине чудотворный момент — последняя чашка кофе перед выходом: впервые в истории работы в Гляз мы возобновляли атаку, имея в активе уже двадцать один час. Это была превосходная решимость и рекордный моральный дух.

Колодец Малыша (*Kid Shaft*) был лишь для самых стройных, и только Шарли, и разве что Пруньи, могли преодолеть его сужение. Остальным предстояло атаковать осыпной конус — мы взяли с собой две секции штурмового шеста, чтобы разрыхлять его основание.

Мы начали без промедлений и вскоре ощутили обнадеживающее усиление сквозняка. Тем временем Ну́ар спиной и плечами создавал

опоры для Шарлі, который постепенно поднимался по расщелине (колодца Малыша). Обе команды работали на большом удалении между собой, и нам приходилось кричать, чтобы понять друг друга, потому что слова проходили плохо.

Внезапно до нас донесся крик:

— Дневной свет! Я вижу дневной свет!

Мы недоверчиво подшучивали над Шарлі, намекая на посетившие его галлюцинации. Но он сказал, что совершенно уверен. Я спросил, не обманулся ли он отражением света своей лампы от капель конденсата, ведь это классическое недоразумение уже приключалось не единожды (и не с одним из нас), особенно в таком полусонном состоянии.

— Нет. Я потушил лампу, но все выглядит так же.

— И на что это похоже?

— Прямо надо мной примерно через 1,5-2 метра сужение. Я постараюсь расширить его молотком! А дальше становится шире.

С этого момента началась гонка между двумя группами: какая пробьется первой. Мы набросились на конус, как сумасшедшие: Дамун и Тремю оттаскивали отковырянные обломки, пока я, лежа на спине, двумя руками орудовал секцией шеста, сильными толчками вгоняя ее в навал. Из-за ограниченного пространства работать было очень неудобно. Время от времени мы слышали глухой рокот — насыпь сдвигалась, и сквозняк становился все сильнее. Вместо сухих булыжников, поступавший сейчас сверху материал был пересыпан землей, а вскоре и испачкан грязью.

Чтобы работать быстрее, Дамун снял свои полуперчатки, и его пальцы были в крови. Тремю выдохся, поэтому Нуар занял его место, а Прунь пошел на помощь Шарлі, который сражался с узкой трещиной ударами молотка и шахтного ломика. Они продвинулись вверх почти на метр, и Шарлі крикнул нам, что через полчаса он пройдет.

— Сходи принеси лестницу, — предложил он, — и я спущусь другим путем.

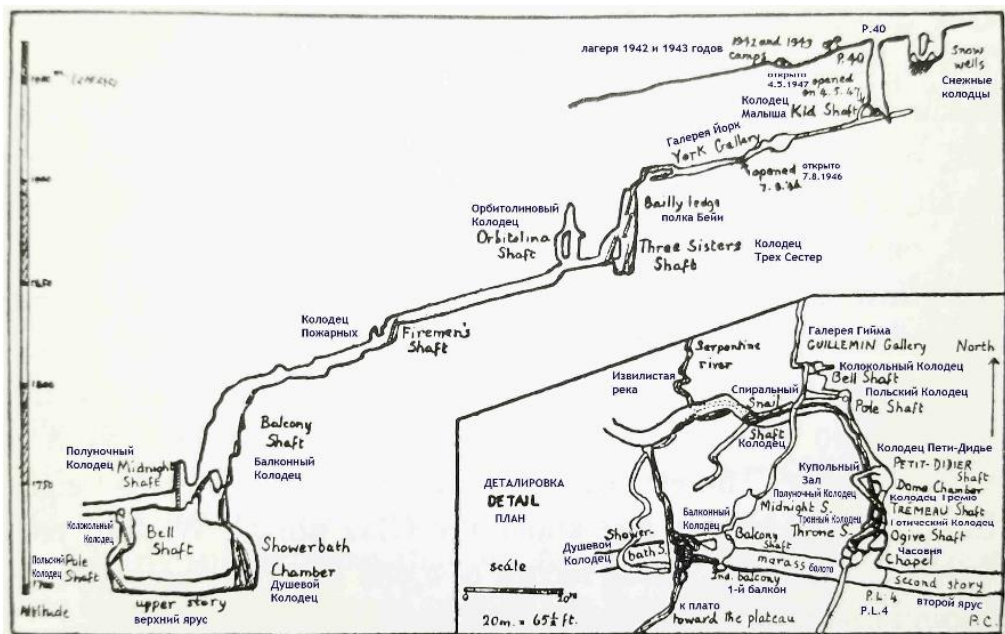
Однако, время шло, скала была твердой и неподатливой, и теперь осыпались только осколки. Шарлі пришлось признать поражение и отказаться от своего плана. Но, прежде чем покинуть расщелину, он завернул камешек в носовой платок и забросил его повыше, чтобы потом иметь доказательство.

Ситуация на данном этапе была такова. С расщелиной пока закончено, по крайней мере, на сегодня. Учитывая общее утомление, конус обломков мы могли разбирать еще часа четыре — но сколько вообще времени на это потребуется? Ведь мы не могли знать, имеем дело с одним или пятью метрами завала.

Я склонялся к продолжению работы на разборке завала. Кто-то возразил, что, поскольку место позволяет работать только троим, остальные замерзнут без дела.

Чашу весов склонил Шарли, сказав:

— Снаружи мы быстро найдем платок. Смешно продолжать умирать тут под землей, если гораздо проще расчистить отверстие с плато.

Карта 10. От Тру-дю-Гляз до плато над ним

Для порядка мы еще поковыряли осыпной конус и в 13:00 ушли. Все вещи мы оставили, потому что рассчитывали добраться сюда со стороны плато.

Спуск не составил трудностей: Галерея Йорк — Три Сестры — Орбиталина. Пруньи и Трёмю, обнаружив, что в меандрах идеальная акустика, принялись петь мессу, но внезапно, когда Жан (Бейи) спускался по колодцу Пожарных (Fireman's Shaft), символ Веры прервало непечатное ругательство:

— Смотри, один из боковых тросов оборван!

Лестница испустила дух, и он приземлился на осыпь.¹

¹ Упал что ли? Прим. К.Б.С.

Остальная часть спуска прошла без происшествий, и мы вышли на поверхность в десять часов вечера.

Эта последняя экспедиция, продолжительностью 35 часов 20 минут, из которых только один час был отдан полусну, побила все наши рекорды.

Уровень, до которого мы поднялись, был около 250 метров над входным порталом Гляз. Вероятно, мы достигли мирового рекорда в 637 метров и, безусловно, должны превзойти его, если выйдем на плато.

15 Безумцы рассказывают эту историю

Мы вернулись в лагерь к одиннадцати, изнемогающие от усталости, но ликующие по поводу этой победы, вырванной из челюстей поражения.

Долгий сон — все, что нам было нужно, чтобы ожить. Никто не шевелился на рассвете, но чуть позже мы начали переговариваться к резкому неодобрению тех, кто считал, что шесть-семь часов сна слишком мало после такой гигантской экспедиции.

Длинная трапеза, растянувшаяся на несколько часов, заставила кое-кого из нас увидеть вещи в новом свете, и когда я предложил подняться на плато, возражений не было. Шарли все еще верил, что мы без проблем найдем выход из расщелины. Если его наблюдения и оценка размеров были правильны, это мог быть только Р.40. Пока что я не мог припомнить ни одного провала, к которому его описание применимо.

К середине дня мы были на краю этого колодца (Р.40).

Брат Тремю, Бернар, пробывший с нами четыре дня, все еще оставался новичком на лестницах. Пойти с нами в Гляз он не смог и сейчас хотел спуститься. Но Жан Нуár, одержимый желанием первым увидеть платок, его опередил. Вдвоем они тщетно прочесывали стены колодца в поисках какого-либо признака расщелины и напрасно искали платок с камнем. К нашему огромному разочарованию, они ничего не нашли. Нам оставалось признать, что все не так просто.

Однако Петй-Дидье победить было не так легко. Методично навешивая лестницу в каждое стоящее отверстие в каррах (лапиазе), он совершал скучные и утомительные спуски, один за другим.

Пока это продолжалось, я бродил туда-сюда по району плато, находившемуся выше снежных колодцев, чувствуя уверенность, что мы, должно быть, поднялись выше их уровня и наше отверстие находится выше, на территории, которая пока еще не так тщательно изучена.

В семь часов вечера я обнаружил дыру с тягой воздуха, настолько далеко, что не могло быть и речи о том, что она соединяется с колодцем Малыша. Когда Бернар Тремю убрал часть обломков, то обнаружил огромную полость, которая могла служить отличным убежищем. Воздушный поток, как это часто бывает, проходил через другую щель немного в стороне. Большого сделать не удалось.

Наша неудача была необъяснима, и нам суждено было размышлять над этим в течение следующих нескольких месяцев, так и не приближаясь к объяснению.

Я назначил следующую экспедицию на 6 октября (1946), но долго до этой даты я почувствовал, что больше не могу вытерпеть бездействия, и в сентябре непреодолимое желание подтолкнуло меня вернуться на плато.

Я снова изучил схемы, пытаюсь установить связь между колодцами подземной системы и зонами трещиноватости и разломов каррового рельефа (лапиаза). Я полагал, что сузил круг вероятного нахождения точки, которую мы искали, до пятидесяти или шестидесяти метров.

С Шассу́ и Пруньи́ мы сопоставили схему плато с моим планом внутренних полостей от точки над Гляз до колодца Малыша.

И снова выход получался именно в области снежных колодцев, в тех самых воронках-провалах, с которыми мы были лучше всего знакомы. Дело превращалось в бессмыслицу. Оставалась только одна расщелина, которую нам не удалось исследовать, поскольку даже Шарли́ не смог справиться с очень узким местом — бутылочным горлышком, из страха, что больше никогда не вернется. Более того, он был уверен, что она совсем не соответствует размерам колодца, который видел над собой.

6 октября (1946) стало для нас еще одним днем полного разочарования. Гярсиа́ смог пройти ту проблемную расщелину, но ее дно оказалось полностью забитым.

Мне становилось ясно, что мы никогда не продвинемся ни на сантиметр, пока не предпримем очередную атаку через Балконный колодец. Это была единственная надежда найти выход на плато.

Ничего не было оставлено на волю случая — все тщательно продумано. Нам нужны были какие-то средства связи между колодцем Малыша и плато. Идея состояла в том, что большинство из нас распределится по местности на плато, а другие из пещеры попробуют связаться с ними различными способами.

Звуковые сигналы ограничивались петардами и свистками — конечно, мощности сирены Бейи́ хватало, чтобы за пару дней довести до восстания мирный народ Гаронны (*Garons*), но она была слишком хрупкой, чтобы протащить ее через меандры.

Все мои надежды возлагались на сигнальные дымовые шашки. Мы с Шассу́ с любовью занимались приготовлением тонких смесей на основе горючего порошка, гарантированно «бездымного» (*'smokeless'*). При легчайшей активации эти смеси испускают огромные облака белого дыма, но незначительная корректировка может превратить их в мощную взрывчатку.

В свою очередь Шарли́ две недели посвятил усердному изучению и придумыванию радиоаппаратуры. Передатчик состоял из индуктора (магнето) и антенны, а приемник, который можно было переносить по

всему плато, был хрупким, но чувствительным детектором радиосигналов. Шарли провел несколько экспериментов с ним в пещерах Сассенаж (*Sassenage*) и объявил, что может получать сообщения через 36 метров монолитного известняка. Оставалось только добавить рамочную антенну, и наш приемник позволил бы точно определить, из какой точки пришло сообщение.

Я договорился встретиться с остальными в пещере Аннет 1 ноября (1946) для окончательного уточнения планов.

Ферно́, Шарли́, Геэ́рс (*Guers*) и Тремю́ составили подземную группу: команда быстрых и компетентных трудяг, на которых можно положиться во всех отношениях. Наши лестницы с лета оставались на своих местах между Польским колодцем и колодцем Малыша.

Мы — вшестером, потратили около восьми часов, чтобы пройти этот путь, возвращаясь после напряженной экспедиции. Им должно было понадобиться не многим больше времени, чтобы подняться по тому же маршруту со снаряжением, которое мы подготовили.

В момент отъезда из Лиона я обнаружил, что «Форд» (*Ford*) ехать не желает. Специалист тщательно все прослушал и обнаружил, что ведущая звездочка «*delco*»¹ довольно свободно вращается вокруг своей оси. Это была не шутка, и пришлось прибегнуть к радикальным средствам в виде сверла и штифта.

Наконец, с опозданием в четыре часа, я выехал. Начался дождь и лил, не переставая. Когда вместе с ехавшими со мной Эдмундом Петцлем и моим сыном Жаком (*Jacques*) я вынырнул из ливня в Сонт-Понкрас, туда же прибыла машина с Тремю и всей его семьей. Мы немного повздыхали о Ферно́ и Шарли́, которые пошли вверх с Ну́аром и сестрами Трюфю́, оставив внизу самую тяжелую часть груза, чтобы сохранить силы для главного удара.

Когда мы были на полпути к пещере, погода ухудшилась. Снег падал здесь с раннего утра, дул сильный ветер с более высоких областей, было очень холодно, и наше продвижение стало медленным и мучительным. Жака, которому было всего тринадцать лет, на каждом шагу чуть не сбивало с ног, и он начал бояться, что никогда не доберется до пещеры.

Уже давно стемнело, когда мы наконец воссоединились наверху с нашими друзьями, которые по вполне понятным причинам были серьезно обеспокоены и почти готовы отказаться от затеянного.

¹ ...*driving sprocket of the delco* — судя по всему, это звездочка стартера; сервисная компания *United Motors* специализируется на автозапчастях с 1930-го года, прим. К.Б.С.

При сильном снегопаде, яростной буре и в кромешной тьме восхождение по крутым склонам между пещерой Аннет и Гляз было действительно опасным. Мне пришлось привлечь все свое красноречие, чтобы изменить их мнение: ведь около тридцати человек приехали из Лиона, чтобы дожидаться сигналов на плато — такого шанса больше не будет. Мы должны хотя бы попробовать добраться до Гляз — но если склоны Террô (*Terreaux*) окажутся слишком опасны, то только тогда, и никак не раньше, мы сможем признать свое поражение и все это отметить.

В девять тридцать вечера (1 ноября 1946) подземная группа выступила. Погода стала лучше, снег уgomонился и ветер, наконец, стих. Прошел час, в лагерь никто не вернулся, так что все шло хорошо: они добрались нормально.

Для передачи сигналов мы составили очень точное расписание: они должны были начаться в восемь часов следующего утра и повторяться через каждый час, пока связь не будет установлена. Я не мог избавиться от ощущения, что первый же сигнал все прояснит, потому что снова просканировал свои записи, и для меня единственно возможным решением оставался Р.40. Я не сомневался, что мы стоим на пороге успеха.

С рассветом мы покинули пещеру Аннет. День был чудесным, так как буря унеслась прочь. Мы шли по следам, оставленным нашими друзьями, читая их по мере подъема. Несмотря на толстый покров свежего снега, они не отклонялись от тропы. Четкие плотные следы указывали, что все четверо продвигались хорошо и уверенно.

Выше и выше поднимались мы к плато, утопая в снегу. Мы опаздывали и должны были поторапливаться. Ровно в восемь я достиг плато и побежал к колодцу. Там я обнаружил группу Французского Альпийского клуба (*Alpine Club = C.A.F.*) в ужасном состоянии — вчера они храбро поднялись в самый разгар бури. После утомительного поиска найдя единственное подходящее место для лагеря, которое могло предложить плато, они как можно лучше соскребли снег и поставили палатки. Всю ночь они сражались с бурей, и, хотя палатки выдержали, все очень замерзло и искренне приветствовали первый проблеск солнечного света, наконец достигший их лагеря.

Я ходил кругами по району колодца. Многие расщелины были забиты снегом, но Р.40 все еще был открыт. Время, назначенное для первых сигналов — дым и звук — миновало, и ничего не произошло.

8.30. Наш радиоприемник наготове. Мы настроились на Гренобль, чтобы убедиться, что все в порядке, но никаких потрескиваний, которые мог бы вызвать наш индуктор, не было.

Когда наступил час второго сигнала, все покинули палатки и заняли позиции над районом, который нас интересовал.

Дымовой тест. Безрезультатно. За исключением того, что кто-то почувствовал слабый запах на краю Р.40. Остальные подошли немного ближе.

9.10. Все соблюдали тишину в течение этих 10-ти минут — времени для звукового теста.

Бум! В 9.12 некоторые из нас довольно отчетливо слышали приглушенный хлопок и были уверены, что он исходил из места метров на 20 выше Р.40. Мы бросились туда и обнаружили жалкую маленькую трещину, исследование которой показало, что она забита камнями. Это не могло быть тем, что мы искали, так как вы никогда бы не увидели дневного света снизу сквозь нее.

9.30. Сейчас должно заработать радио. Но ничего не было. Непрерывно прислушиваясь, Эдмун Петцль бегал туда-сюда по плато в течение еще двадцати минут.

10.00. Мы снова приклеили взгляды к расщелинам и склонились, принохиваясь. И на этот раз результат был. Реймунд и Жевриль (*Gevril*) были совершенно уверены: сильный дым шел из расщелины, которая сообщалась с Р.40. Но напрасно я всматривался в темноту, наклонившись над этой расщелиной: я не видел и намек на дым.

10.10. Мертвая тишина.

10.11, 10.12, затем — Бум! Бум! Через час после их первого сигнала в 9-12, в том же месте, двойная реверберация — два детонатора или две маленькие петарды?

И на этом все закончилось. С этого момента и до полудня мы нюхали, слушали и наблюдали повсюду, но без всякого успеха. Жевриль спустился в Р.40 как можно глубже (у нас было всего метров двадцать лестницы) и остался там с радио, прислушиваясь, но все равно ничего не произошло.

Я был совершенно удручен. Еще одна мучительная для подземной группы экспедиция, глубокая усталость, столько трудов всех наших товарищей по команде, потерянное время, потраченные деньги, и все впустую. А что будет с нашими лестницами, остающимися на всю зиму под водопадами колодца Трех Сестер?

В два часа дня я отдал несколько динамитных шашек молодежи, жаждавшей посмотреть, как они действуют. Специалист из Маки провел демонстрацию, и большое мертвое дерево улетело в синеву, лишь Небеса знают, куда.

Два часа спустя мы покинули плато.

Часть из нас отправилась в Гляз, чтобы помочь нашим друзьям на последних этапах их возвращения.¹

Наши товарищи из Лионской группы собирались снова разбить лагерь на плато, и условия грядущей ночи для них выглядели немного приятнее. Сами мы пошли к лагерю в пещере Аннет, надеясь, что работавшие под землей в течение ночи вернутся. Я прикинул, что если они достигли колодца Малыша в десять часов утра, то могли оставаться там до двух-трех часов дня, и, если возвращение займет часов восемь, они могут вернуться к полуночи.

Сон не брал: я жаждал узнать, как все происходило — почему не сработали дымовые сигналы? Потому что отверстие было забито снегом?

Теперь, радио. Передатчик мог получить повреждения по пути.

Мысли кипели у меня в голове: ведь должен пройти целый год, прежде чем мы сможем продолжить, и весь год, от начала до конца, нас будет преследовать дразнящий вопросительный знак.

Медленно прошла ночь, но никто не вернулся. Я вслушивался в любой самый слабый звук, который мог бы предвещать их возвращение. На этот раз меня не было в ударной группе, и я кое-что понял в том, какое беспокойство вызывают непредвиденно затянувшиеся экспедиции.

Наступил рассвет, затем семь часов утра.

Я услышал скрежет гравия на тропе — это были они. Выпрыгнув из спального мешка, я выглянул за край площадки, глядя на бесформенные, растерзанные фигуры моих товарищей, которые появлялись один за другим: налобные лампы все еще горят.

Один ... два ... три ...² А где Геёрс?

Он ушел прямо на спуск к Айес.

Мы обменялись долгими многозначительными взглядами — или мне так показалось. Но Ферно слишком хороший парень, чтобы долго держать меня на нервах, и он сказал:

— С сигналами вышло неважно, но мы все равно справились.

— Ну?

— Это Р.40. Ошибки быть не может.

— Уверен?

¹ Кто отправился и куда потом делись, так как в лагерь пришли только трое из штурмовой группы? И почему среди них не было самого Шёвалье, который вместо этого отправился в лагерь ожидать возвращения. Сдается мне, что это очередные козни переводчика на Английский, а на самом деле эти участники ушли с горы напрямую вниз, как Нуар, см. ниже, прим. К.Б.С.

² Напомню, что в группе были Ферно, Шарли, Трёмю и Геёрс, прим. К.Б.С.

— По любому, девяносто девять из ста, это Р.40. Помнишь ту расщелину, которую мы отрыли в колодце (Р.40) на день Всех Святых в 1942-м? ¹ Это она! Не будь у нас безумной идеи, Шарли никогда не увидел бы дневного света в колодце Малыша.

— А что случилось с сигналами?

— Ну ... мы пришли слишком поздно, чтобы соблюсти расписание.

— Но мы слышали вас в двенадцать минут десятого и двенадцать минут одиннадцатого, из чего даже сделали вывод, что все точно соблюдается.

— Извини, старина. Кто-то, должно быть, стрелял, потому что это были не мы! На самом деле мы добрались до колодца Малыша только в два часа дня. И в самый момент нашего прибытия произошел потрясающий взрыв. Мы подумали, что вы сигнализируете, и попытались отправить ответ. Но мы собрали по ходу все возможные несчастья — индуктор-передатчик потеряли на дне разлома, дымовые шашки высыпались, пока мы ползли, плюс в этот час воздушный поток имел другое направление, ну, и вдобавок ни один из детонаторов не сработал. Поэтому целых два часа мы просто по очереди кричали, задрав головы вверх.

— Я просил парней из Альпийского Клуба время от времени приглядывать за Р.40. Ну, я снова поднимаюсь — а вы?

— Понятное дело. Но давайте сначала перекусим, а уж со сном мы потерпим до вечера. Мы просунули удлинитель (манипулятор ²) с шахтерским ломиком в расщелину — и, если это Р.40, нужно будет просто наклониться и вытащить их.

Во время еды они подробно описали свои приключения. Никаких серьезных происшествий не было, но вышли поздно, и это стало главной причиной позднего прибытия. А также тяжелые мешки, да и команда оказалась не в такой хорошей форме, как прошлым летом.

Их передышка была безжалостно короткой — в девять тридцать мы уже отправились к вершине, громко окликая ребят из Альп-клуба Франции, которые весьма удивились, увидев нас снова после вчерашнего мрачного отступления.

¹ См. первые раскопки в Р.40, в которых участвовали Гиймá, Рю́э (Ruet), Петцль и Шевалье на стр.98, прим. К.Б.С.

² ... *manipulator and the mining bar...* — что такое «манипулятор», не совсем понятно. Логично предположить, что это секции шеста, которыми они ковыряли завал и оставили под колодцем Малыша. Прим. К.Б.С.

У нас больше не было лестниц — вчера наши друзья унесли их с горы, но мы не позволили этому нас смутить. Годилась и сдвоенная веревка, так как я прекрасно мог подняться по ней на руках.

Рапель (*rappel*) была навешена, и я пошел вниз, дрожа от надежд.

Сначала я ничего не видел в темноте, так резко сменившей сверкающие солнца на свежем снегу. Поэтому я выждал несколько секунд, затем зажег налобник и, стараясь не спешить, направил свет в то место, где должна была находиться расщелина. И сразу увидел стержень манипулятора.

Несколько мгновений я упивался ликованием.

Это был долгожданный момент, освятивший нашу бесспорную победу над системой Гляз.

Затем я подумал о своих друзьях, которые были на ногах уже пятьдесят часов и чье упорство позволило мне в одиночестве насладиться этим глубоко волнующим переживанием. Я прокричал наверх о победе, и выразительные, хоть и немзыкальные вопли раздались в ответ.

Наверху поднялся дьявольский гвалт.

Потом я крикнул:

— Ферно́! Шарли!

Но никто не услышал, и мне пришлось завопить еще громче:

— Эй! Ферно́!

— Что?

— Куда делся осыпной конус — прямо на том месте, куда мы обычно спускаемся по лестнице?

Сейчас на этом месте была большая воронка, объемом соответствующая материалу, который мы удалили, откапывая снизу. Как, черт возьми, нам удалось не заметить ее на следующий день после нашей августовской экспедиции?

Сверху доносились звуки недоверчивого изумления.

— Тащите веревку, — крикнул я.

Первым рейсом наверх отправились инструменты (*шахтерский ломик и трубы, прим. К.Б.С.*) — доказательство нашего прохождения.

Затем настал мой черед: с помощью двух веревок и нескольких пар сильных рук я быстро оказался наверху.

— А как насчет платка?

— О, Боже... я забыл посмотреть.

Затем мы попытались припомнить, кто спускался в Р.40 на следующий день после экспедиции «колодца Малыша» (*Kid Shaft expedition*).

Бернар Трёмю, да, а кто был второй? Никто не мог вспомнить.

Он (этот второй) был причиной всех проблем: не найти платка — дело такое, но расщелина с лета не изменилась, и он наверняка мог ее заметить.

Внизу в Сонт-Понкрас мы встретили Ну́ара, который вчера спустился в городок напрямую, и рассказали волнующие новости.

— Ты помнишь, — спросили мы его, — кто из нас летом спускался в Р.40?

— Да, конечно. Это был я.

— И ты не увидел платок? А расщелину? А воронку? В это невозможно поверить!

И мы навалились на преступника и потащили к конской поилке, несмотря на его отчаянные протесты, которые не прекращались, пока его не окунули головой в воду.

Но в конце-то концов, какое значение это имеет теперь?

Мы победили, и это самое главное.

Мы поднимали шампанское бокал за бокалом, празднуя радостное событие. Но по ходу застолья совершившие последний подземный выход парни начинали терять нить беседы, их глаза закрывались, головы никли и опускались на стол — ведь они работали с позавчерашнего утра, измученные бедняги!

Так что мы вернулись, ради них.¹

¹ *So back we went, for their sakes — куда они вернулись? Неужто в лагерь у пещеры Аннет? Но это единственное место, куда можно было вернуться, ведь там оставались вещи... Остается только склониться в уважении к силе духа и выносливости этих парней, прим. К.Б.С.*

ЭПИЛОГ — Последние часы в Гляз

Экспедиция 1 ноября (1946) так затянулась, что мы не смогли снять снаряжение, демонтировать шест и заменить лестницы на веревки и шкивы. Поэтому нам следовало как можно скорее вернуться в Гляз, чтобы спасти лестницы с Балконного колодца.

Еще одна работа, ожидавшая нас, — это расчистка расщелины или воронки на дне Р.40, чтобы получить возможность сверху вытащить лестницы, оставленные у Трех Сестер.

17 ноября (1946) мы выполнили первый пункт программы. В Балконном колодце не осталось никаких наших следов, кроме нескольких крючьев, вбитых в стены.

Через пятнадцать часов мы вышли в глухую ночь. Было немило-сердно холодно, дул штормовой силы ветер, и, поднимаясь на плато, мы утопали в глубоком снегу. Здесь со вчерашнего дня вторая команда пыталась расчистить «конус» воронки на дне Р.40. Падая от изнеможения, мы наконец добрались до цели.

Палатка, разбитая на снегу, затвердела от мороза, и в ней спали двое. Остальные все еще оставались на дне колодца, защищенные хотя бы от ветра, если не от холода. Преодолевая жесткое сопротивление мокрых и смерзшихся обломков с помощью совсем не подходящего инструмента, им удалось углубиться метра на два. Считая, что осталось еще столько же, они на время отказались от борьбы.

В декабре (1946) Петцль и Петі-Дидьё в последний раз попробовали пробиться в Гляз и были в шаге от скверного исхода. Внезапно на них обрушился сильный шторм, и им пришлось отчаянно сражаться, чтобы пересечь плато Дон-де-Кроль (*Dent de Crolles plateau*).

Устье Р.40 оказалось почти перекрыто снежным мостом.

И в этом году больше ничего не было сделано.

Но 4 мая 1947 года они пошли снова, и на следующий день я получил такую телеграмму:

PLATEAU-GLAZ LINK ACHIEVED. FERNAND AND CHARLY.

СОЕДИНЕНИЕ ПЛАТО — ГЛЯЗ СДЕЛАНО. ФЕРНО И ШАРЛІ.

Оказалось, что сложнее всего было найти Р.40, все еще замаскированный толстым слоем снега. Ползая между снегом и скалой, они нашли отверстие, закрепили лестницы и спустились вниз.

У расщелины Малыша (*Kid fissure*) они поместили большой заряд взрывчатки, к которому через весь колодец протянули систему электрических проводов, после чего снова поднялись вверх.

Все было готово.

Жизель Трюффү (*Gisèle Truffot*) отвечала за индуктор, который даст искру для взрыва в 40-ка метрах ниже.

— Давай, Жизель, — сказали они, — открой самую глубокую пропасть в мире!

Раздался глухой рев, и через несколько секунд столб густого дыма вырвался из колодца.

Через час, когда газы рассеялись, Шарли спустился. От пяти до шести центнеров скальной массы было отколото от стены и скатилось на несколько метров вниз, открыв достаточно места, чтобы пройти.

Наш заключительный визит был запланирован на праздники Троицы (*Whitsuntide holidays* — 24-25 мая, 1947 года, прим. К.Б.С.).

В первый день, 24 мая, мы пошли через Р.40, чтобы снять лестницы, но, к сожалению, пришли слишком поздно. Провисев девять месяцев под водопадами Трех Сестер, они пришли в полную негодность.

На Троицын день (*Whit Sunday*, 25 мая) мы сделали первое грандиозное пересечение Дон-де-Кроль.

Естественно, самым впечатляющим стал бы маршрут с наибольшим перепадом высоты: то есть, по активной системе от ее истока в Р.40 до выхода на поверхность в пещере Ги-Морт. Операция была осуществима, но требовала бесконечной подготовки и предварительного оснащения нескольких вертикальных участков подземного Ги-Морт, непроходимых без лестниц, а также — периода очень сухой погоды.

Поэтому мы отказались от этой идеи.

С другой стороны, сквозной маршрут по древним системам через соединение между Галереей 43 и пещерой Аннет Бушакүр был возможен в любое время года, и именно этот маршрут — в будущем классика спелеологии, был тем, который мы собирались сейчас открыть — пройти впервые.

Более короткая, чем большинство наших предыдущих экспедиций, эта тоже была не лишена риска. В районах обрушений, которые нам только недавно удалось пройти, была пара участков нагромождений неустойчивых плит. Любая даже небольшая подвижка с прошлого лета вполне могла снова запечатать ходы. Но мы решили, что рискнем, и 25 мая в час дня ввосьмером вошли в Гляз.

Этот переход сквозь гору, протяженностью почти 3 километра (2926 метров), включал в себя 128 метров колодцев, по которым можно было спуститься по сдвоенной веревке с последующим сдергиванием (*en rappel*), чтобы избежать необходимости нести много снаряжения.

У колодца Ферно́ мы с Петцлем несколько часов занимались склеиванием частей челюсти нашего пещерного медведя, пока остальные старались освободить сдвоенную веревку, застрявшую при сдергивании.

А потом мы вошли в Галерею 43.

На дне колодца Грога (*Grog Shaft*), после последнего спуска по веревке, мы должны были встретиться с группой, идущей нам навстречу с Восточной стороны.

К восьми вечера мы встретились.

У нас была последняя надежда найти соединение с пещерой Шёвалье́, но, несмотря на тщательные поиски, мы ничего не нашли.

Путь наружу никогда не предназначался для контрабандистов — единственный выход, «Таможню», со стороны нашего нынешнего подхода изнутри обнаружить было нелегко. В одном месте мне пришлось поискать какой-нибудь вариант не ползти на животе по грязи. Обходной ход оказался довольно длинный, сухой, хоть и очень узкий. В итоге, находясь в какой-то паре метров от «Таможни», мы минут десять блуждали в завале, прежде чем нашли правильный путь.

Той ночью, в половине двенадцатого, мы вышли на площадку перед пещерой Аннетт: первое подземное пересечение Дон-де-Кролля состоялось.

Вскоре после нашего прибытия ужасный взрыв заставил всех подпрыгнуть, и эхо металось меж вершинами больше минуты. Но это была всего лишь одна из маленьких шуток Ферно́ — его способ отметить триумф дня, эпилог к двенадцатилетнему поиску.

Итак, это был конец наших исследований Дон-де-Кролля.

Команда все еще не до конца верила, что цель достигнута, и в глупине души сомневалась — а вдруг это все же сон.

Вернемся ли мы когда-нибудь в Гляз, в наш родной лагерь у пещеры Аннет?

Никогда.

Потому что это был действительно конец.

Одна или две проблемы, которые мы оставили не решенными, были недостаточно важны, чтобы оправдать долгие часы, которые нам пришлось бы посвятить их разгадке.

Настало время переключить внимание на другие пропасти, потому что мы все еще не были готовы окончательно распрощаться с подземными исследованиями, иногда столь мучительными, но богатыми на счастливые воспоминания и такими плодovitыми на крепкую дружбу.

На рассмотрении у нас было уже немало вариантов, и вскоре нам предстоит исследовать глубины какой-нибудь новой системы.

Но что бы ни случилось на нашем пути, мы не сможем снова пережить те великолепные часы, которые провели под Дон-де-Кроль, и которые всегда будем ценить как одни из самых замечательных в нашей жизни.

Приложения

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ГИДРОГЕОЛОГИЯ ДОН-ДЕ-КРОЛЛЬ¹

Дон-де-Кроль является южной оконечностью осадочной синклинали восточного Шартреза (*Eastern Chartreuse*).

Подземная система, протяженностью более 17 километров, состоит из двух частей, каждая из которых образовалась сама по себе: активная, все еще находящаяся в процессе эволюции, и древняя, которая, вероятно, относится к Третичной эре (*Tertiary era*).

Активная система: ее водосборной зоной является верхнее плато.

Воды, стекающие под землю, проникают через разломы (зоны контакта, стыки) и трещины в известняке (лапиаз), проходя последовательно через Ургон-Аптские (100 метров) и Ургон-Барремские известняки (200 метров), а затем желтые известняки из толщи Нижне-Барремских известняков (100 метров).¹

Различные притоки сливаются к основанию синклинали при достижении Готеривского яруса известняков (*Hauterivian*).² Общий поток этих инфильтрационных вод, формирует подземный Ги-Морт и снова выходит на поверхность в источнике, изливающимся из пещеры.

Вся система общей глубиной 658 метров является гидрогеологическим разрезом наиболее значительным из известных, который прослеживается на всем протяжении ее ходов.

¹ Address given at the 14 April 1947 session of the Academy of Sciences by M. E. de Martonne — М.Э. де Мартонн. Выступление 14 апреля 1947 г. на сессии Академии наук, примечание переводчика на Английский.

² Ургон, Апт, «Баррем», Готерив..., Стратиграфическая геология является сложным и запутанным предметом, и наша задача здесь состоит в том, чтобы кратко объяснить различия названий английской и французской систем разделов Меловой системы (*Cretaceous system*). Французская геология распознает пятнадцать подразделов, названных по местам, где данные отложения особенно хорошо выражены. Это URGONIAN (от ORGON в долине Durance), APTIAN (от APT в Воклюз), 'BARRÉMIEN' (от BARRÈME в Басс-Альпах = 13 апреля 1970, департамент **Basses-Alpes** был переименован в *Alpes-de-Haute-Provence*, прим. К.Б.С.) и HAUTERIVIAN (от Hauterive, Озеро Невшатель) — это названия слоев Нижнего Мелового периода над Юрскими Оолитами. Я думаю, что интересным для нас моментом здесь является расположение и разная глубина этих отложений известняка, прим. переводчика на Английский.

Мы знаем девять или десять из этих систем. (*видимо, активных, которые, сливаясь, образуют реку Ги-Морт, прим. К.Б.С.*). Они были образованы в скале свободным током воды и характеризуются последовательностью огромных колодцев, имеющих форму параболоида, размерами от 1 до 5 метров в диаметре, разделенных высокими, но узкими извилистыми галереями (высотой от 3 до 10 метров и менее метра в ширину). Колодцы проработаны на пересечениях разломов или диаклаз¹, а галереи имеют исходные поверхности залегания (напластования), четко прослеживаемые по форме их потолков.

Вода, прорабатывая с поверхности путь через карровый пласт (лапиаз) с помощью химической коррозии известняка, далее продолжает свою работу в основном за счет механической эрозии. Мы подтвердили эту гипотезу, измерив годовую потерю массы образцами горных пород различной твердости, как восприимчивыми, так и не подверженными воздействию углекислоты.

Способность протачивать (изнашивать, точить) камень возникает у воды благодаря скорости ее потока. Этим объясняется конфигурация колодцев и их размеры, намного превышающие размеры галерей. Последние, постепенно врезавшиеся все глубже и глубже, по мере протирания от исходного пересечения разломов, образуют лабиринты увеличивающихся размеров. Ширина галерей напрямую связана с объемом потока. И если между потолком и основанием эта ширина более или менее постоянна, можно сделать вывод, что норма осадков не менялась в сколько-нибудь заметной степени в течение всего периода формирования.

Современные водотоки: в засушливые периоды поток расходом около 20 литров в секунду кажется несколько бóльшим, чем можно было бы ожидать, глядя на скудную растительность плато. Исследование верхней области активной системы показало, что объем воды был обусловлен не снегом, остававшимся в отверстиях лапиаза, как это часто предлагалось, а конденсатом, выпадающим из паров воды, содержащихся в воздухе, поступающем снаружи в область низких температур (-4°C .).

¹ *Французские геологи прошлого века различали (классифицировали) три вида разрывов монолитности скальных пластов (или, проще — ‘joints’ — «стыки»). В общем они были названы «Литоклазы» (‘Lithoclases’). Менее значительные разрывы и разломы имели специальные названия, и французский термин диаклаз, диаклаза (diacalse) более или менее соответствует употребляемому в английском переводе термину ‘joints’, прим. К.Б.С.*

С одной стороны, разница между температурами внутри и снаружи приводит к непрерывной и значительной циркуляции воздуха между выходами на разных уровнях, а с другой — даже в самых крошечных трещинах в лапиазе возникают локальные конвекционные потоки, и мы действительно наблюдали образование ручейков приличного размера менее чем в 10-ти метрах под уровнем плато.

В активной системе скорость потока воды при уклоне 1 к 5 составляет около 100 метров в час. Позже скорость этого потока тормозится водоемами, и требуется от 50 до 60 часов, чтобы вода прошла через различные разветвления Гляз до источника Ги-Морт (*Guiers Spring*).

При паводке скорость потока может достигать 2-3 метров в секунду (15 сентября 1940 г.), что вызывает повышение уровня до 16 метров и затопление сотен метров галерей.

Древняя система: Дон-де-Кроль содержит только часть старой системы, которая некогда пересекала его с востока на запад.

Водосборный бассейн, который полностью исчез, был продолжением существующего рельефа к югу и западу, над плато Петй-Рошэ и, вероятно, за его пределами в направлении Изэра.

Изучение отложений на полу одного из гротов, состоящих в основном из кварца и глауконита (зелёная земля), доказывает, что во время формирования системы Ургонский слой (*Urgonian layer*) все еще был перекрыт панцирем Сенонских пластов (*Senonian strata*).¹

Сегмент, который сохранился, состоит из двух основных ветвей, входящих в Восточную сторону Дон-де-Кроль на контакте с Готеривскими мергелями (*Hauterivian marls*) и выходящих на его Западной стороне в Тру-дю-Гляз в среднем сечении пласта Верхне-Барремских известняков (*upper Barremian*). Его огромные галереи, следуя геологическому строению, формировались пилообразно, спускаясь вдоль подстилающих пластов и поднимаясь в зонах разломов (*Joints*).

В отличие от активной, древняя система прорабатывалась напорными водами, что вызывало равномерную эрозию изначальных трещин с формированием в результате однородных участков в целом эллиптической формы.

¹ Меловая толща (*Cretaceous stratum*) с большим количеством кремней района Сонс. Сонс находится в департаменте Йонн. «Сенон» — это верхний мел (*Upper Cretaceous*) и содержит наш английский «мел», прим. переводчика на Английский.

Одна из этих ветвей была нами полностью пройдена (траверсирована — между входами на разных сторонах Дон-де-Кроль). Прохождение другой, между Гротом Шёвалье́ и Гляз, затруднено препятствием в виде галечного сифона протяженностью 100 метров, образованного аллювиальными отложениями, нанесенными из древней ветви.

Существование этого сифона подтверждается наличием очень крупного медвежьего скелета (клыки более 10 см), вероятно, вымытого через сифон паводком еще до того, как произошла его закупорка. Другие медвежьи кости, более позднего времени, были обнаружены около входа в Гляз. Но никаких следов человека нет (*древнего, надо полагать, прим. К.Б.С.*). Эти пещеры были очень неподходящими в качестве человеческого жилища.

**ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ПЕРЕЧЕНЬ ПЕЩЕРНЫХ СИСТЕМ МИРА,
ИМЕЮЩИХ АМПЛИТУДУ (ОБЩУЮ ГЛУБИНУ) БОЛЕЕ 250 метров**

Название и расположение	Глубина	
	метры	футы
1. DENT de CROLLES system (Isère, France) explored for 17 km.	658	2,157
2. SPLUGA della PRETA (Venetia, Italy)	637	2,088
3. ANTRO di CORCHIA (Tuscany, Italy)	559	1,833
4. TONIONSCHACHT (Styria, Austria) not completed, depth attained	527	1,728
5. ABISSO di VERCO (Istria) ¹	518	1,698
6. ANOU BOUSSOUIL (Djurdjura, Algeria)	515	1,688
7. ABISSO del MONTENERO (Istria, Yugoslavia)	480	1,572
8. ABISSO BERTARELLI (Istria, Yugoslavia)	450	1,473
9. HENNE-MORTE ABYSS (Haute-Garonne, France)	446	1,460
10. ABISSO FEDERICO PREZ (Istria, Yugoslavia)	420	1,377
11. EISRIESENWELT (Salzburg, Austria) 40 km. prospected	407	1,333
12. NIDLENLOCH (Solothurn, Switzerland)	394	1,293
13. GROTTA GUGLIELMO (Lombardy, Italy)	360	1,179
14. VON SARKOTIC GROTTA-ABYSS (Montenegro, Yugoslavia)	332	1,086
15. GROTTA di TREBICIANO (Istria) ²	329	1,077
16. CARLSBAD CAVE (Texas, U.S.A.) 50 km. prospected	320	1,047
17. TANA dell VOMO SELVATICO (Tuscany, Italy)	318	1,041
18. ABISSO del COL SCHIRLENICO (Istria) ¹	317	1,038
19. ABISSO ENRICO REVEL (Tuscany, Italy)	316	1,035
20. AVEN du CALADAIRE (Basses-Alpes, France) now being explored	313	1,025
21. OETSCHERSCHACHT (Lower Austria) not completed, depth attained	310	1,015
22. KACNA JAMA (Istria, Yugoslavia)	304	997
23. INGHIOTTITOIO di SLIVIA (Istria, Yugoslavia)	303	994
24. MARTEL ABYSS (Ariège, France)	303	994
25. ABISSO 11 di LEUPA (Istria) ¹	285	934
26. MAMMUT-HÖHLE im DACHSTEIN (Austria)	280	918
27. HÖLL LOCH (Schwyz, Switzerland)	280	918
28. ABISSO della BANSIZZA (Istria) ¹	278	912
29. GROTTA SCONDURAVA (Lombardy, Italy)	275	902
30. GROTTA di PADRICIANO (Istria) ²	270	882
31. GROTTA del REMEROU (Lombardy, Italy)	270	882
32. ABISSO del MONTE TUSSAR (Istria, Yugoslavia)	266	863
33. GROTTA dei MORTI (Istria) ²	264	862
34. SCIALET de le LUIRE GROTTA (Drôme, France)	260	850
35. BIÖLET GROTTA (Savoy, France) not completed, depth attained	257	840
36. SAN CANZIANO GROTTA (Istria, Yugoslavia)	253	827
37. GROS AVEN de CANJUEURS (Var, France)	252	824
38. BUCALARGA (Tuscany, Italy)	251	821
39. BUS di TACOI (Lombardy, Italy)	250	818
40. MEYLE ABYSS (Basses-Pyrénées, France)	250	818

Примечания к Таблице Перечня глубочайших систем Мира
на предыдущей странице 201

¹ На итальянской или югославской территории.

² На югославской территории или в районе Триеста.

Перечисленные ниже пещеры успешно удерживали мировой рекорд глубины (см. Таблицу).

№ 30. С 1839 по 6 апреля 1841 г.	270 м.
№ 15. С 6 апреля 1841 г. по август 1916 г.	329 м.
№ 14. С августа 1916 г. по 2 ноября 1924 г.	332 м.
№ 8. С 2 ноября 1924 г. по 26 августа 1926 г.	450 м.
№ 2. С 26 августа 1926 г. по 8 августа 1946 г.	637 м.

№ 20. В апреле 1948 года новое исследование Авен дю Каладаир (*Aven du Caladaire*) достигло 485 метров.

Этот список, составленный моим другом и соратником Жаном Нуаром, был обновлен в марте 1948 года.

**ПРИЛОЖЕНИЕ 3 СПИСОК ЭКСПЕДИЦИЙ,
ПРОВЕДЕННЫХ СПЕЛЕО-АЛЬПИЙСКИМ КЛУБОМ ЛИОНА
В РАЙОНЕ ДОН-ДЕ-КРОЛЬ**

1935

1. 1 ноября	7 часов	Тру-дю-Гляз	Посещение второго яруса
2. 10-11 ноября	17 часов	то же	Спуск в Р.36 до -140 м

1936

3. 1 марта	5 часов	Ги-Морт	Общие исследования
4. 28 июня	13 часов	Тру-дю-Гляз	Попытка в Р.60
Южная Галерея
5. 19 июля	10 часов	то же	Топо обоих ярусов

1937

6. 18-19 сент.	13 часов	Тру-дю-Гляз	Извилистая река
колодец Ферно́
7. 2-3 октября	16 часов	то же	Обводненные колодцы
второго яруса

1938

8. 17-18 сент.	18 часов	то же	Спуск в Р.36 до -202 м
9. 11-12 нояб.	18 часов	то же	Спуск в Р.36 до -224 м

1939

10. 14 мая	8 часов	то же	Раскопки в Северной
галерее
11(а) 14 июля	9 часов	Ги-Морт	Раскопки Урагана
11(б) 15 июля	4 часа	Тру-дю-Гляз	Прохождение Медвежьей
Трубы (<i>Bear Tube</i>)
12. 20 августа	5 часов	Ги-Морт	Прохождение «Конуса»
13. 24 декаб.	6 часов	то же	Поиск пути через
Рождественский бассейн

1940

14. 24 марта	10 часов	Тру-дю-Гляз	Медвежья Труба
и колодец Ферно́
15. 1 сент.	12 часов	Ги-Морт	Бивуак и Мармитовая
галерея
16. 3 сент.	8 часов	Тру-дю-Гляз	Перекресток — 1-й ярус
и Медвежья галерея

17.	5 сент.	7 часов	то же	исследование Системы Соединения
18.	8 сент.	12 часов	Тру-дю-Гляз	Вниз по Извилистой реке до глубины -170 м
19.	13 сент.	15 часов	Ги-Морт	Конец главной системы
1941				
20.	1-2 июня	14 часов	Тру-дю-Гляз	Система соединения исследована до глубины 170 м
21.	4-5 авг.	31 час	Ги-Морт	Конец Системы 2-го яруса
22.	8-9 авг.	29 часов	Тру-дю-Гляз	Соединение с Ги-Морт на глубине 270 м
23.	12 авг.	8 часов	Тру-дю-Гляз	Верхние системы (более близкий источник) 2-го яруса
--	30 нояб.	--	Тру-дю-Гляз	Первые эксперименты с дымовыми шашками в основном на поверхности
1942				
--	5 апреля	--	Тру-дю-Гляз	Второй эксперимент с дымовыми шашками в основном на поверхности
24.	23 апр. - - 4 мая	17 часов	Тру-дю-Гляз	Штурмовой шест в Польском и Колокольном колодцах
--	20-21 июня	--	на плато	Осмотр воронок
25.	2-6 авг.	34 часа	Р.40	Частичный успех в прохождении хода
26.	10-11 окт.	17 часов	Тру-дю-Гляз	Штурмовой шест: колодцы 2-го яруса
27.	31 окт. - - 1 нояб.	16 часов	Р.40	попытки раскопок и прохождения
1943				
28.	25 мая - - 6 апр.	20 часов	Тру-дю-Гляз	Штурмовой шест: Полуночный колодец
29.	29-30 мая	18 часов	Тру-дю-Гляз	Штурмовой шест: пересечение Балконного колодца
30.	12-14 июня	14 часов	Плато	Р.40 и разные воронки

31.	11 июля	13 часов	Тру-дю-Гляз	Штурм. шест: колодцы Тремю и Готический
32.	10-11 авг.	19 часов	P.40	Продолжение раскопок. Проект заброшен.
33.	13-14 авг.	23 часа	Тру-дю-Гляз	Исследование Галереи 43
34.	15-16 авг.	32 часа	то же	Завершение Галереи 43
35.	11-13 сент.	10 час.	пещ. Шёвальё	Раскопки и общие исследования
36.	25-26 сент.	16 час.	пещ. Шёвальё	Раскопки Нефа
37(a)	30-31 окт.	13 час.	Тру-дю-Гляз	Штурмовой шест: колодец Петі-Дидьё
37(6)	9 нояб.	10 час.	Тру-дю-Гляз	Штурмовой шест: Тронный колодец
38.	1 нояб.	13 час.	пещ. Шёвальё	Штурмовой шест: Неф, Лабиринт, колодец Всех Святых
39.	13-14 нояб.	19 час.	пещ. Шёвальё	Штурмовой шест: Галерея Вздохов
1944				
40.	9-10 апр.	29 час.	пещ. Шёвальё	Штурмовой шест: колодец Эдмүна Петцля
41.	28-29 мая	21 час	пещ. Бушакүр	Раскопки разных мест
42.	17-18 июня	21 час	Тру-дю-Гляз	Спуск в колодцы Галереи 43
43.	31 июля- - 1 авг.	9 час.	пещ. Бушакүр	Раскопки
44.	1-3 авг.	25 час.	пещ. Шёвальё	Раскопки - продолжение Невидимой галереи
45.	4-5 авг.	21 час	Тру-дю-Гляз	Штурмовой шест: Система Купольного Зала
46.	6-7 мая	13 час.	пещ. Бушакүр	Раскопки, обвал-оползень
47.	29-30 июля	21 час	Тру-дю-Гляз	Система колодца Траверса 166 м вниз
48.	1-2 авг.	22 часа	Тру-дю-Гляз	Эксперименты с прослуши- ванием, контакт с Восточной стеной
49.	2-3 авг.	11 час.	пещ. Шёвальё	Раскопки Опасной галереи (<i>Dangeon Gallery</i>)

50. 4-5 авг.	19 час.	Тру-дю-Гляз	Штурмовой шест: Балконный колодец
51. 6-7 авг.	28 час.	то же	Штурмовой шест: Орбитолиновый колодец
-- 8 авг.	5 час.	пещ. Петцля	восходящий колодец, в основном на поверхности
52. 9-10 авг.	13 час.	Тру-дю-Гляз	Галерея 43, Галерея Диакла- зы (<i>Gallery of the Diaclasses</i>)
-- 29-30 сент.	--	Плато	Эксперименты с дымовыми шашками на поверхности

1946

53. 26 мая	13 час.	Тру-дю-Гляз	Штурмовой шест: оснащение колодцев
54. 9-10 июня	19 часов	там же	Штурмовой шест: продол- жение Галереи Гийма́
-- --	10 часов	Плато и т.д.	Эксперименты с дымом
55. июнь- -июль	16,5 час.	пещ. Бушакүр	Раскопки 2-го завала
56. 1-6 авг.	17,5 час.	Тру-дю-Гляз	Штурмовой шест: оснаще- ние Балконного колодца
57. июль- - авг.	16,5 час.	Плато	Эксперименты с дымом
58. 1-6 авг.	17,5 час.	пещ. Бушакүр	Раскопки 3, 4 и 5 завалов
59. 2-3 авг.	29 час.	Тру-дю-Гляз	Штурмовой шест: колодец Трех Сестер
60. 7-8 авг.	35 час.	там же	Галерея Йорк: колодец Малыша
-- сент- окт	--	Плато	Снова попытка дымом в основном на поверхности
61. 1-3 нояб.	29 час.	Тру-дю-Гляз	колодец Малыша: попытка прослушивания с Р.40
62. 11-17 нояб.	15 час	там же	Демонтаж снаряжения на Балконном колодце
63(a) 16-17 нояб.	6 час.	Р.40	Пробивка сквозного пути через «воронку» - «конус»

1947

63(6) 4 мая и 24 мая	10 час.	Р.40	Сквозной путь открыт: соединение с Гляз
64. 25 мая	11 час.	Тру-дю-Гляз	Сквозной маршрут к Восточной стене
65. 26 мая	7 час.	пещ. Шёвальё	Радиосвязь с пещ.Бушакүр

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. ДОСТИЖЕНИЯ ПО ГОДАМ

(начиная от МАРТЕЛЯ, 1900)

Год	Разведано (м)			Глубина в метрах	Depth in Feet.
	Галерей	Колодцев	Всего		
1900 (Martel, etc.)	1,000	—	1,000		
1933 (de Joly, J.D.A.)	2,250	150	2,400	$-119 + 30 = 149$	492
1936	2,790	259	3,049	$-138 + 41 = 179$	586½
1938	3,287	567	3,854	$-224 + 41 = 265$	868½
1939	4,881	596	5,477		
1940	6,958	806	7,764		
1941	8,134	1,030	9,164	$-386 + 41 = 427$	1,401
1943	12,770	1,460	14,230	$-386 + 70 = 456$	1,495½
1944	13,419	1,661	15,080	$-386 + 147 = 533$	1,747½
1945	14,142	1,861	16,003	$-386 + 184 = 570$	1,869
1947	14,607	2,031	16,898	$-386 + 272 = 658$	2,157

Таблица картинкой

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. КОМАНДА ДОН-ДЕ-КРОЛЛЬ

Информация по 65 экспедициям,
организованным Спелео-Клубом Лиона (*Speleo Club de Lyon*),
всего 1 111 часов под землей

Name	Имя	Число экспедиций	Число часов под землей
Pierre Chevalier	Пьер Шёвалье	59	960
Fernand Petzl	Ферно Петцль	48	834
Charles Petit-Didier	Шарль Пети-Дидье	32	615
Jean Trémeau	Жан Тремю	15	299
François Guillemin	Франсуа Гийма	18	281
Jean Noir	Жан Нуар	10	208
Joseph Prunier	Жузеф Пруньи	10	185
Daniel Gagneur	Дэниель Ганьёр	11	169
Annette Bouchacourt	Аннет Бушакур	9	156
Willy Hurlimann	Вилли Харлиман	11	130
Guy Labour	Гай Лябур	7	112
Edmond Petzl	Эдмун Петцль	6	105
Hélène Guillemin	Илен Гийма	8	99
Philippe Damond	Филип Дамун	6	95
Elisabeth Chevalier	Элизабет Шёвалье	8	80
Charles Dubost	Шарль Дюбост	3	66
Robert Klopfer	Рубер Клюпфер	4	60
Jean Bailly	Жан Бейи	5	57
Jean Chassot	Жан Шассу	5	48

Примечание. Кроме этого, с нами были около 40-ка не упомянутых в списке помощников и друзей, участвовавших в двух или трех экспедициях каждый.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6. СКВОЗНЫЕ МАРШРУТЫ (ТРАВЕРСЫ) В СИСТЕМЕ ДЕНТ ДЕ КРОЛЬ

На момент написания осуществимы следующие маршруты через Дон-де-Кроль.

От Тру-дю-Гляз до грота Аннет Бушакур

Этот путь, состоящий исключительно из подъемов и спусков, включает в себя 2300 метров галерей и 130 метров колодцев.

Спуститься в колодцы можно по сдвоенным веревкам.

Самый глубокий колодец около 30 метров.

От Р.40 до Тру-дю-Гляз

Было исследовано только около 1600 метров этого чрезвычайно сложного маршрута, где галереи состоят из узких меандров и необходимо преодолеть 200 метров колодцев, обильно обводненных водопадами.

От Тру-дю-Гляз до пещеры Ги-Морт

Этот маршрут невозможно пройти, если заранее не навесить несколько вертикальных участков Ги-Морт, на которые нужно подняться. На этом маршруте 200 метров колодцев, чтобы спуститься, и 50, чтобы подняться.

Из 2725 метров галерей — 250 метров представляют узкие меандры и 500 метров лазов, через которые нужно ползти.

От Р.40 до пещеры Ги-Морт

Все сложности двух предыдущих маршрутов встречаются на этом.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7. Послание тем, кто продолжит нашу работу, и несколько нерешенных проблем

Поскольку мы ни в коем случае не считаем, что подземные исследования Дон-де-Кролля завершены, для интереса тех, кто придет вслед за нами, ниже я перечислю проблемы, которые нам пришлось оставить нерешенными.

С точки зрения чистого исследования, существуют четыре системы, требующие дальнейшего изучения, любая или все из которых могут пройти от Тру-дю-Гляз до Ги-Морт. Это **Р.60, колодец Лябүра** (оба обводненные), **система колодца Траверса** и еще — **Галерея Гиймá**.

Помимо этого, мы оставили не обследованными большое количество колодцев, для восхождения по которым требовался штурмовой шест более длинный, чем наш.

Необходимы раскопки в следующих местах завалов (это основные):

- (а) Соединение между пещерой Шёвальё и пещерой Петцля — заваленный колодец глубиной около 15-ти метров.
- (б) Из Галереи Вздохов (в пещере Аннет Бушакүр) к пещере Шёвальё — вероятное соединение с Тру-дю-Гляз.
- (с) Медвежья галерея, северная оконечность которой, по всей вероятности, соотносится с неизвестным выходом недалеко от Тру-дю-Гляз.

Удачи всем нашим преемникам

— это пожелание завершает мою книгу.

PIERRE CHEVALIER

НАЗВАНИЯ КОЛОДЦЕВ, ГАЛЕРЕЙ И др.

P.L.1, 2, 3, 4, P.60, P.36, Галерея 43 - названия, которые используются для уступов Фонарного колодца и важных пронумерованных колодцев, и эта форма названий сохраняется.

French	English	
Puits du Lac	Lake Shaft	Озерный колодец
Puits du Lasso	Lasso Shaft	Колодец Лассо
Puits Fernand	Fernand Shaft	Колодец Ферно́
Puits Labour	Labour Shaft	Колодец Ляб́ура
Puits de l'Ogive	Ogive Shaft	Готический колодец
Puits de la Cascade	Waterfall Shaft	Водопадный колодец
Puits de l'Arche	Archway Shaft	Арочный колодец
Puits des Trois Soeurs	Three Sisters Shaft	Колодец Трех Сестер
Puits du Balcon	Balcony Shaft	Балконный колодец
Puits de la Gnole	Grog Shaft	Обвальный колодец
Puits de la Lanterne	Lantern Shaft	Фонарный колодец
Puits de la Trône	Throne Shaft	Тронный колодец
Puits Trêmeau	Trêmeau Shaft	Колодец Тремю́
Puits Petit-Didier	Petit-Didier Shaft	Колодец Петі́-Дидьё́
Puits du Piège	Trap Shaft	Колодец Ловушка
Puits Chevalier	Chevalier Shaft	Колодец Шёвальё́
Puits du Jet d'Eau	Fountain Shaft	Колодец Источник
Puits du Piton	Spike Shaft	Крючьево́й Колодец
Puits du Pendule	Pendulum Shaft	Маятниковый Колодец
Puits du Cabri	Kid Shaft	Колодец Малыша
Puits de Pompiers	Firemen's Shaft	Колодец Пожарных
Puits de Orbitolincs	Orbitolina Shaft	Орбитолиновый колодец
Puits de Minuit	Midnight Shaft	Полуночный колодец
Puits du Mât	Pole Shaft	Польский колодец
Puits de la Cloche	Bell Shaft	Колокольный колодец
Puits de l'Escargot	Snail Shaft	Спиральный колодец
Puits de la Vire	Traverse Shaft	Колодец Траверса
Puits Martel	Martel Shaft	Колодец Мартёля
Puits Perrin	Perrin Shaft	Колодец Пейра́н
Puits Hurlimann	Hurlimann Shaft	Колодец Харлима́на
La Piscine	Swimming-pool	Плавательный Бассейн
La Nef	Nave	Неф
Relais Putod	Putod Shelf	Полка Пютóда
Relais Dubost	Dubost Shelf	Полка Дюбóста
Relais Bailly	Bailly Ledge	Уступ Бейи́
Boyau de l'Ours	Bear Passage	Медвежий Ход

Galerie du Bivouac	Bivouac Gallery	Бивуачная галерея
Galerie des Siphons	Siphon Gallery	Сифонная галерея
Galerie des Marmites	Pothole Gallery	Мармитовая галерея
Galerie des Diaclases	Joint Gallery	Галерея Диаклазы
Galerie des Soupirs	Gallery of Sighs	Галерея Вздохов
Galerie de la Tyrolienne	Tyrolean Gallery	Тирольская галерея
Galerie de l'Ours	Bear Gallery	Медвежья галерея
Galerie de l'Oubliette	Dungeon Gallery	Опасная галерея
Galerie de York	York Gallery	Галерея Йорк
Galerie de Guillemin	Guillemin Gallery	Галерея Гиймá
Salle des Douches	Showers, or Showerbath Chamber	Душевая или Душевой Зал
Salle des Excentriques	Eccentrics' Chamber	Зал Эксцентриков
Salle Chartreux	Carthusian Chamber ¹	Зал Шартрэ
Salle du Dôme	Dome Chamber	Купольный зал
Salle de l'Escalade	Climbers' Chamber	Зал Скалолазов
Arrêt de Joly	Farthest point reached by Joly	самая дальняя точка, достигнутая де Жолй
Vire des Stalactites	Stalactite Traverse	Сталактитовый Траверс
Diaclase Annette	Annette Joint (or Diaclase)	Диаклаза Аннет
La Douane	The Customs	Таможня
Grand Collecteur	The Mainstream	Главный Коллектор
Coupe de Noël	The Christmas Basin	Рождественский бассейн
Grand Canon	The Grand Canyon	Большой Каньон
L'Ouragan	The Hurricane	Ураган
La Trémie	The Funnel	Тоннель
La Baïonnette	The Bayonet	Байонет

¹ Причем тут Картезианский, когда у Автора написано Шартре? Недо-
умение К.Б.С. Так и не смог найти соответствий...

SUBTERRANEAN CLIMBERS
by Pierre Chevalier
SUBTERRANEAN CLIMBERS

by Pierre Chevalier

Дон-де-Кроль на юго-востоке Франции является одной из величайших пещерных систем в мире. is one of the greatest cave systems in the world. Pierre Chevalier and his companions spent twelve years (1936-1947) unravelling its mysteries foot by foot and establishing the world's deepest cave.

Эта история борьбы является захватывающим рассказом об экстремальных трудностях, смелых экспериментах с новыми техниками спелеологии, разочарованиях, редких победах, с трудом завоеванных в борьбе со всеми видами естественных препятствий, и об окончательном триумфальном соединении пещер Гляз и Ги-Морт.

Достижению своей цели подземные восходители посвятили все свое свободное время, деньги и скудные ресурсы в оккупированной Франции.

Без спонсорства, на скудном питании, полагаясь на собственную изобретательность и храбрость, причем некоторые из них одновременно сражались как партизаны против нацистов, они побили мировые рекорды глубины и добавили важные главы в историю исследования пещер и гидрогеологических исследований.

In his preface, the great French speleologist Norbert Casteret calls the В своем предисловии великий французский спелеолог Норбер Кастере называет исследование Тру-дю-Гляз одним из главных достижений Века.

Рассказ Шёвалье о тех двенадцати годах, давно уже опубликованный, незаметно заслужил репутацию одного из лучших классических спортивных и научных приключений.

Это долгожданное переиздание, дополненное вдумчивым новым предисловием Автора, делает историю его исследований доступным для читателей нового поколения.

«Возможно, "Подземные Восходители" Пьера Шёвалье — это самая лучшая книга, когда-либо написанная о пещерах.

In the field of cave writing, this is the only valuable work. В полном контрасте со стилем Кастере, это шедевр андеррайтинга - оценки рисков, на протяжении описания всех десяти лет¹ исследований в пещерной системе Тру-дю-Гляз».

247 pp., 5 1/2 by 8 1/2. ISBN 0-914264-15-X. Paperbound \$5.00

Cover design by Anna Kurz

Тони Уолтем, Пещеры (Tony Waltham, Caves), 1974.

Zephyrus Press, Inc. Teaneck

247 pp., 5 1/2 by 8 1/2. ISBN 0-914264-15-X. Paperbound \$5.00

Cover design by Anna Kurz

Zephyrus Press, Inc. Teaneck

¹ ... as it describes ten years of exploration ... — почему 10, а не 12 лет?

Удивление К.Б.С.

Послесловие переводчика на Русский

Сколь веревочке ни виться...

Мне казалось, что я никогда не закончу этот перевод.

Вроде, что сложного в том, чтобы перевести рассказ Коллеги о подземных исследованиях, пусть и совершенных уже около века тому назад? Ведь пещеры за это время не изменились, да и их исследователи тоже. И пока я путешествовал с парнями Пьера Шёвалье по и под Дон-де-Кролля, я очень часто ловил в себе резонансы - обстановки, чувств, стремлений...

Все-таки я тоже посвятил пещерам и спелеологии почти всю сознательную жизнь.

Трудности, странности и неувязки

...И постепенно нарастало чувство, что я распутываю огромную «бороду» спутанных веревок, и никак не могу найти концы. Очень долго у меня не возникало целостной картины исследований, и несмотря на наличие картосхем, я никак не мог «увидеть» подземную Систему во взаимосвязи ее составляющих.

Мало по малу выяснялось, что английский перевод грешит многочисленными огрехами, и, наталкиваясь на них, я каждый раз терял кучу времени, решая очередную смысловую головоломку. Приходилось сравнивать топо-схемы, сопоставлять описания в разных главах, представлять отсутствующие названия и уточнять имена, теряющиеся за постоянными повторениями «он». Пришлось так же проставить по тексту полные календарные и временные привязки, чтобы понять, что же стоит, например, за: «...мы вышли в девять» (чего-когда?).

Очень мешали нестыковки названий участков пещеры и даже просто ошибки в подписях на топо-схемах, судя по всему, сделанных от руки переводчиком на Английский. При этом не потрудившимся сохранить оригинальные французские, что считаю недопустимым.

Одна из ярчайших неувязок в самом начале, поначалу не понятая, долго свербил меня ощущением неправильности.

Вот, на стр. 20 читаем:

Chamonix. End of July 1934, the beastly weather one gets all too often in these parts. Yesterday, with my old friends Guy Labour and Henri Brenot I came back in a downpour from the Gamba hut, over the Seigne Pass; once more we'd had to abandon our attempt on the Peuterey ridge of Mont

Blanc. To-day a short spell of clear weather revealed the mountain with the snow-line pretty low.

'Finished for this year,' said one of us.

'We'll have to wait at least a week, anyhow,' another answered.

*'Suppose we took this chance to go and have a look at **Trombe**?' put in a third.*

***Trombe** was new ground for us—a region of 'pot-holes'. ...*

Перевожу как можно ближе к тексту:

Шамони. В конце июля 1934 года в этих краях слишком часто бывает чудовищная погода. Вчера, со старыми друзьями Ги Лябуром и Анри Брено, под проливным дождем мы спустились из хижины Гамба через перевал Сейн — нам снова пришлось отказаться от попытки восхождения на Мон Блан по ребру Пютрей. А сегодня в окне ясной погоды открылась вершина с довольно низкой снеговой линией.

— В этом году — все, — сказал один из нас.

— В любом случае, придется подождать как минимум неделю, — ответил другой.

*— Почему бы нам пока не пойти взглянуть **на Тромб**, — предложил третий.*

***Тромб** был для нас новой площадкой — областью «провалов». ...*

Все перерыл в поисках загадочного пещерного района «Тромб»!

И только благодаря чтению статьи Жан-Филипа Гронкюля (Jean Philippe Grandcolas, «*Pierre CHEVALIER (1905 Paris, décembre 2001)*»), найденной почти под занавес перевода, я вскрыл этот нарыв.

Ну, конечно! Не мог я найти ни в литературе, ни в Интернете «*новой для них площадки — области провалов, с колодцами Палюмёр*» (*Paloutere shafts*, см. 1-й абзац англ. перевода, стр.16), под названием Тромб. Потому что таковой не существует!

Тромб — это не область, а имя еще одного товарища Шёвалье по восхождениям, вероятно, вместе с ним, Лябуром и Брено в конце июля 1934 года переживавшего непогоду в горной хижине под Мон-Блан.

А в августе они вчетвером отправились знакомиться с пещерами на плато Палюмёр, только вместо Брено тогда был Дюбюк ...

Одна единственная фраза статьи Гронкюля ставит все по местам:

«Ses débuts se font sur le massif d'Arbas-Paloumère (Haute-Garonne), notamment au Puits de Plantillet avec Félix Trombe, Guy Labour et Gabriel Dubuc en août 1934».

«Он (Шёвалье) дебютировал на массиве Арбас-Палюмёр (Верхняя Гаронна), в колодце Плантилье с Феликсом Тромбом, Ги Лябуром и Габриэлем Дюбюком в августе 1934 года».

Именно Феликс Тромб, уже тогда занимавшийся пещерами, в последствии известный французский спелеолог, автор ставших классикой книг по спелео, показал друзьям пещеры массива Арбас-Палюмер... И, судя по всему, именно он был тем безымянным *коллегой по лаборатории* (см. стр.20) Шёвальё по работе, с кем Автор вел нескончаемые обсуждения эффективности горной и спелео-техник...

И это только один, правда, очень яркий пример несовершенства английского перевода.

Все подобное приходилось вылавливать, осмысливать, исправлять, и на это уходило неразумно много времени.

Пошло полегче, когда я понял, что Автор излагает события исследований не в хронологическом порядке, а делит их на ветви по неким объектам: Тру-дю-Гляз, плато, пещера Ги-Морт, Восточная стена...

Только таблица экспедиций в конце книги позволила как-то упорядочить понимание дат и лет и уяснить, что в действительности экспедиции проводились в самом произвольном порядке, то там, то сям, в разных местах, направлениях и пещерах.

Так что, возможно, в литературном плане действительно стоило рассказывать о них так, как сделал Автор — выделив исследование каждой составляющей Системы в отдельную главу со своей внутренней хронологией...

Не способствовало пониманию событий жонглирование неполными именами участников, а также «сплошные» диалоги без указания, кто какую фразу произносит. Не знаю, Автор ли так писал, или это чужда перевода на Английский.

В общем, ребус получился знатный. Переводить, не видя всей картины в целом, было трудно, и понадобилось много времени, чтобы выстроить и увидеть, наконец, всю картину в целом, буквально собрав по кусочкам, как огромный паззл.

Еще одним диссонансом описания исследований стала для меня их топографическая составляющая.

Мало того, что я прочитал много книг о работе в пещерах, так ведь и сам много лет занимаюсь подземной топографической съемкой систем, не уступающих сложностью Тру-дю-Гляз.

Поэтому меня очень удивила точность, с которой Автор со товарищи определял расстояния, и особенно — превышения прямо по ходу передвижения по пещере. Причем часто прямо в ходе первопрохождения — то есть, продвижения по ранее неизвестным ходам!

Вот пример (стр.167):

— Нуár, давай вперед и сообщай нам, что увидишь, ладно?

Он ушел, периодически крича: «Десять метров!», «Двадцать метров!», «Тридцать метров! И это все тот же старый ход».

Не могу представить, что даже сейчас, с большим опытом, я ползу по неизвестному мне шкуродеру или протискиваюсь в меандре и ухитряюсь определять, что я прошел 10 метров, 20 метров... Как?

Шёвалье пишет (стр.74),

...в качестве единицы измерения использовалась общая длина тела с вытянутыми над головой руками.

Хорошо, но как это сделать практически? Вот я лежу в лазе и вытянутой вперед рукой черчу (чем?) полосу — на полу? На стене? На потолке? Далее я ползу вперед, и каким-то органом зрения должен заметить, когда носок моего ботинка окажется четко на месте этой полосы, чтобы провести следующую... Каким образом я могу это почувствовать?

Длина моей персональной «единицы измерения» едва ли составляет целое число в метрах. Специально взял лазерную линейку Leica Disto и измерил — у меня получилось 2,33 метра «от кончика носика до кончика хвостика». Сколько раз я должен переползти, «увидев пяткой» отметку, чтобы набрать 10 метров и крикнуть об этом друзьям?

И еще — как мне не сбиться, сколько раз я уже переполз, если не записывать? А Нуár в приведенном отрывке едва ли полз с блокнотом и карандашиком в руках... Да и шел первым вообще первый раз в жизни.

Ну и совсем уже фантастикой мне представляется определение превышений или глубин, набранных по суб-горизонтальным меандрам, очень сложной конфигурации и большой протяженности, которыми изобилует Система Дон-дю-Кроль. Ладно колодцы, глубину которых с определенной точностью можно измерять по веревкам или лестницам. Но пологие меандры!

Автор (или переводчик на Английский?) ни разу не упоминает угломер-эклиметр, которым наверняка пользовался и без которого превышения измерить попросту невозможно.

Мало того! Измерив вертикальные углы уклона хода, мы не получаем превышения — их нужно вычислять, и даже если в голове упрятана счетная машинка, еще как-то надо помнить таблицу синусов во всем диапазоне углов. И потом это все безошибочно суммировать опять же в уме... — множество мелких значений, которых тем больше, чем более извилист наш путь по пещере.

В нормальной практике полуинструментальной (то есть с компасом, угломером и рулеткой) подземной топосъемки превышения хода

любой конфигурации вычисляют уже при камеральной обработке топоизмерений - то есть, после проведенных и записанных измерений.

Только современная цифровая топосъемка с помощью Disto-X (Disto-X2) и компьютерных топо-программ может давать нам картину превышений сразу в момент измерений. Только!

И то если делать сразу по мере первопрохождения съемка едва ли будет оптимальной.

Но читаем, например, на стр.175-176:

...Покинув место, где мы их видели в последний раз, Шарли и Прунэ сначала вошли по трудному и сложному колодцу, а затем преодолели исключительно тесную вертикально вытянутую в сечении узость (narrow squeeze). Они были самыми худыми из нас и то едва пробились. Затем немного спустились и вошли в довольно высокую галерею шириной 3,5 метра, в которой наконец смогли выпрямиться в рост. В заключение они уперлись в большой каменный завал, и несмотря на все старания, Шарли так и не смог прорваться сквозь него. ...

Но в любом случае набранная ими высота не оставляла сомнений — они достигли отметки 600.

Мы приветствовали этот блестящий и неожиданный результат возгласами и аплодисментами — теперь мы должны были находиться менее чем в 50-ти метрах под уровнем плато. ...

Вот мало того, что еле пробились через узости, так еще и с точностью измерили суммарно набранное превышение, рассказали об этом группе, и те аплодируют!

Как там говаривал Станиславский? Вот-вот — не верю.

В общем, остается предположить некий литературный прием, к которому прибег Автор, чтобы сделать свою книгу более читабельной — просто подставил в нужные места нужные числа с сопровождающим логичным описанием, в то время как в реальности дело шло несколько иначе.

И будь я далек от подземной топосъемки, как переводчик на Английский и подавляющее большинство читателей, я бы даже не обратил на эти подстановки внимания.

Но в самом начале меня сбила с толку фраза Норбёра Кастерё в его Предисловии на стр.17:

«...Следуя краткости Автора и из уважения его стремления к точности...»

А оказалось, что стремление к точности ограничено конечными числами измерений, но в самом повествовании много событийных неточностей, на которые обратить внимание, наверно, могут только

спелео-педанты, вроде меня. Ну или это опять особенности перевода на Английский...

Напоследок короткое воспоминание.

Тру-дю-Гляз... Увидел название — *Pot-hole Gallery*, и пока подбирал подходящий перевод, вдруг ожила в памяти совсем другая Пропасть — Перовская, массив Арабика, Западный Кавказ, июль 1988 года.

И мы с Володией Киселевым, Владимиром Энгельсовичем, пробираемся вглубь и вниз по впечатляющей галерее на пути от лагеря «минус 600» к Сухому дну на отметке -950 м.

Эта галерея начинается после резкого поворота хода примерно на минус 700 метров и впечатляет просторными водобойными котлами — глубокими ваннами с кипящим в них потоком. Гладкий вылизанный водой белый камень, множество небольших уступов по несколько метров, шум водопадов и почти полное отсутствие точек, куда можно закрепить перильную веревку, чтобы подстраховаться при лазании над всем этим.

Наши ацетиленовые лампы озаряют живописные объемы шумного царства белопенного потока и блестящих дочиста вымытых скал.

Мы с Володией в брызгозащитных комбинезонах поверх самоклеенных гидрокостюмов из ткани «дождь», и все равно глубокие купания нам противопоказаны. Мало приятного получить порцию воды через воротник, а полностью паковать себя — себе дороже: от нас и без того валит пар.

— Мармитовая галерея», — говорит Володя, оборачиваясь.

— Почему «мармитовая»?

— Ну, вон, какие котлы... кипят.

Только потом я узнал, что мармитами называют поварские кастрюли особой формы.

И вот — вдруг встретил «мармитовую» галерею в Тру-дю-Гляз...

1940... 1988... 2020...

Будто сомкнулись в рукопожатии времена.

Пьер Шёвалье — Спелеолог

Информация взята из Мемориальной статьи «**Pierre CHEVALIER (1905 Paris, décembre 2001)**», автор **Jean Philippe Grandcolas — C.D.S. Rhône**, опубликованной на сайте <http://souterweb.free.fr/speleologues/chevalier.htm>

Читая историю исследований Дон-дю-Кролля, складывается впечатление, что это была «одна, но пламенная страсть» Пьера Шёвалье и его сподвижников. Хотя в паре мест проскальзывают упоминания о других, посещенных Автором в те же годы пещерах, об истинном размахе и интенсивности спелеологической деятельности Пьера Шёвалье по его Книге догадаться невозможно.

А эта деятельность была удивительно активной!

Как мы уже знаем, Шёвалье впервые попал в пещеру в августе 1934 года.

А 1-го ноября 1935 года началось его увлечение Тру-дю-Гляз.

С этого времени исследования Системы Дон-дю-Кролля велись с 1935 по 1947 год.

Но активность Шёвалье этим не ограничивалась. Я постарался выстроить его исследования более-менее в хронологическом порядке.

В период с конца 1935 по 1937 год Пьер Шёвалье посетил 7 пещер (ранее исследованных) в районе Бюжé департамента Ан (*Bugê, l'Ain*): пропасти Планашат № 1 и 2 (*gouffres de Planachat*), пещеру де Вю-Сан-Сюльпис (*grotte de Vaux-Saint-Sulpice*), Пресипис де Кю (*Précipice des Queues ou de Rogues* — пропасть Хвостов или Разбойников), пещеру Шаработт (*grotte de Charabotte*, где он рисует карту 530 м ходов), пещеру Жюжюрье (*grotte de Jujurieux* — составление плана и оценка протяженности в 1200 м) и пещеру де Корбьер (*grotte de Corbière*, исследована более чем на 150 м).

1 и 15 ноября 1936 года в Эпинском массиве (*Le massif de l'Epine*) в компании Перша он исследовал до -130 м Гюле-де-Лепрю или пропасть Шёвалье (*Golet des Lépreux* — Настоятель Прокаженных, ou gouffre Chevalier), а 4 сентября 1937 года с Харлиманом, Першем и Вашером (*Vacher*) они достигли в ней -195 м (после уточнения -168 м).

В 1937 году в том же массиве Пьер Шёвалье исследовал несколько небольших полостей, включая пещеру Конш или дю Нос (*grotte de la Conche ou de Nances*), до первого водоема.

В 1937 году Пьер Шёвалье в массиве Буж (*Massif des Bauges*) остановился (без причины) на отметке около -105 м в Тан де Грон Рафү (*Tanne*

des Grands Rafous). А также в пещере де Пре-Руж (*grotte de Pré-Rouge*) он исследует систему, носящую его имя (1038 метров).

С 1936 по 1938 годы экспедиции со Спелео-Клубом Парижа (*Spéléo-Club de Paris*) позволили ему исследовать несколько полостей:

— в Веркоре (*Vercors*), среди самых известных: пещера де ля Лу́йр (*grotte de la Luire*), провал дю Мальятёр (*sclaiet de Malaterre* -155 м), Гюр Фюмён (*Gour Fumant* -120 м), пещера дю Бурнийён (*grotte du Bournillon*), пещера Двух Сестер (*grotte des Deux-Sœurs*, -57 м), провал дю ля Кумб де Фер (*sclaiet de la Combe de Fer*, -183 м), пещера де Куфáн (*grotte de Coufin*), провал дю Пишэ (*sclaiet du Pichet*), пещера де Дерамá (*grotte des Déramats*), пещера дю Берí (*grotte de Bury* -70 м);

— в Ду (*Doubs*) — он работал в известной гуффе дю Парадí, пропасти Рая (*gouffre du Paradis*),

— и в Деволу́й (*Dévoluy*) — в знаменитом Чорýм Дюпóн (*chourum Dupont*).

В 1937 году Пьер Шёвальё добавил 600 м в пещере Гьер-Виф (*grotte du Guiers-Vif*) в массиве Ольп дю Сёй (*massif de Aulp du Seuil*), Шартрез.

В 1937 году Пьер Шёвальё исследовал пропасть дю-Грон-Рань (*gouffre du Grand Ragne*, -111 м) и частично пропасть сюльи дю-Пти-Рань (*celui du Petit Ragne*, -79 м), в Альпийском массиве (*massif de l'Alpe*).

В 1937 и 1938 годах Пьер Шёвальё работал в известняках горы Мон Оутерóн (*Mont Outheran*) и исследовал здесь 7 пропастей, в том числе пропасть Муля́р (*gouffre Mollard*, -117 м), пропасть Мон-Утерóн (*gouffre du Mont Outheran*, -112 м) и л'авен-дю-Грон-Бум (*l'aven du Grand Boum*, — 92 м).

С 1937 по 1942 год Пьер Шёвальё со Спелео-Альп-клубом Лиона (*S.C.A. de Lyon*) и Альпийским клубом Макóна (*Alpine Club of Mâcon*) продолжали исследования в бездне де Бланý (*gouffre de Blanot*).

В августе 1938 года в Верхней Савойе (*Haute-Savoie*) вместе с Спелео-Альп-Клубом Лиона (*S.C.A.L.*) он сделал топосъемку Медвежьей пещеры на Семно́ (*grotte de l'Ours sur le Semno*) и пещеры Межевёт (*grotte de Mégevette*). А также исследовал Танн а ля Грайль в массиве Су-Дин (*Tanne à la Graill sur le massif de Sous-Dine*) до -179 м.

В 1939 году он совершает короткое путешествие в пещеру л'Арму́а в Самуáнсе (*grotte de l'Ermoy, à Samoëns*).

В 1942 и 1943 годах команда Спелео-Альп-Клуба Лиона (S.C.A.L.) особенно интересуется массивом Пармелон (*massif du Parmelan*), где расположенная под ним пещера Ла Дью (*grotte de la Diau*) предвещает интересные открытия, в которых участвуют также Фернó Петцль и другие члены команды Дон-де-Кроль, совместно с группой Скауты Франции из Анси́ (*Eclaireurs de France d'Annecy*, см. стр. 101).

С 1942 по 1945 год эти группы исследовали пропасть Пертью (*gouffre du Pertuis*) до -155 м, в Пармелон.

В 1947 году Пьер Шёвалье совершает восхождение с шестом в «красных залах» Авен д'Орньяк в Ардеш ("*salles rouges*" de l'*aven d'Orgnac, Ardèche*). А также посещает пещеры Трабьюк в Гяр (*grotte de Trabuc, Gard*), пещеру Сигальёр в Арьеж (*grotte de la Cigalère, Ariège*) и пропасть Эспаррос, Верхние Пиренеи (*gouffre d'Esparros, Hautes-Pyrénées*).

Завершив эпопею Системы Дон-дю-Кроль, Шёвалье продолжает заниматься спелеологией в других пещерах и районах.

В 1948 году в массиве Пармелон, с группами Дон-де-Кроль и Скауты Франции из Анси́, Шёвалье исследовал Ледяную пропасть (*gouffre Glacé*) до -108 м, а также колодец дю Бонé (*puits du Bonnet*) до -130 м.

В 1949 году с командой Дон-де-Кроль и Скаутов из Анси́ в пещере Ла Дью (см. выше) на Пармелон совершены восхождения до +130 м.

В 1950 году в пещере Ла Дью продолжение восхождения дало +162 м.

В 1950 году Шёвалье исследовал Тан ле Пару́ (*tanne à Parot*), Верхняя Савойя.

В 1950-1951 годах на плато д'Онжá, Веркор (*plateau d'Engins, Vercors*), он исследовал пропасть P2 (*gouffre P2*, -257 м),

В августе 1951 года в массиве Пармелон Шёвалье исследует колодец дю Меондр (*puits du Méandre*) до -100.

В 1951 году произвел разведку Мун-Терé (*Mont-Téret*), Верхняя Савойя.

В 1951 и 1952 годах там же он продолжил исследование сложной пещеры Двух Сестер (*grotte des Deux-Sœurs*) до -181 м.

В 1952 году на плато д'Онжá, в пещере Гурньé (*grotte de Gournier*) Пьер Шёвалье́, Петí-Дидьё́, Имáс (*Eymas*), Силяно́ли (*Sillanoli*) восходят на 12-метровый водопад и достигают Великой Стены в Зале Шёвалье́ (*Grande Muraille dans la salle Chevalier*) на отметке +200 м.

В 1952 году в Перкюлё́ (*Perquelin — Saint-Pierre-de-Chartreuse*) проводится первый национальный спелео-курс под руководством Пьера Шёвалье́, во время которого было сделано первое пересечение активной Системы под Дон-дю-Кро́ль: от P40 до Ги-Морт.

В 1953 году в массиве Буж Пьер Шёвалье́ с группой из Спелео-Клуба Лиона (*Spéléo Club de Lyon*) работал в Танн-де-Кошо́н (*Tanne des Cochons*), исследованной до -108 метров, и достиг отметки - 200 метров.

В 1954 году — на плато д'Онжá, Веркор (*plateau d'Engins, Vercors*), он работает в пропасти Жан Нуáр (*gouffre Jean Noir*) до отметки -134 м.

В 1954 году Шёвалье́ в течение недели участвовал в «лагере -500» в Гуффр-Берже́ (*camp de -500 au gouffre Berger*).

Как и большинство французских спелеологов того времени, Шёвалье́ пришел в пещеры, как уже состоявшийся восходитель, и, увлекшись пещерами, не оставил горы.

С 1923 по 1949 год он взшел на 255 вершин, в том числе 40 вершин высотой более 4000 метров.

И только в период с 1939 по 1945 год он оставил горы, ради интенсивных работ в Системе Дент-де-Кро́ль.

Вклад Пьера Шёвалье́ в снаряжение и технику спелео-исследований мы уже знаем — о нем было рассказано самим Автором книги «Подземные Восходители».

Я не буду подробно останавливаться на деятельности Пьера Шёвалье́ в спелео-общественной жизни Франции.

Вот только основные вехи:

— начав заниматься горовосхождениями в 1923 году, с 1925 года он состоит в «Группе Высоких Гор» (*Groupe de Haute Montagne*), и в 1929-1930 годах является ее Генеральным секретарем.

— с 1924 года является пожизненным членом Французского Альпийского Клуба (*Club Alpin Français*).

— с 1935 года Шёвалье́ — член-основатель Спелео-Клуба Лиона (*Spéléo Club de Lyon*), а с 1937 года — вице-президент. В 1943 году Спелео-Клуб Лиона распущен и заменен Комиссией по спелеологии

Лионской секции Французского Альпийского Клуба (*C.A.F.*) под названием Спелео-Альпийский Клуб Лиона (*Spéléo Club Alpin de Lyon*), ее президентом становится Пьер Шёвалье.

— с 1936 года — член-основатель Спелео-Клуба Парижа (*Spéléo Club de Paris*).

— с 1937 года Действительный член (пожизненно) Спелеологического Общества Франции (*Société Spéléologique de France*), с 1938 года — вице-президент, с 1951 по 1953 год — Президент *SSF*.

— с 1949 года — Вице-президент Национального комитета спелеологии Франции (*Comité National de Spéléologie*).

— с 1953 года — Почетный член Французской Федерации Спелеологов (*Fédération Française de Spéléologie*).

Пьер Шёвалье — поистине выдающийся Спелеолог, чей вклад в спелеологию Франции и всего Мира трудно переоценить.

Константин Б.Серафимов

16 мая - 10 августа 2020 года — 7-12 января - 22 августа 2021 года